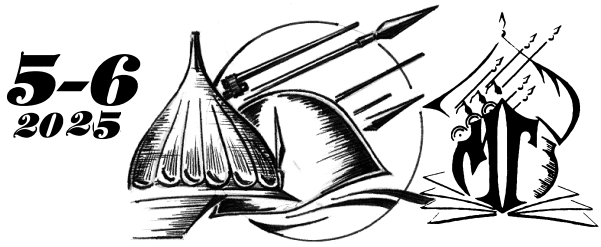
Россия, Русь! Храни себя, храни!



Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Величайшая в истории Победа** 3
Валерий ТУЛИН. **Полководцы Великой войны** 8
Ростислав ИЩЕНКО. **Если враг не сдаётся...** 54
Сергей МИХЕЕНКОВ. **Луганские записки** 100

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. **Ангелы Суджи**. Глава из романа 12
Владимир ГУРЬЯНОВ. **Рассказы** 60
Сергей ПЫЛЁВ. **Карагана Донецкая**. Рассказ 72
Михаил СМИРНОВ. **Последняя осень**. Рассказ 113
Александр ЛОМТЕВ. **Короткие рассказы** 126
Татьяна КИБАРДИНА. **Два сапога — пара**. Рассказ-быль ... 142

ПОЭЗИЯ

Дмитрий КОВАЛЁВ. **Я тишину люблю**. Стихи 40
Фёдор СУХОВ. **Нас везли на войну...** Стихи 48
Анатолий АВРУТИН. **Вот так и живём...** Стихи 88
Владимир АРХИПОВ. **Братская высота**. Стихи 95
Нина ПОПОВА. **Над израненной плотью земли**. Стихи 150
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. **Лицом к лицу**. Стихи 157

РУССКИЙ МИР

Олег ПЛАТОНОВ. **Великая миссия Русского мира** 163

УРОКИ ИСТОРИИ

Михаил КУЛЕШОВ. **Русский смысл Великой Победы**..... 177
Андрей КОСТЕРИН. **Освобождение Европы. Опять...** 191

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Валентин КАТАСОНОВ. **Маск начал «исправляться»** 195
Владимир БОЛЬШАКОВ. **Ждуны** 201

РУССКИЙ ВОПРОС

Филипп ЛЕБЕДЬ. **Не Орда, а Третий Рим!** 207
Андрей СОШЕНКО. **Стратегия вымирания** 212

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Валентин КАТАСОНОВ. **«Избранные» всемирной империи** 218
Андрей СОШЕНКО. **Единый процесс** 224

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Александр СЕВАСТЬЯНОВ. **К чему ведёт перемирие?** 227
Ростислав ИЩЕНКО. **Итоги переговоров известны заранее** ... 232
Александр ТИХОНОВ. **Пропустим ли удар в спину?** 236
Валерий ШАМБАРОВ. **Извращения «политкорректности»** 239
Мехмед МУСЛИМОВ. **В традициях махровой русофобии** ... 244
Андрей СОКОЛОВ. **Загадка Ельцин Центра** 247
Петр ДАВЫДОВ. **Косово на российских просторах** 251

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы**.
Размышления и воспоминания. Продолжение 254

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Вячеслав ЛЮТЫЙ. **Медленные птицы**.
Бытийный круг в поэзии Николая Алешкова 264

ИСКУССТВО

Руслан СЕМЯШКИН. **Иван Козловский**.
К 125-летию великого русского певца 275

Валерий ГАБРУСЕНКО

ВЕЛИЧАЙШАЯ В ИСТОРИИ ПОБЕДА

О Великой войне и о нашей Победе в ней за 80 лет было создано множество мифов. Вот некоторые из них в хронологической последовательности.

Войну развязали фашисты с целью уничтожить социалистический строй в нашей стране.

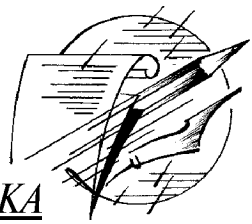
Войну мы выиграли благодаря гению Сталина, а неудачи первого периода вызваны внезапностью нападения и вероломством агрессора.

Войну мы выиграли благодаря мудрому руководству Коммунистической партии, в поражениях же в 1941 и 1942 гг. виноват Сталин, который обезглавил в 1937 г. военное руководство, а сам оказался никудышным стратегом, допустив роковые просчёты накануне войны.

Войну мы выиграли, несмотря на бездарное военное руководство лишь потому, что «забросали противника горами трупов».

Войну мы выиграли только благодаря американской помощи.

Войну выиграли вовсе не мы, а американо-английский войска, победив немцев в величайших битвах в Африке,



Италии и после открытия Второго фронта в Нормандии (этот миф всё прошедшее с тех пор время живет на Западе и активно внедряется у нас либералами).

Наконец, подписав «позорный» Договор о ненападении с Германией, СССР является таким же виновником Второй мировой войны, как и Германия. Последнее — не миф, а самая грязная ложь, и останавливаться на ней не будем.

Что же было на самом деле?

О причинах войны. Якобы непримиримый антагонизм фашизма и большевизма на деле был идеологической удочкой, поначалу устраивавшей руководство как Германии, так и СССР. (На неё, кстати, попались многие русские эмигранты, жившие в те годы в Германии и поддерживавшие фашистов, а Сталин в 1930-е годы был уверен, что если Гитлер начнёт войну, против него поднимется весь германский рабочий класс.)

Нет, это была война Запада против России, война цивилизаций. В союзе с Гитлером добровольно воевала почти половина крупных государств Европы. На стороне Гитлера добровольно воевало также множество граждан завоеванных им стран. Вот показательные цифры. Из 3,77 млн. оказавшихся в советском плену 2,54 млн. составляли немцы, 0,77 млн. их союзники (венгры, румыны, итальянцы, финны, хорваты, словаки), а 0,46 млн. — французы, чехи, бельгийцы, норвежцы и т.д., то есть граждане оккупированных стран Европы. Они создавали даже добровольческие дивизии — «Фландрия», «Валлония», «Дания», «Нидерланды», позднее преобразованные в дивизии СС. Тех же французов, воевавших в гитлеровских войсках, погибло куда больше, чем в рядах антифашистского Сопротивления.

Немецкий проф. Пфефер писал в 1953 г.: *«Большинство добровольцев из стран Западной Европы шло на Восточный фронт только потому, что усматривало в этом общую задачу для всего Запада»*. Уместно вспомнить и слова Гитлера, произнесённые им в сентябре 1941 г.: *«Граница между Европой и Азией проходит не по Уралу, а на том месте, где кончаются поселения настоящих германцев... Наша задача состоит в том, чтобы передвинуть эту границу возможно дальше на восток, если нужно — за Урал»*. Как видим, общественный строй здесь был не при чём.

О Сталине. Гениальным полководцем он стал только в 1943 году — после Сталинграда, поэтому и звание Маршала Советского Союза, и орден «Победы» получил после Жукова и Василевского. Но война — это не только боевые действия. Это и экономика (обеспечение армии оружием, боеприпаса-

ми, питанием и снаряжением), и дипломатия (умение извлечь максимум пользы из союзников и нейтрализовать потенциальных противников), и идеология (умение воодушевить армию и сплотить весь народ) и мн. другое. Сталин прочно держал в своих руках все нити военного, экономического и политического управления и как Верховный главнокомандующий, как вождь страны нёс главную ответственность за всё — и за поражения, и за победы. И сколь ни огромен вклад в Победу маршалов Жукова, Василевского, Конева, Рокоссовского, Толбухина, Малиновского и других великих полководцев, роль Сталина — первостепенна.

О причинах наших поражений в 1941-м и летом 1942-го. Вероломство агрессора, конечно, факт (Гитлер нарушил Пакт о ненападении), но внезапности нападения не было. О вероломстве Гитлера уже хорошо знали, войну ждали и к войне готовились, хотя и надеялись, что она начнется не ранее лета 1942 г. — к тому времени рассчитывали закончить реформирование и перевооружение Красной Армии.

Репрессии в армии тоже сыграли свою роль, но роль не главную. Как показали последующие события, герои Гражданской войны, когда-то из унтер-офицеров и прапорщиков в одночасье ставшие комкорами, командармами и командующими фронтами и успешно воевавшие с тамбовскими крестьянами и кронштадтскими моряками, оказались неспособными воевать с настоящим противником. Война выдвинула блистательную плеяду новых полководцев (того же, кстати, возрастного поколения), но прошедших в своё время все ступеньки служебной лестницы.

Был и стратегический просчёт Сталина весной 1942 г. Верховный главнокомандующий, проигнорировав мнение Генштаба, посчитал силы фашистов после их поражения под Москвой настолько ослабленными, что дал добро на наступление Жукова под Ржевом, а затем на наступление Тимошенко под Харьковом. В результате, враг докатился до Сталинграда. Но главная причина всё же в другом: в 1941—1942 гг. **противник был сильнее нас**.

Во-первых, немецкая армия была лучшей в мире — и по выучке, и по вооружению, и по боевому опыту, и по уровню оперативно-стратегической подготовки генералитета. Нужно помнить, что тайная милитаризация Германии началась еще в 1920-е гг., а явная — с приходом Гитлера к власти и только с одной — агрессивной целью. В СССР-России после Гражданской войны происходил обратный процесс — разорённой стране было не по силам содержать большую армию, тем более что никаких агрессивных планов Москва не строила.

Во-вторых, на Гитлера работала экономика всей континентальной Европы, даже нейтральных Швеции и Швейцарии. А экономический и инженерно-технический потенциал Европы был просто несопоставим с советским. К тому же значительная часть наших заводов попала в руки врага, а в первом полугодии 1942 г. из-за эвакуации промышленности на восток мы имели самый низкий уровень производства вооружения и боеприпасов. Лишь к весне 1943 г., благодаря отчаянным усилиям всего народа, положение стало выравниваться — тогда и наступил перелом в войне.

Об американской помощи и Втором фронте. И то, и другое сыграло свою положительную роль. Те 10-15% вооружения и техники, что мы получили, были далеко не лишними, но погоду сделали не они, а наше оружие, ни в чём не уступавшее оружию врага. И боевые действия союзников, оттянувших на себя часть сил гитлеровской армии, тоже помогли уберечь какую-то часть наших солдат. Но — не более того.

Вспомним, что в 1942 г. в битве при Эль-Аламейне в Египте (которую на Западе, да кое-кто и у нас, приравнивают к Сталинградской битве) 230-тысячной армии англичан противостояла 80-тысячная армия Роммеля. Нам же у Сталинграда и Кавказа противостояла армия врага численностью 1,4 млн. чел., а всего на Советско-германском фронте воевало 6,2 млн. гитлеровцев. Высадка англо-американских войск в Сицилии в 1943 г. вообще не встретила сопротивления. А её ведь тоже стремятся поставить чуть ли не в один ряд с Курской битвой.

Как видим, боевые действия союзников на Средиземном море не могли нанести сколько-нибудь существенного урона Германии. Они имели совсем другую цель — очистить морские пути Англии к своим колониям через Суэцкий канал.

Особый разговор о Втором фронте, открытом союзниками в июне 1944 г. высадкой десанта в Нормандии. Можно долго обсуждать этот вопрос, но главное состоит в том, что **Второй фронт был открыт не против Германии, а против России.** Именно поэтому он не был открыт раньше, в тяжелейшем 1942 г., когда наша страна буквально истекала кровью. И именно поэтому он не был открыт позднее — союзники хотели оккупировать Германию первыми и лишить нас результатов победы. Вот слова Черчилля из его программы на 1944 г.: «*...надо немедленно создать новый фронт против её* (России. — **В.Г.**) *стремительного продвижения*». Насколько «напряженной» была их война, свидетельствует только один факт — даже в конце 1944 г. на Восточном фронте, т.е. против России, воевало более 2/3 всех дивизий гитлеровской коалиции. Из всех

177 немецких пехотных дивизий на Восточном фронте воевали 136, на Западном — 23; из 25 танковых дивизий — на Восточном фронте 19, на Западном — 3. Самые фанатичные и самые боеспособные соединения — эсэсовские дивизии на Западном фронте вообще не были.

О наших жертвах. Да, мы понесли огромные утраты. По оценкам ряда объективных исследователей, отечественных и зарубежных, общие наши потери составили порядка 20 — 21 млн. человек (а не 27 млн., взятых с потолка «историками» типа Волкогонова). Однако отношение наших военных потерь (умерших от ран, погибших и попавших в плен солдат) к потерям противника составило примерно 13:10, т.е. воевали мы не совсем уж плохо. Основная часть потерь — гражданское население на оккупированных территориях. Так что не мы «забросали противника горами трупов», а фашисты забросали Россию горами трупов мирных наших граждан. Стоит сравнить и другие цифры. После открытия Второго фронта советские военные потери составили 1,8 млн. человек, а англо-американские — 1,3 млн., притом что англо-американцам противостояли впятеро-вшестеро меньшие силы противника, которые сопротивлялись с куда меньшим упорством (процент пленных фашистов там был втрое выше, чем на Восточном фронте).

Наконец, о самом главном. 80 лет назад наш народ ценой неимоверных жертв выиграл войну с объединенным Западом — самую страшную войну в истории человечества. Поэтому и Победа наша — величайшая в истории человечества. Поэтому и 9 мая — вечно святой для России день. Нам всем, ныне живущим, особенно молодому поколению, нужно всю жизнь помнить об этом и передавать эту память следующим поколениям.

И ещё нужно помнить, что Запад всегда был, всегда есть и всегда останется врагом России — в какие бы «белые одежды» он ни рядился. И останется до тех пор, пока в России живет русский народ. Потому неизменная задача Запада и его 5-й колонны в России — очистить нашу страну от русских. И эту задачу они постепенно выполняют — русское население уже 35 лет неуклонно сокращается, а его территория столь же неуклонно заселяется русофобствующими иноземцами. И начатое они успешно доведут до конца, если русский народ не противопоставит им свою задачу.

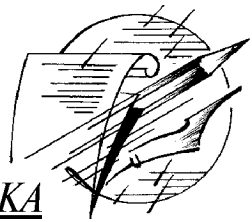
Валерий ТУЛИН

ВЕЛИКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

(Кавалеры ордена «Победы»)

Жуков Георгий Константинович (1896—1974) — кавалер двух орденов «Победы» (орден №1 — 1944, №4 — 1945), Маршал Советского Союза (1943), трижды Герой Советского Союза (1939 — за победу на Халхин-Голе, 1944, 1945). Будучи министром обороны, награждён также четвёртой Золотой Звездой (1956). Член Ставки ВГК (с 1941), первый заместитель Верховного Главнокомандующего (с 1942). Командовал фронтами, организовал оборону Москвы и контрнаступление (1941), предотвратил захват немцами Ленинграда (1941). Участвовал в разработке крупнейших стратегических операций, координировал действия фронтов в Сталинградской битве (1942), на Курской дуге, при освобождении Украины (1943) и Белоруссии (1944), командовал группой фронтов на центральном направлении (1944). Войска 1-го Белорусского фронта под его командованием взяли Берлин (1945). В 1945 подписал Акт о капитуляции Германии, принимал Парад Победы. Обладал выдающимися стратегическими способностями.

Василевский Александр Михайлович (1895—1977) — кавалер двух орденов «Победы» (орден №2 — 1944,



№7 — 1945), Маршал Советского Союза (1943), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), заместитель начальника (1941) и начальник Генштаба (1942—1945), заместитель Наркома обороны (с 1942), член Ставки ВГК и заместитель Верховного Главнокомандующего (1945). Сыграл одну из ключевых ролей в обороне Москвы и организации контрнаступления (1941), до марта 1945 руководил разработкой крупнейших стратегических операций в Великой Отечественной войне, затем — в войне с Японией. Координировал действия фронтов в Сталинградской битве (1942—1943), на Курской дуге (1943), при освобождении Донбасса, Новороссии и Крыма (1943—1944), Белоруссии (1944). Командовал группой фронтов при освобождении Прибалтики (1944), 3-м Белорусским фронтом в Восточно-Прусской операции и при штурме Кёнигсберга (1945). Был главнокомандующим войсками в молниеносной войне с Японией (1945). Признан единственным советским полководцем, не потерпевшим ни одного поражения. Обладал выдающимися стратегическими способностями.

Сталин Иосиф Виссарионович (1879—1953) — кавалер двух орденов «Победы» (орден №3 — 1944, №15 — 1945), Маршал Советского Союза (1943), Генералиссимус Советского Союза (1945), Герой Советского Союза (1945), Верховный Главнокомандующий (1941), нарком обороны (1941), председатель Совнаркома (1941). Выдающийся военный и политический стратег. Лично рассматривал, анализировал и утверждал планы всех стратегических операций, осуществлял непосредственное руководство всеми вооружёнными силами, внешней и внутренней политикой государства. Один из самых авторитетных в мире государственных деятелей XX века. Был общепризнанным военным, политическим и духовным вождём народа, вдохновителем побед на фронте и достижений в тылу.

Конев Иван Степанович (1897—1973) — кавалер ордена «Победы» (№5, 1945), Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). С 1941-го последовательно командовал Западным, Калининским, Западным, Северо-Западным фронтамим, где потерпел ряд неудач, затем Степным, 2-м и 1-м Украинскими фронтами, где во взаимодействии с другими фронтами успешно провёл стратегические наступательные операции — Белгородско-Харьковскую, по форсированию Днепра, Корсунь-Шевченковскую, Висло-Одерскую, Берлинскую, Пражскую.

Рокоссовский Константин Константинович (1896—1968) — кавалер ордена «Победы» (№6, 1945), Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

В 1941 командовал 16-й армией, принявшей главный удар немцев под Москвой, с 1942 командовал Брянским, Донским, Центральным, Белорусским, 1-м и 2-м Белорусскими фронтами. Руководил разгромом армии Паулюса под Сталинградом, разгромом вражеских армий на северном фасе Курской дуги. Во взаимодействии с другими фронтами успешно провёл стратегические наступательные операции в Белоруссии, Польше, Восточной Пруссии и Восточной Померании. В 1945 командовал Парадом Победы.

Малиновский Родион Яковлевич (1898—1967) — кавалер ордена «Победы» (№8, 1945), Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1944, второй Золотой Звездой награждён в 1958 будучи министром обороны). С 1941 командовал корпусом, армией, затем не вполне удачно Южным фронтом, в результате чего понижен в должности до командарма. С 1943 командовал Южным, Юго-Западным, 3-м и 2-м Украинскими фронтами, в войне с Японией (1945) — Забайкальским фронтом. Во взаимодействии с другими фронтами и соединениями успешно провёл стратегические наступательные операции в Донбассе, Новороссии, Ясско-Кишинёвскую, в Венгрии и Австрии, а также во время войны с Японией.

Толбухин Фёдор Иванович (1894—1949) — кавалер ордена «Победы» (№9, 1945), Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1965, посмертно). С 1941 начальник штаба ряда фронтов, с 1942 командующий армиями, с 1943 командующий Южным, 4-м и 3-м Украинскими фронтами. Во взаимодействии с другими фронтами и соединениями успешно провёл стратегические наступательные операции в Донбассе, Новороссии, Крыму, Ясско-Кишинёвскую, в Румынии, Болгарии, Югославии и Австрии.

Говоров Леонид Александрович (1897—1955) — кавалер ордена «Победы» (№10, 1945), Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1945). С 1941 начальник артиллерии Западного направления, Резервного и Западного фронтов, командующий 5-й армией при обороне Москвы, с 1942 командующий Ленинградским фронтом, в 1945 одновременно координировал действия 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. Осуществил прорыв блокады Ленинграда (1943), во взаимодействии с другими фронтами и соединениями успешно провёл стратегические наступательные операции — Ленинградско-Новгородскую, Выборгско-Петрозаводскую, Нарвскую и Таллинскую.

Антонов Алексей Иннокентьевич (1896—1962) — кавалер ордена «Победы» (№12, 1945), генерал армии. С 1941 началь-

ник штаба Южного, Северо-Кавказского фронтов и Черноморской группы войск, с 1942 начальник Оперативного управления, первый зам. начальника Генштаба, в феврале 1945 начальник Генштаба. Разрабатывал все крупнейшие стратегические операции, начиная с битвы на Курской дуге

Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897—1968) — кавалер ордена «Победы» (№18, 1945), Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1940 — за Финскую кампанию). В 1941 командовал армиями, с 1942 Волховским, затем Карельским фронтом, в войне с Японией — 1-м Дальневосточным фронтом (1945). Во взаимодействии с другими фронтами и соединениями успешно провёл Ленинградско-Новгородскую, Свирско-Петрозаводскую и Петсамо-Киркенесскую стратегические наступательные операции, а также операцию по разгрому Квантунской армии в войне с Японией.

Владимир ПРОНСКИЙ

АНГЕЛЫ СУДЖЫ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА «ДЫХАНИЕ ДОНБАССА»

Если бы не гибель Букреева, то настроение было бы окончательно весенним, а так оно смазалось, особенно, когда примерно через час блиндаж накрыл прилёт дрона, видимо, в отместку за недавнее геройство Медведева. Хорошо, что вход в блиндаж защищён с боков мешками с землёй, а сверху к нему с двух сторон ведёт коридор из сеток. Так что от взрыва пострадала лишь часть сети да посекло несколько лопат недалеко от входа. В общем, эта атака лишний раз напомнила, что расслабляться рано. К тому же Земляков свои три копейки вставил, упрекнув Медведева:

— Ты чего геройствуешь?

— Думал от тебя благодарность услышать.

— Да, за сбитые дроны — спасибо, а благодарность тебе будет сержант объявлять. Зачем потом красовался, снайперов дразнил? Они злопамятные, запомнят тебя, такого храброго, и будут охотиться, тем более знают, в какой норе скрываешься.

— Теперь чего же, и не дышать?

— Я тебе сказал, а ты подумай над словами, не брыкайся. Ты живой

нужен жене и будущему ребёнку. Я хоть и младше тебя на пару лет, но ты ко мне прислушайся.

— Ладно, считай, что прислушался.

— И не делай одолжения...

Медведев не обиделся на товарища: всё правильно он говорит. Лишний риск ни к чему в любом деле, а на войне — тем более.

— Ладно, считай, принял твою заботу... Чего дальше-то делать?

— У сержанта спроси.

— Мы пока к «секретному» заданию приготовились бы.

— Приготовишься. Успеешь. Бойцу приготовиться, только подпоясаться.

Они поругивались, но не свирепо, и Медведев даже радовался за Землякова: «Вот настоящий товарищ! Иной бы промолчал, а у этого душа болит!»

До ночи они томились в блиндаже, обошлось без новой атаки нацистов, и хоть это радовало. Правда, вечером сержант приказал всем, кто попал в список на спецоперацию, проверить амуницию, оружие, из документов — воинский билет и жетон, и быть готовым к завтрашнему утру. А перед рассветом в тыл блиндажа подъехала затёрханная «буханка» и остановилась в кустах, где к этому времени собрались 15 бойцов. Без лишних вопросов они мигом набились в машину и, тяжело проседая, она тронулась и запетляла вдали от посадки, где могли быть мины, хрустя подмёрзшим за ночь снегом. Ехали без фар. И всего-то минут десять. Остановились около другой лесопосадки, у малозаметного прохода, занавешенного сетями и входным проёмом, словно в нору. Спешились, машина сразу ушла, а они спустились то ли в помещение, то ли в ангар, и в предрассветной мгле дальних контуров его видно не было. Они пошли по длинному заглубленному коридору с накатом из брёвен и метров через триста остановились, расположились на полу, на котором сидеть — сплошное мучение. Вскоре к ним подошёл уставший, чернобровый и морщинистый военный, поздоровался, указал руками, мол, сидите. Сказал:

— Я старший нашей штурмовой роты, позывной «Спутник». Больных, астматиков нет? Клаустрофобией, то есть боязнью замкнутого пространства, никто не страдает?

— Никак нет, — ответили нестройно.

— Все добровольно прибыли?

— Так точно!

— Это хорошо. Перед вами, бойцы, поставлена непростая задача — проникнуть по газовой трубе на несколько километров в глубокий тыл врага, занявшего нашу территорию, в район города Суджа. Труба диаметром 1420 миллиметров, то есть менее полутора метров, так что придётся идти 14-15 километров пригнувшись, а где-то и на четвереньках пробираться, когда устанут ноги. К тому же в трубе имеется остаточная загазованность, хотя её проветривали и заполняли кислородом, но всё равно, по расчётам специалистов, воздуха может не хватать, особенно при большой скученности бойцов и вдали от вентиляционных отверстий, пробитых в трубе через километр-полтора. Поэтому передвигаться будете группами по пять человек с интервалом в два метра и десять метров между группами. Не скрою, испытание вам предстоит тяжёлое, рассчитанное на несколько суток. Поэтому, пока не поздно, можно отказаться от него, никто вам за это и слова не скажет... Вижу, что отказников нет, поэтому вам необходимо сейчас подготовиться и обновить экипировку. Вы получите фонарики с запасными батарейками, перчатки, наколенники, на всякий случай респираторы, а также запасётесь водой и минимальным запасом еды. И ещё: вам необходимо по возможности облегчиться, здесь имеется туалет, потому что, сами понимаете, в трубе удобства не на каждом шагу. И ещё одна просьба: не пользоваться телефонами, если они у кого-то остались с собой, так как телефонная связь в радиусе 25 километров подавлена. Не скрою, испытание вам предстоит суровое, связанное с опасностью для жизни, тем значимее будет, не побоюсь этого слова, ваш подвиг. Во все времена российский воин отличался выносливостью, силой духа при выполнении поставленного задания. Справитесь и вы! В этом нет никаких сомнений.

От речи «Спутника» бойцы притихли, незаметно поглядывали друг на друга, желая угадать впечатление от его слов, но все они молчали, каждый переваривая услышанное в себе. Понять их можно. Они вспоминали детей, родителей — каждый по-своему. И, наверное, никому и в голову не взбрело прилюдно отказаться, высказать сомнение и перед товарищами показать свое малодушие. После минутного оцепенения они зашевелились, начали переглядываться, желая сравнить свои чувства с чувствами товарищей. Уж какую пользу принесло это сравнение — бог весть, но, переглядываясь, они словно впрок запасались взаимной поддержкой, а будет поддержка, будет и уверенность в себе и своих силах.

Они, наверное, час или полтора бродили по подземному коридору, расположенному рядом с имитацией окопов, за-

нимались подгонкой фонариков на касках, заново укладывали рюкзаки. Кто-то спросил у сержанта, сколько можно взять воды, на что Силантьев ответил:

— Сколько угодно, хоть упаковку, только как её потащишь?

— Вы-то сколько возьмёте?

— Пока не знаю, но думаю, на двое суток надо запастись. То есть две полторашки. Только учтите, что будете не на прогулке в парке, а придётся попотеть, и думаю, изрядно. Так что вода пригодится. К тому же пустые бутылки могут пригодиться по-иному назначению. Главное в этом походе — не обжираться и вообще забыть о еде. Пить понемногу можно, есть нельзя. Понятно, о чём речь?

Никто ему не ответил на вопрос, но все всё поняли. Постепенно бойцы разговорились, видя, что прибыла новая группа и не одна. Значит, не будут они в одиночестве, а собираются в единый кулак. И это прибавляло уверенности, что не одни они такие, кого привлекли к этой операции. Они раза два перебирались с места на место поближе ко входу в трубу, и чем ближе был этот вход, в котором уже скрылись несколько групп, тем нервозней становилась обстановка. Кто-то, наоборот, начал дурачится. Наденет иной боец респиратор для проверки, а кто-то ему кислород перекроет. Подопытный начинает брыкаться, срывать с себя маску, а когда освободится, то зверски пообещает:

— То же самое проделаю с тобой в трубе! Посмотрим, как ты скакать начнёшь.

Одни даже чуть не поцапались, но вовремя одумались.

— Не переживайте, мужики, — кто-то осадил их. — Не тот это случай. Мы все сейчас, как перед первым прыжком с парашюта: вроде страшно, но страх до конца неизвестен. Поэтому и прыгается легко, а вот при втором прыжке коленки дрожат при посадке в самолёт и начинается мандраж. Поэтому второй прыжок и считается самым сложным, а все последующие — легче лёгкого.

— Откуда знаешь?

— Сам когда-то прыгал.

— Десантник? А почему тогда к пехоте прибился?

— Ныне десант — это та же пехота. Это когда-то она называлась крылатой, а ныне всё изменилось. За три года СВО была хотя бы одна по-настоящему десантная операция? И не вспоминай — не было. А почему? А потому что при нынешней ПВО самолёт с десантом — это первейшая цель для самой захудалой ракетки. Самолёт можно и дроном сбить, а значит, легко сотню-другую бойцов погубить.

— Ладно, говоруны, наговорились, — прервал их болтовню сержант Ярик, назначенный старшим взводной группы из 15 воинов. — Вспомните слова «Спутника» и ещё раз подумайте: всё ли я сделал так, как он говорил. По-моему, всё подробно разжевал. Сейчас наша очередь, так что остаёмся в трубе на связи: и визуальной, и радио. Рациями не балуемся — бережём батарейки. Все остальные вопросы по мере поступления.

Они поднялись, выстроились, сержант зачем-то пересчитал их, и они продвинулись вперёд к тому месту, от которого уже было видно разрытое пространство в земле и край толстенной, блестевшей отшлифованным металлом трубы толщиной с палец.

— Видел? — негромко спросил Земляков Медведева, толкнув его локтем.

— Ну и что?

— А то... Вместе первыми пойдём — воздуха больше будет. За мной становись.

Медведев сперва ничего не сказал, а потом отозвался, будто вспомнив чего-то:

— Не будь кроильщиком.

— И не собираюсь, а первым всё равно легче идти.

К ним подошёл «Спутник», сказал:

— Ну что, бойцы, с Богом! — и первым, пригнувшись, шагнул в проран.

Их короткие реплики сами собой закончились, когда, перекрестившись, Земляков шагнул к чёрной дыре в трубе. Сергей всё утро почти ни с кем не говорил, ничего не обсуждал, все его мысли сшибались в душе, и он не успевал следить за их калейдоскопом, становившимся всё более насыщенно цветным и многогранным. Его мысли превратились в протуберанцы, они извивались, наслаивались, собирались в пучок, а то вдруг рассыпались на многочисленные всплески, подобно кипящей лаве в жерле вулкана. Он пытался успокоить мысли, но они вновь и вновь возвращали на родину, в Степной, где жили и дожидались его родные люди — жена Катя и его способный сын Григорий, любитель олимпиад по математике. Они сейчас находились далеко от него и ничего не знали, какое испытание предстояло перенести их мужу и отцу — и завтра, и, наверное, в течение ещё нескольких последующих дней... Вот он уже в начале этого испытания, один только шаг и окажется в преисподней, где всё по-иному, где ждёт неизвестность, и единственное, что его успокаивало в этот момент, это то, что он не один, а с ним рядом будут и сержант Силантьев, и Медведев, и бойцы Громов с Карпо-

вым, включённым в группу после гибели Букреева. Он пока мало их знал, за исключением разве Медведева, но теперь наверняка они станут ближе, доверительнее, даже самый молчаливый из них — Громов, никак не оправдывающий свою фамилию. И вот они все вместе, и не так боязно сделать первый шаг. И Земляков его сделал, пригнувшись и ступив на металл трубы.

— Вперёд, Земляк! — сказал как приказал Силантьев. — Я буду с третьей нашей группой. Обращаемся для краткости друг к другу позывными. В случае чего, всегда буду на связи.

«Вот и началось!» — подумал Сергей и почувствовал себя в другом измерении.

Странное и пугающее зрелище открылось Землякову в первый момент погружения в трубу, не такую уж и узкую, но пригнуться пришлось. Другое заставило съёжиться — запах газа, мазута и ещё чего-то непривычного, от чего сразу защекотало ноздри, словно он оказался в бочке из-под керосина. Недалеко от входа горел фонарь, он на несколько метров освещал пространство трубы, но далее притаился мрак и лишь где-то далеко впереди мелькали едва заметные блики фонарей. В свете своего фонаря Земляков сделал шаг, другой, третий — мелькнула мысль: «А что если все шаги сосчитать?!» — но он лишь усмехнулся над собой и сделал четвёртый, пятый. После десятого перестал их считать, приостановился, спросил у Медведева, заслонившего собой светившийся входной проём трубы:

— Ты как?

— Живой пока. Спроси об этом в конце дня... — не особенно желая говорить, буркнул Медведев, и Земляков понял, что теперь ничего не остаётся, как считать и считать шаги.

Он достаточно быстро досчитал до ста, потом счёт начал снова, и так до пяти раз. Когда закруглился на пятой сотне коротких шагов, то приостановился, почувствовав, что вспотел. Остановился, спросил у Медведева:

— Как там наши?

— Идут, сопят.

— Передохнём?

— Можно... Только на расстоянии друг от друга.

Они опустились на колени, и Громов с Карповым за ними. Следующие две группы тоже остановились перевести дух. Карпов щёлкнул зажигалкой, радостно сказал:

— Горит! Кислород есть, жить можно. Вот только курить нельзя.

Подошёл Силантьев, спросил у Землякова:

— Как самочувствие?

— Пока терпимо.

— Как там наши?

— Пыхтят, стараются дистанцию держать. Но дальше будет труднее: вход пока недалеко, да и труба только-только заполняется бойцами... Медведь, как у тебя самочувствие?

— А что, не в бору сосновом находимся, но терпеть можно. Если так будет до конца, то выдержим... Вот только калаш мешается, а более магазин да рюкзак. А мы сейчас сделаем так: магазин отстегнём, а рюкзак на грудь переместим, а то цепляю им за трубу.

Медведев снял разгрузку, рюкзак попробовал перевесить на грудь — лямки с плеч сползают.

— Не, мужики, мутата получается. Пусть остаётся как есть. А вот магазины и вам бы надо отстегнуть, а то по ногам долбят. Стрелять-то здесь так и так не в кого.

— А что, вправду долбят! — согласился Громов и сразу отстегнул магазин, затолкал его в рюкзак.

Все из группы хоть по слову, но сказали, лишь Карпов отмолчался.

— А ты, Карп, что молчишь? — спросил у него сержант.

— Да слов нету, одни слюни...

— Или жалеешь, что подписался под это дело?

— Жалеть не жалею, да и поздно жалеть. Не переживай, сержант, от других не отстану.

— Ну вот и прекрасно. Все поговорили. Передохнули, напряжение сняли, сделайте по маленькому глоточку воды и можно далее двигаться.

Силантьев вернулся к другим группам, а Медведев сказал Землякову:

— Первым пойду, а то ты еле плетёшься!

— Иди, — не стал противиться Сергей. — Далеко всё равно не уйдешь.

Они поднялись с колен и продолжили движение.

Земляков привычно начал счёт, и когда закончил отсчитывать пятую сотню, спросил у Медведева:

— Может, привал?

— Погоди. Ещё немного пройдём. Впереди должна быть отдушина пока на нашей земле, а то далее жди, когда ещё будет.

Они было продолжили движение, но подал голос Карпов:

— Вы, как хотите, а у меня привал!

— Не получится. Или все идём, или все отдыхаем. Через тебя замучаешься переступать.

— А если у меня нету сил дышать, лёгкие горят.

— Потерпи, — начал вразумлять того Медведев. — Могу сказать, что осталось немного до отдушины, вот там посидим возле неё и подышим. А пока через респиратор хрипи.

— Пробовал. Ещё хуже.

— Тогда терпи. Назад уже хода нет, надо ранее думать.

Подошёл Силантьев:

— Ну что тут у вас? В чём загвоздка?

— Да так... Ничего особенного, — ответил Медведев. — Дальше идём, скоро отдушина.

— Сейчас бы закурить... — вздохнул Карпов.

— Думай, что говоришь-то, рядовой! Может, тебе ещё сто пятьдесят и огурчик. О табаке забудь до конца трубы.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— То, что дело «труба»!

— Вот, спрашивается, кто тебя за хвост тянул, когда ты согласился на участие в операции?

— Никто не тянул...

— Тогда и помолчи. Не ной и будь мужиком.

Карпов более ничего не ответил, и чувствовалось, что он остался недоволен разговором.

«Вот развел здесь детский сад! — злился Силантьев на Карпова. — Вроде не первый месяц воюет, нормальный мужик, а теперь ему чего-то шлея под хвост попала. «Ну, потерпи, милок, сам, небось, запрягал, самому и терпеть». Чтобы не продолжать пустую болтовню, Силантьев сказал, словно попросил:

— Ну что, мужики, дальше пойдём?!

Все молча поднялись, поправили рюкзаки и автоматы.

Теперь впереди ступал Медведев и ступал, надо сказать, так, что сразу оторвался, отчего Земляков сразу попытался осадить его:

— Куда ты ломанулся-то? Не в гости к тёще идёшь!

— Раньше сядешь, раньше выйдешь! Вот поэтому и ломанулся, — не оглядываясь, сказал Медведев и зашагал так, будто за ним собаки гнались.

«Ну беги, беги, — подумал Земляков. — Далеко не убежишь».

Плохо ли, хорошо ли, но Медведев первым из взводных групп оказался у отдушины. Он распахнул на груди куртку, дышал во всю грудь и любовался в окошко размером с блюдце; небо было серое, но оно показалось ему синим.

— Чего ты там увидел? — спросил подошедший Земляков.

— Небо, воздух... Ты только вздохни.

От счастья Земляков чуть ли не заткнул головой отдушину, но Медведев потеснил его:

— Не борзей!

— Хоть два глотка сделал настоящих.

Все собрались у отдушины, и никто более не разговаривал, успев понять и оценить цену чистого воздуха, не тратя силы на болтовню. Кто знал, а кто-то лишь догадывался, что далее комфортнее не будет, если уже сейчас чувствовалась нехватка кислорода и всё труднее становилось дышать. Но никто об этом не говорил, не жаловался, если не считать недавнее ворчание Карпова. Теперь он молчал, и этим немного успокоил других, а главное — Силантьева, которому были не нужны разборки среди бойцов. «Вот тоже пристегнул к группе на свою голову, — думал Силантьев о Карпове. — Вроде мужик на вид вполне надёжный и знаю его не первый месяц, а оказалось, что внутри с гнильцой. Пока обстоятельства позволяли — держался, а как накатило, так и сразу распустил нюни: дышать ему тяжело! курить хочется! А кому здесь легко? Всем тяжко! И это, надо думать, только начало. И что теперь оставалось делать в этой ситуации, как поступать? Только одно: действовать не окриком, но уговором. Все разборки будут потом, а сейчас надо терпеть самому и научить этому других».

Минут пять они дышали более или менее свежим воздухом, и Силантьев расшевелил их:

— Подъём, мужики! Всю жизнь на коленях не простоите. Надо вперёд идти, да и другим дать возможность подышать, — сказал он, увидев приближающуюся группу.

И опять Земляков считает сотню за сотней. Потому что договорились делать короткий привал через пятьсот шагов. А что: очень удобно. Посчитал до пятисот — привал. Ещё пятьсот, опять привал. Попалась отдушина — задержались, подышали. Вот только у второй отдушины, у которой они остановились, старались не шуметь, потому что она была уже на территории, занятой врагом. И желание болтать пропало, словно они давно обо всём переговорили, и даже Карпов не произнёс ни единого слова. «Вот как жизнь учит, — подумал Силантьев, взглянув на сидевшего с закрытыми глазами недавнего ворчуна, которого не пришлось учить уму-разуму и что-то доказывать — сама обстановка обтесала».

После второй отдушины начало капать с потолка — ощущение не из приятных, когда за шиворот бьют ледяные капли конденсата от дыхания. Подняли капюшоны. От одной беды спаслись, зато появилась другая: ноги с непривычки почти не сгибались, а если и сгибались, то подламывались. Поэтому приходилось ниже гнуться, ступать чуть ли не на

прямых ногах, задирая к потолку поясницу. И пить стали чаще, что обеспокоило Силантьева.

— Мужики, — повторял он раз за разом. — Только полглоточка на остановках. Иначе нам действительно труба. Воды нет, а где она припасена, до того места сперва дойти надо, и вся она расписана, законтрактована, так сказать. Так что терпите и вообще не думайте о ней. А то, чем больше думаете, тем больше пить хочется. Пить не будете, и потеть не с чего; потеть не будете, пить не захочется. Всё взаимосвязано в природе.

Его слушали, но никто не отзывался, и тем неожиданнее было услышать голос молчуна Громова: «Не жалею, не зову, не плачу, все пройдёт, как с белых яблонь дым. Увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым», — тихо запел он.

Услышав есенинские строки, Силантьев, хорошо знавший Громова, не согласился:

— Будешь, Володя, будешь. Ты и сейчас не старый. Вот закончится война и найдёшь ты себе зазнобу, и влюбишься в неё без памяти, и родит она тебе кучу детишек, и будешь ты самым счастливым человеком на Земле. Так и знай. Законно говорю!

Силантьев помнил историю Громова, из-за которой он и подписал контракт с Министерством обороны: демобилизовался со срочной, а его девушка вышла замуж, и не мог он спокойно смотреть на молодожёнов, потому что жили они на одной с ним улице, в одном с ним посёлке. Не мог он спокойно смотреть на них. И вот теперь, негромко продекламировав стихи, он, наверное, имел себя в виду, но неожиданно так же негромко сказал:

— Ну что, братья, путь на Суджу открыт. Надо идти, пока молодые.

И все стали подниматься, словно по приказу командира.

Строчка из есенинского стихотворения не давала покоя Землякову: сверлила и сверлила мозг. Не такой уж он знаток поэзии, но даже сейчас услышал в этих стоках невыносимую грусть, столько в ней слышалось печали и упадничества, будто не прощание с молодостью поэт имел в виду, а близкую встречу с неминуемой кончиной... А в их теперешнем положении думать об этом категорически нельзя. Есенина понять было можно — в трудной ситуации находился, когда над ним сгустились тучи непонимания от враждебных сил, окружавших его в ту пору жизни, но это сейчас никак не относилось к ним. У них другая задача, поэтому и мысли

должны быть другими, только такими, какие есть: пройти свой нынешний путь и, преодолев любые трудности, выполнить поставленную задачу.

Он шёл шаг за шагом и твердил про себя строчку: «Я не буду больше молодым... Я не буду больше молодым» — и жалел, что услышал, что вспомнил, но вспомнил в неподходящий момент, когда нужно что-то иное услышать, о чём-то другом думать. Но как бы ни было, а Громов заинтересовал своей необычностью. То молчал человек, а то открылся и душу с места сдвинул. Поэтому на очередной остановке он спросил у него:

— Володь, ты кто по профессии или образованию?

— Колледж культуры окончил. Клубный работник. Сразу после колледжа в армию призвали. Отслужив, вернулся в посёлок, думал буду работать вместе с Наташей в районном Доме культуры, а она уже там работала с мужем, баянистом-переселенцем. Я посмотрел-посмотрел на такое дело и решил не мешать им. Подписал контракт...

— Хотя бы поговорил, попытался выяснить что-то у неверной Наташки?

— А зачем. Что мне нужно было делать? Как говорится, насильно мил не будешь.

— Но ведь из души-то не вычеркнешь просто так?

— Уже вычеркнул.

— Вряд ли, если продолжаешь думать о ней, стихи грустные к языку прилипают.

— Это по привычке...

Они прервали разговор, сидели молча и старались глубже дышать, понимая, что разговор перебивает дыхание, мешает ему. Но мысли-то не мешают, даже наоборот — очень помогают не думать о своём состоянии, о рези в горле, о появившейся боли в лёгких. Обычно вдох и выдох не замечаешь, так же как и работу сердца, а те, кто страдают, например, как страдала его мать аритмией, постоянно чувствуют его. Земляков вспомнил Зинаиду Алексеевну, как она, бедняжка, страдала от неё, укоротившей её жизнь. В 57 лет не стало. Уж пять лет прошло, а всё кажется, будто вчера это было. Он хотя и вспомнил маму, но подумал, что почему-то лишь печальные мысли и воспоминания приходят на ум. Отчего это? От их теперешней экстремальной ситуации или от ничем не занятой головы, когда мысли в неё легко заходят и так же легко выскакивают.

Он постарался более ни о чём не думать, но неожиданно новая мысль всколыхнула, когда вспомнил о себе, о том, как попал на фронт. Выслушав Громова, он сравнил его историю

со своей, пусть и не сравнимой по фактам, но в общих чертах-то они схожи по мотивам, не очень-то привлекательным. Получалось, что у всех свои «беды», как у него самого в виде долгов перед банком, которые для участников операции могут быть отсрочены, но которые когда-никогда, а оплатить придётся, как у того же Громова, отправившегося воевать из-за несчастной любви, или как у сержанта Силантьева, которым управляет и дует в уши жена, как понял Земляков. Только у Медведева иной мотив — месть за погибшего сына. Он пока не знал, что толкнуло на фронт Виктора Карпова, но, сдаётся, что и у него какие-то вынужденные обстоятельства. «Вот и получается, — думал Земляков, — что большинство нас здесь собралось не по доброй воле, какой-то крайний случай заставил это сделать. Но почему тогда это большинство, если можно так сказать, подневольных нисколько не тяготятся этим обстоятельством: не хитрят, не юлят. Спросили у них, кто готов идти на спецоперацию — все согласились. Другой вопрос, что отобрали не всех, а так-то проявили душевный порыв, не заставили себя упрашивать, соглашаясь, например, за дополнительное вознаграждение. Нет, никто и не думал об этом. Или у русских так устроено сознание, что все беды и невзгоды, томящие в обычной жизни, в грозное время заставляют сплачиваться, не отсиживаться за спинами, когда человек забывает о самом себе, бьётся за общее дело». Подумал Земляков ещё и о том, что много, очень много и таких, кто всеми неправдами пытается спасти свою душонку, будто спасётся навсегда. Конечно, кому-то удаётся это сделать на время, но к большинству рано или поздно приходит расплата, и формы этой расплаты разные, но все они не в пользу пугливых зайцев, которые бегают и бегают, а всё равно в конце концов оказываются в чьих-то зубах... Мысли, мысли — они, как и труба, нескончаемы. И сколько ни пытайся избавиться от них, они становятся лишь прилипчивее. Гонишь их, а они сильнее приклеиваются.

После пятой или шестой остановки вдруг взбунтовался Карпов, когда уселись неподалёку от отдушины. Увидев подошедшего Силантьева, он слёзно попросил:

— Товарищ сержант, разрешите закурить? Только две затяжки. Ребята не против!

— Он спрашивал у вас? — поинтересовался Силантьев.

Все промолчали.

— Ну вот видишь... Врать нехорошо.

— Пусть закурит, — неожиданно сказал Медведев. — А то он весь мозг проест.

— Две затяжки... Не более...

Карпов сразу засуетился, достал сигареты, зажигалку, но щелкнул раз и другой, а она не загорается.

— Отставить! И не пытайся более! — прорычал сержант. — Кислорода совсем не осталось, а он пытается последний сжечь.

Карпов вздохнул, сломал сигарету, убрал зажигалку. Он не сказал более ни слова, но выдал своё состояние заблестевшими от слёз глазами, особенно заметными в свете фонаря.

— Терпи, Витя! — понимающе сказал Медведев. — Не один ты здесь такой.

Когда обстановка более-менее успокоилась, Земляков негромко спросил у Михаила:

— Себя имел в виду, сказав: «Не один ты здесь такой»?

— И себя, и других. Я сразу понял, что к чему, и избавился от сигарет. Нас, наверное, здесь полтысячи, и представь, что будет, если все засмолят?!

— Хватит болтать! Дождётесь, что укры вычислят и уничтожат. Для этого и делать-то особенно ничего не надо: канистру бензина вылить в отдушину и поджечь. Море шашлыков будет!

На знобкое предостережение сержанта никто не отозвался, мало-помалу поднялись, уступая место следующей группе. Земляков по-прежнему считал шаги, но только теперь он останавливался на счёте «триста», которого и без того хватало, чтобы распалить дыхание; чем дальше они погружались в трубу, тем чаще дышалось и сильнее колотилось сердце, и Сергей вспомнил свою мать-сердечницу, достал таблетки корвалола, которые им раздавал санинструктор на входе; кто-то не брал, а он взял. И не прогадал. Принял одну, запив её малюсеньким глоточком воды, и вроде полегчало. Или это от самомнения и самоуспокоения. Наверное, от всего вместе, потому что одного без другого не бывает.

Единственное, что пока радовало, так это то, что потеть почти перестали, напотевшись в первый час-полтора. Теперь футболка лишь холодила и постепенно высыхала на теле, отлипала от него, словно на ветру. Теперь и тело казалось лёгким и живот подтянутым, лишь ноги с каждым часом деревенели всё больше. Чтобы сменить положение, время от времени ползли на коленях, а это ещё то испытание — ползти гружёным по ледяной железяке. Кто полегче, у того и колени покрепче, а кто погрузней — не выдерживали, поднимались бойцы и потихоньку шли шаг за шагом. Они все, наверное, не отставая от Землякова, считали шаги, и этим успокаивали себя, занимали голову пустым счётом, прогоняя унылые мысли.

На следующей остановке сделали большой привал.

— Полчаса на всё про всё! — пронеслось по трубе.

Привал так привал. Можно посидеть, подложив что-то под себя, вытянуть ноги и забыться, перестать забивать голову пустым счётом. И ни о чём не говорить. Молчать и молчать, словно и нет никого вокруг, словно все так устали от собственной болтовни, что уж и сил на неё не осталось.

Труба длиннющая, и в ней постоянно у кого-то что-то случалось. Кого кашель мучил, кто в рвотных спазмах корчился. То вдруг из глубины трубы раздавались непонятные крики, которые, впрочем, быстро пропадали, словно тот, кто кричал о чём-то, вдруг перестал получать доступ к воздуху, будто захлёбывался. И чувствовалось, что живая масса людей пульсирует в трубе, и со стороны входа вдогонку притекала влажная и удушливая волна воздуха, какая бывает от скопления множества людских тел в замкнутом пространстве. И эта мутная волна разбавляла относительно чистый воздух впереди идущих, смешивалась с ней, оседала конденсатом на трубе, хрустально блестевшим в свете фонариков. На какое-то время их дружно отключили, экономя энергию, до конца не зная, сколько времени придётся ещё провести в трубе. И когда трубу заполнила непроглядная мгла, то от неё стало не по себе. Это то ощущение, когда вытягиваешь руку и не видишь её, не видишь себя, товарищей, саму трубу и уж кажется, что летишь в неосязаемом пространстве, и полет твой неуправляем и непредсказуем, потому что сам ты — бестелесное существо, не способное ничему сопротивляться.

Состояние не из приятных, и одно лишь спасение от него: движение и движение. И они вновь недружно поднимались, отстраняясь друг от друга на два-три метра, начинали новое движение, и кто-то обязательно вёл счёт сделанным шагам. И это сделалось для них навязчивой идеей. Они не могли вспомнить общего счёта шагам, да им теперь это было и неважно. Шаг сделал — на шаг ближе к цели. Сделал второй — ещё ближе. И не беда, что куртка окончательно сопрела под бронником и не хотела высыхать. Что ноги при ходьбе не чувствовали дрожи, что дрожь в коленках появлялась только тогда, когда делалась остановка. Хотели передохнуть, но лишь усиливалась слабость и хотелось всё бросить, упасть ничком, долго-долго лежать на животе и не шевелиться. Остановки они делали всё чаще, по подсчётам Землякова, через двести шагов, отдыхали дольше и труднее вставали с закруглённого пола трубы, если так можно выразиться, отталкиваясь рукой от кривой стенки, устанавливали себя в правильное и необходимое положение и, буравя взглядом пол перед

собой, двигались далее. Есть ли окончание у их пути, конечно, есть, где-то должно быть. И пока толком они ничего не знали и не предполагали, что их ждёт впереди после того, как они преодолеют эту чёртову трубу. Труба находилась всего в двух-трёх метрах от поверхности, но им казалось, что они погружаются по ней всё дальше и дальше в преисподнюю, откуда нет и не предвидится возврата. В это трудно и невозможно поверить, но иногда мнилось, что это так и будет, а все слова — это всего лишь отговорки, о которых забудут в решающий момент.

Медведев всё-таки попытался спросить у сержанта, что их ждёт в конце пути, но тот отмахнулся:

— Мне пока никто не докладывал. Не переживай, доберёмся до места — без приказа не останемся.

И более Михаилу спрашивать ни о чём не хотелось, хотя можно предположить, что приказ у них будет привычный: «Наступать, атаковать, уничтожать противника!»

Они продолжали двигаться скорее по инерции, лишь по часам зная, что время давно перевалило за полдень, что близится вечер. Им казалось, что они уже должны быть на месте, но они не прошли и половину пути, как сказал, появившийся в очередной раз «Спутник». И сказал не для того, чтобы напугать, а чтобы каждый боец знал, что его ждёт впереди. Он не первый раз так появлялся. Первым зайдя в трубу, он держал под контролем весь свой штурмовой отряд, состоявший из трёх групп. Чуть ли не у каждого бойца спросил о самочувствии и, похлопав по плечу, пробирался далее и чтобы особенно не мешаться и не надоедать в движении, делал остановку с какой-нибудь из пятёрок. Вроде ни о чём особенном не говорил и ни к чему не призывал, но уже своим присутствием взбадривал бойцов. Правда, при нём особенно не распространялись: то ли стесняясь, то ли уж не осталось сил на разговоры. Лишь отвечали на его вопросы. А вопросы так себе, почти ни о чём, но даже простой разговор помогал отвлечься, и настроения прибавлялось и ноги не так гудели, и жизнь не поворачивалась кривым боком.

Когда уж казалось, что и сил не осталось, а ноги не шли и скручивались от судорог, прозвучала команда, пронёсшаяся по цепи: «Ночлег!» Примостились там, где шли, но тем группам, которым выпало оказаться рядом с отдушинами, пришлось переместиться на 50-70 метров дальше по ходу, либо замедлиться, чтобы исключить любую возможность выдачи своего подземного присутствия случайным вскриком во сне,

либо непроизвольным громким разговором или кашлем, шумом, отдававшимся в трубе.

Они давно продвигались по территории, занятой противником, и при очередной остановке слышали у отдушин украинскую и польскую речь, после чего не останавливались рядом с отдушинами, пытаясь исключить любую возможность демаскировки, а если такое, не дай Бог, случилось бы, то вся операция оказалась бы перед угрозой провала, а чем это грозило, понимали даже те, кто никогда ни над чем особенно не задумывался. Их бы просто уничтожили, не дав шанса выбраться на поверхность. Каким способом? У извергов их много, выбрали бы самый зверский и мучительный. Поэтому и молчали бойцы, а говорили вполголоса короткими фразами. Те же, кого донимал кашель, кашляли, прикрываясь обшлагом куртки, ни на минуту не останавливаясь около отдушин, хотя было истовое желание хотя бы разок-другой хватануть свежего воздуха. В группе Силантьева кашлял лишь Карпов, к этому часу прилюдно поклявшийся, что бросил курить, а если останется живым после этого похода, то никогда в будущем не возьмёт в рот эту заразу. Сказал вроде бы более для самого себя, но его слова дошли и до тех, кто курил, и все они сделались солидарными с ним. Зато Силантьев возразил:

— Чтобы и мысли более не было о плохом! «Если останется живым»... Ты думай, прежде чем говорить.

— Понял, товарищ сержант.

Разговора не получилось. Все занялись своими делами. А дело у всех одно: глоток воды и лечь, вытянуться на дне трубы. Они ложились, вытягивались, но долго так не могли нежиться — чувствовался леденящий холод разгорячёнными телами, и были вынуждены усаживаться на сидушках вплотную, чтобы сохранить тепло распаренных тел, хотя и в таком положении старались вытянуть натруженные ноги. Плохо ли, хорошо ли, но все умостились, притихли и первое время спали, как дети с открытыми ртами. Кому-то, видимо, снились сны. Первым что-то забормотал во сне Земляков. Снилось ему, что он обнял жену Катю... Вот же она, рядом: тёплая, мягкая, покорная. Какое это, оказывается, счастье ощущать рядом любимого человека, который так удачно оказался рядом. Счастье ещё и оттого, что он навсегда вернулся к ней живым и невредимым, и ничто теперь их не сможет разлучить: ни злой человек, ни жизненные обстоятельства, какими они ни будь сложными. «Не переживай, Катюш, видишь, я вернулся, перед тобой стою. Война закончилась, и нет теперь причины переживать обо мне, а мне о вас с Гришей. Всё

наладится, и с кредитами рассчитаемся. Какие-никакие, а деньги я получу, весной успеем наше поле посеять, потом собрать урожай. Только на картошке крест поставим: и хлопот больше, и рентабельность не та, а пшеницей заниматься — самое то. Выгодная культура». В какой-то момент сон его прервался, он почувствовал, что задыхается, очнулся и ощутил на лице лапу Медведева.

— Вот леший, чуть на тот свет не отправил!

Сергей отодвинулся, повернулся на другой бок, чтобы не дышать на товарища. Сонный Медведев что-то промычал во сне и скривился, вытянув ногу и положив голову на руку. Земляков, оглядев в трубе бойцов, почти погрузившихся во тьму в мерцании кое-где светивших фонариков, и вновь ткнулся головой в снятый обвес. Но недолго он спал, проснулся от послышавшегося стона, подумал, что это Карпов мучается, а, пригляделся, — Медведев в свою правую ногу вцепился.

— Что с тобой? — негромко спросил Земляков.

— Нога застыла — сводит, того гляди жилы полопаются.

— Погоди, — шепнул Земляков, вспомнив, как футболисты во время матча снимают судорогу. — Ложись на спину.

Медведев послушно лёг, а подползший Земляков выпрямился, насколько можно было и, приподняв ногу Михаила, надавил на его стопу: раз, второй, третий...

— Погоди, — зашевелился Медведев, — а то ласту отломишь. Вроде полегче стало.

— Встань, походи немного, разомни, — предложил Земляков.

Тот осторожно приподнялся, сделал два-три шага туда-сюда, радостно выдохнул:

— Доктор Айболит... Где этому научился?

— Жизнь научила... Ложись, ещё разок потяну мышцы для закрепления успеха.

На этот раз Медведев почти без проблем лёг на спину, приподнял ногу. Земляков знающе поработал с его ступнёй, спросил:

— Лучше?

— Нормально. Вроде прошло.

— Ну вот...

Михаил вздохнул:

— Спасибо! Настоящий Земляк!

— Обращайтесь, — посоветовал Земляков и был рад, что сумел помочь.

Он было устроился спать, но вдруг Карпов надсадно закашлялся.

— Хлебни водички, — сказал Земляков, — и постарайся глубже дышать.

— Пробую, ни хрена не получается, глотку как при ангине дерёт.

— Никто драть не будет, если сам перестанешь языком ворочать. Постарайся дышать аккуратно и глубоко.

Карпов сделал глоток, убрал бутылку, продышался и, действительно, перестал кашлять, а Земляков, убедившись, что ему полегчало, вновь устроился спать. Подумал, чувствуя, как слипаются глаза: «Здесь поневоле доктором станешь!»

Он почти проспал до того часа, с перерывами, но проспал, когда вдалеке раздался негромкий голос Силантьева:

— Просыпаемся, бойцы!

Вскоре появился невысокий коренастый «Спутник», которого трудно было узнать из-за потемневшего от копоти лица.

— Выспались? — спросил он у Землякова. — Как спалось?

— Отлично!

— Вот и хорошо... Выпейте по глотку водички, и далее будем выдвигаться. Вчера более половины пути прошли, осталась меньшая часть. Вода еще есть?

— Почти вся...

— Терпите. В конце пути обещают по бутылке на брата.

— Есть терпеть.

— Молодец. Как фамилия?

— Земляков.

— Запомнил... Выдвигайтесь, не засиживайтесь.

Он пошёл по трубе навстречу движению: через кого-то переступал, кто ещё спал, кого-то обходил, кому-то помогал подняться на ноги, у кого-то останавливался, говорил о чём-то, и чувствовалось в его движениях, манере разговора желание сплотить бойцов, создать им доброе настроение, а будет настроение, то и надежда на счастливый исход тоже будет. Поэтому и говорил с ними мягким голосом, хотя и простуженным, и доверительные слова в этот момент оказывались очень кстати. Действовали они гораздо надежнее, чем если бы он отдавал резкие команды, особенно в эти минуты. Их уже много минуло, если считать с той самой, когда они погрузились в подземное царство. Начинался второй день их бесподобного путешествия, и никто не знал, каким оно выдастся, чем отзовётся в сердцах и душах, и как оно подействует на них. Что лучше не станет, это очевидно, по крайней мере до того часа, пока они не выберутся на поверхность, где, даже не верилось, хватанут полные лёгкие весеннего возду-

ха. И станет он для них самым желанным подарком. И будут они дышать им, захлёбываясь от счастья.

Сергей вспомнил, как бросал курить, когда родился Гришка, какое он ощущение испытал после нескольких лет жизни в никотиновом дыму. Хотелось дышать глубже и глубже. Что-то похожее будет и с ними, когда они выберутся из подземелья, только в тысячу раз счастливее. И когда Земляков представлял этот момент, то старался не очаровываться мимолётными грёзами, зная, что только тогда он достигнет желаемого, когда придёт к тому часу, такому долгожданному. А сейчас... А сейчас волю в кулак, глаза в кучку, чтобы не споткнуться, не упасть, потому что ох как тяжело падать в металлической трубе! Вчера упал и едва колено не расшиб, хорошо — наколенник помог. Что значит стать хромым в этом месте? Это беда. Никто, конечно, не бросит, но каково быть обузой для других, когда самих себя-то нести тягостно.

Во всех мысленных наслоениях Сергею вспоминались слова «Спутника» о том, что половина пути вчера была пройдена. А это значит, что сегодня вечером они должны узнать дальнейшие планы командования, или крайний срок — утром. Понятно, что не просто так они выдвигаются куда-то по трубе. Но куда она ведёт? Ясно, что не в свой тыл, а в тыл врага, причём глубокий. И если учесть, что труба тянется в юго-западном направлении со стороны села Большого Солдатского в сторону Суджи, занятого врагами, то тогда понятно расстояние, какое им необходимо пройти. Получается, что сегодня к вечеру они должны достигнуть окрестностей этого города и, как ангелы-хранители, должны воспарить над ним, выбив нацистов и защитив оставшихся жителей. Если так рассуждать, то всё сходится, и теперь особо и голову нечего ломать, а надо делать, что должно, а там... А там прозвучит от «Спутника» команда, ибо он отвечает за вверенных бойцов, за их жизни. Главное, чтобы она оказалась грамотной.

Когда разломали, разогрели негнущиеся спины, размяли ноги, Земляков спросил у Медведева:

— Ну, что, дорогой товарищ Миша, готов в путь-дорогу?

— Готов-готов... Дорогу осилит идущий — говорит мой внутренний голос.

Сказать легко, а каково осуществить — это вопрос. Медведев, переговорив с Земляковым, знал от него, что к вечеру они должно дойти до конечной точки, если, конечно, смогут дойти. Вчера-то они сгоряча, можно сказать, отмахали половину, а сегодня даже первые шаги даются ох как тяжело, но что будет дальше, можно лишь предположить. И ведь ни с кем это не обсудишь и не станешь

жаловаться на судьбу: либо засмеют, либо отвернутся пацаны. Самому противно сделается. «Терпи, и это тебе зачтётся», — успокаивал и подбадривал он себя и вспоминал приснившуюся ночью жену.

Они немного поговорили лишь на первой остановке второго дня, когда Медведев улёгся на дне трубы и сказал Землякову:

— Новость есть!

— Говори.

— Сын у меня вскоре будет. Второй Димка!

— Откуда известно?

— Жена сообщила.

Земляков хмыкнул:

— Глюки начинаются?

— Глюки не глюки, а видел её, как тебя сейчас вижу. Во сне, конечно. Сказала, что врач определила пол ребёнка. Всё на мальчика указывает. Значит, так и будет!

— Ну, поздравляю!

— Сейчас-то чего поздравлять. Вот когда родится, а мы с тобой отвоюем, то приедешь из своих диких степей и окрестим сына, и станешь ты крёстным отцом ему, и породнимся мы навеки-вечные.

— Заманчиво, конечно. Будем верить в это.

— А как иначе! Хотя и говорят, что загад не бывает богат, но у нас-то особый случай. Не каждому такой выпадает. Веришь?

— Верю, верю...

— Твоя-то снится?

— За ночь по нескольку раз. На другой бок повернусь, а она тут как тут.

— Чего говорит?

— Деньги спрашивает. Чего она скажет... Как-то сказала, чтобы я тебя поменьше слушал, а то за эти сутки ты мне столько в уши надул — голова ходуном ходит.

— У тебя-то от чего она ходит. Наша прогулка тебе в радость должна быть. Мы, когда пацанами были, нор в стогах нароем или зимой в снежном овраге целые города выстраивали. Домой прибежишь, а с головы до ног сосульки. А если день морозный, то одежда ото льда хрустит. Есть, что вспомнить.

— Ладно, поднимайся — дорога зовёт!

Тот покряхтел по-медвежьи, приподнялся, ткнулся рюкзаком в трубу, вздохнул:

— Эх, выпрямиться нельзя, а то давно дошли бы...

На следующей остановке Медведев достал из аптечки марлевый тампон и, промокая им тяжёлые капли, выжал тампон себе в рот. Напиться таким способом не напьёшься, но хотя бы горло от сухости драть перестаёт и кадык работает, правда, почти вхолостую, помогая проглотить хоть какую-то каплю. Смотрел на товарища Земляков, смотрел и достал из кармана рюкзака пластиковую полторашку с остатками воды, отдал товарищу:

— Сделай полглотка! Сделаешь больше — задушу!

— Что так строго?

— Нормально. За это спасибо скажи.

Взял Медведев бутылку, посмотрел на свет фонаря, а в ней почти и пить-то нечего.

— Ну, этим только душу дразнить.

— А ты не дразни, а глотни, пока я добрый. Зато без мазута.

— Ну, если позволяешь, придётся отведать.

Аккуратно, чтобы и капли не пролить, Медведев приложился к горлышку и, сделав, как и приказывал Земляков, полглотка, сказал:

— Хорошо быть мелким в нашем случае. Мелкие букашки, похоже, вовсе не пьют. Или росой обходятся, а на зиму в спячку уходят. Хорошо им... А ты — молодец. Вторую бутылку заканчиваешь. И куда в тебя столько влезает.

— Куда и у всех. Зато теперь меньше тяжести нести.

— Да нет уж... Я бы только такую тяжесть и таскал с собой. Вот что делать будем, когда вода совсем закончится.

— Ты нашёл способ. Труба большая — конденсата на всех хватит.

—Получается, мы своё дыханье пьём...

— Жалко, что сочинять не умеешь...

— Куда уж мне. Мне только в лесу брёвна тягать на трелёвочнике...

— Ладно, лесоруб, поднимайся — все зашевелились.

Медведев поднялся, посмотрел в глубь трубы, а оттуда влажный воздух волной. Воздух холодный, химический, озноб от него. Благо, что потеть почти перестали. И ещё чувствовалось, что труба живая — она гудела, казалось, дрожала от собственного гула, исходившего из её глубины. Подумал: «Это сколько же там душ собралось, это сколько людей страдания принимают. А спроси каждого, никто не скажет, что страдает. Да — устал, да — пить хочет, да — спать охота, но никто не признается, что жалеет, что подписался на этот поход.

Очередная стоянка не располагала к разговорам. Лежали, молчали и, похоже, ни о чём не думали. Зато на следующей началась суета, когда Карпов упал на дно трубы и захрипел:

— Всё, не могу, подыхаю!

— Респиратор надень — поможет! — подсказал Володя Громов, шедший с Карповым в паре.

— С ним ещё хуже — воздух задерживает. И весь уже мазутом пропитался с обеих сторон.

— Не кричи так — укров переполошишь.

— Сколько ещё идти? Почему никто не скажет?

— До конца трубы! — подсказал подошедший сержант. — Как она закончится, так и баста! Лагерем встаём.

— Никогда она не закончится!

— Не кричи и не хнычь — здесь не детский сад. Будь мужиком. Метров через двести должна быть отдушина. Около неё посидишь, в себя придёшь. Вот тебе баллончик от астмы — подышишь потом. И не вздумай около неё хай поднимать!

Карпов угомонился, лежал без движения и пытался дышать во всю грудь, насколько позволял бронежилет. Вскоре, пробравшись меж бойцов, появился командир штурмовой группы.

— Кто кричал? — спросил он.

Ему указали на притихшего Карпова, и он опустился перед ним на корточки, дотронулся до плеча, окликнул:

— Боец, как дела?

Карпов пошевелился, открыл глаза, спросил:

— Ты кто?

— Ваш командир, «Спутник».

— Извините.

— Как самочувствие?

— Нормально, но почему-то кажется, что мы всё время идём под гору, а там огонь бушует.

— Нет там никакого огня... Это от усталости и нехватки воздуха галлюцинации появляются. Потерпи, боец. Дыши глубже. Ведь сможешь же?

Карпов приподнялся, сел, несколько раз глубоко вздохнул.

— Ну вот! Легче стало?

— Немного.

— Вот и хорошо. Продолжаем движение.

«Спутник» помог Карпову подняться, поддержал его, когда тот переступил с ноги на ногу, сказал подвернувшемуся Сергею:

— Земляков, помоги в случае чего товарищу. Пошли, дорогие. Пошли. Осталось немного.

«Спутник», конечно, знал, сколько предстояло пройти, хотя и трудно в полумраке ориентироваться, но он более ориентировался по времени, делая поправку на усталость группы. Он и сам устал и знал, что лицо его к этому времени покрылось грубыми складками, под глазами набухли мешки, но и у всех лица не пылали здоровьем, срытые под масками из копоти. Откуда она бралась здесь, не понять, хотя можно предположить, что копоть от загазованности, остаточного метана, которым пропитаны стены трубы, и теперь, смешивался с воздухом, получалась смесь, от которой кружилась голова и накатывали галлюцинации. В такой ситуации оказаться на пять, десять минут — подвиг, а что говорить о вторых сутках, когда, казалось, плавится мозг от напряжения.

В какой-то момент Карпов, немного придя в себя от глубоких вздохов, а более от внимания командира группы, радовался, что полегчало. И не хотелось вспоминать, что дал сегодня слабину. Парни не осудят, поймут, но стыдно сделалось перед самим собой. Он и у отдушины долго не торчал, отодвинулся, позволил другим хватануть воздуха, казавшегося чистым кислородом и мгновенно придавшего сил и настроения. И он пошёл далее, вспоминая «Спутника», годившегося ему в отцы, и ставшего им на несколько минут, которые он запомнит теперь на всю жизнь. К нему подошёл Земляков, подал почти пустую бутылку с водой, предложил:

— Попей!

— А сам?

— Сам потом. Сделай полглоточка и оставь себе. Пригодится.

Виктор, изогнувшись, промочил рот и, всё-таки возвращая бутылку, пожал Землякову руку. Эта капля воды заставила Карпова ещё более воодушевиться. Теперь почему-то и Земляков, и идущий рядом с ним Медведев, и даже молчун Володя Громов показались в этот момент необыкновенными пацанами, такими, какими он их навсегда запомнит. Если вчера, когда ныл о курении, они казались чёрствыми и сухими, в коих не имелось и капли сострадания, то теперь всё поменялось. Они стали своими в доску.

Подземная людская вереница продвигалась под землёй всё ближе к конечной точке, где они получат приказ в наступление, каждому проговорят его действия, на картах покажут примерный маршрут, и тогда только вперёд, только к победе. Но пока все знали, что ещё много будет испытаний, прежде чем они окажутся на свободе, вырвавшись из трубы, а пока надо терпеть.

Стиснуть зубы и терпеть.

Чем больше делалось остановок, тем меньше бойцы разговаривали. Ни сил не осталось болтать, ни возможностей, язык не хотел слушаться и еле ворочался, обдирая нёбо. Даже Володя Громов перестал вспоминать стихи. А когда ему говорили, что, мол, если начал, то продолжай, он лишь отмахивался и делал страшные глаза, выделявшиеся белками на закопчённом лице.

Они вообще стали на одно лицо, и сразу не узнаешь, кто есть кто. Даже вблизи. Особенно, когда им вдогонку из трубы наплывал то ли туман, то ли морось от испарений бесконечной массы людей, следовавшей за ними. Все они шли, согнувшись, останавливались, чтобы отдышаться или просто поглубже вдохнуть, но не удавалось, дыхание было поверхностным, слабым. Воздуха не хватало даже тем, кто более или менее держался.

Громов, схватил Землякова за рукав и, протянув руку вперед, промычал: «Там свет! Мы пришли!» — Сергей не знал, что ответить ему. Когда тот повторил: «Там свет!», Земляков достал бутылку, подал Громову:

— Хлебни полглоточка.

Володя сделал глоток и нехотя вернул бутылку Землякову, спросившему:

— Полегчало?

— Почти... А там всё равно свет...

— Ладно, согласен, но идти ещё далеко. Не думай об этом. Шагай себе и шагай — так легче. И вдаль не смотри.

Громов кивнул, успокоился, но Медведев что-то промычал, указав на бутылку: мол, давай и мне. Когда отпил полглотка, спросил:

— Откуда у тебя столько воды?

— Щёлкать не надо было одним местом, когда на входе все запасались водой. Вам было лень взять лишнюю бутылку. А я не поленился, хотя и от этой бутылки ничего не осталось. — Он тоже немного хлебнул, плотно закрыл пробку. — НЗ остался, на всякий пожарный случай.

Но тут подошёл Силантьев, посмотрел на воду. Пришлось и ему позволить присосаться. Когда же почти ничего не осталось, Земляков отдал остатки Карпову:

— Допивай!

Тот жадно вцепился в бутылку, осушил её до дна, а Земляков сказал, как похвалил:

— Отлично! Теперь мы все обнулились! Теперь терпите до финиша, может, там что-нибудь перепадёт.

Ему никто не ответил. Да и что скажешь. Две или три остановки они отдыхали молча, а на третьей неожиданно раз-

рыдался Карпов. Никто его особенно не уговаривал, лишь Медведев подошёл, обнял, прижал к себе — так и сидел с ним в обнимку. Перед тем, как отлепиться, негромко сказал:

— Держись, Вить! Ведь ты же Победитель!

И Карпов услышал его, смахнул слёзы и ничего не сказал, лишь сжал его пятерню и первым поднялся, произнёс:

— Надо идти...

Они тяжело поднялись и продолжили считать шаги. Теперь до ста. Радовались и этому. А то как бы не пришлось ползти.

В какой-то момент, будто зная, что у них настроение и силы на нуле, появился «Спутник», а Земляков подумал: «Жаль, что ему воды не оставили...»

— Как дела? — спросил он у Землякова, лучше всего запомнив его из их небольшой группы.

— Нормально, — ответил тот коротко, не зная, что еще сказать.

— Как дела с водой?

— Допили остатки.

— Терпите, ребята. Осталось часа два-три. Тогда отдохнёте, поспите.

— Дальше-то какие планы?

— Будем ждать приказ к наступлению. Как говорится, как только — так сразу. Держитесь. Всем тяжело, особенно тем, кто за вами идёт. Пойду туда.

Вроде ничего особенного не сказал «Спутник». Но главное донёс, обнадёжил.

— Слышал, чем старшой порадовал? Часа два-три осталось! — доложил Сергей Медведеву. — Так что надежда появилась.

Да, действительно, появилась, именно ею теперь и жил Земляков. Хоть какая-то ясность. А она сил придаёт, прогоняет сомнения, переживания, даже временами накатывавшийся страх. Да-да — именно так. А что это, если не он, когда в какой-то момент, задумавшись, Сергей вдруг вздрогнул, увидев, что труба впереди сужается. Еще немного и она превратится в узкое горлышко, в которое не только пройти — протиснуться будет невозможно, потому что оно уменьшалось на глазах. «Разве мы такой конец ожидали? — подумал он. — В конце будут накопители, уж какие они — бог весть, но всё, поди, попросторнее трубы. В них наверняка можно будет сесть и вытянуть ноги. И воздуха будет побольше. Какое время находясь словно в обмороке, Сергей заставил себя скинуть наваждение, привести чувства в норму, вдруг осознав, что и к нему пришли галлюцинации, как у Громова. И

ведь главное ни с того ни с сего. Только со «Спутником» поговорил, и вот оно накатило: смотри и радуйся. Он открыл глаза и увидел в глубине трубы волнообразный зеленоватый свет, будто от северного сияния. И понял — сам же подсказывал Громову — что не надо смотреть в ту сторону. Надо сосредоточить взгляд на чём-то одном, близком, таком, до чего можно дотронуться рукой. И он уставился взглядом себе под ноги, и, наблюдая за ними, чувствовал, как светлеет голова, и ничего более не мнится, и впереди лишь чёрная труба, правда, на этот раз, необыкновенно широкая. В конце концов галлюцинации прошли. Либо он их перестал замечать. Потому и не смотрел вперед, а шёл и шёл, считал и считал шаги.

Похоже, их дорога пошла к завершению, когда они увидели горящую впереди лампочку и людей, мелькавших в её свете. И теперь, когда манящий свет казался совсем близко, не оставалось сил, чтобы добраться до него и сказать самому себе: «Я это сделал!» Это были не очередные глюки, а всё по-настоящему, и люди были настоящие, из бригады «Ветераны», несколько недель жившие в трубе и готовившие её к их беспримерному походу. И вот они встречали долгожданных гостей, к ним вышел «Спутник» и первым обнялся с ними.

— Располагайтесь, парни! — сказал один из них. — Давно вас ждём!

Они рухнули там, где стояли, не в силах что-то сказать, о чём-то спросить. Сидели истуканами и глотали воздух, которого здесь было больше.

— У нас тут выход приготовлен с временной земляной перемычкой, которую разрушим, как только будет получен приказ к наступлению, а в ней небольшое отверстие не толще руки, но и через него идет вентиляция воздуха, — пояснил один из «ветеранов» с закопчённым лицом, походивший на негра. — Так что, парни, располагайтесь, кто желает, забирайтесь в накопитель, а то в трубе оставайтесь, но не кучно, чтобы промеж вас можно было пройти. А вот отсюда, он указал на лаз, уходящий вверх, вы будете десантироваться. Всего три ступеньки по лестнице, и вы на свободе!

— Нам воды обещали... — не очень-то дружелюбно напомнил о себе Карпов.

— Будет вам и вода. По бутылке в руки. Не больше. Хотите сразу выпейте, хотите позже. Я не настаиваю. И ешь-то поменьше. Меньше ешь, меньше пьёшь. Норма — глоток на полдня. Если в это уложитесь — молодцы. Это я к тому говорю, что неизвестно, сколько вам здесь томиться до получения приказа.

«Ветеран» вынес из «кладовки», тоже вырубленной в грунте, упаковку с водой, начал раздавать. Все, конечно, сразу сделали по большому глотку, кто-то добавил еще полглотка и заставил себя на этом успокоиться, даже самые нетерпеливые.

Земляков думал, что накопители — это большие комнаты, а оказались они узкими каморками, вырубленными в грунте через вырезанную боковушку трубы, и не более того. Единственное, что он успел понять, так это то, что в накопителях относительно сухо и не капало с потолка, не текло по земляным стенам. Хоть в этом благодать, хоть от этого радость. Они расположились без особенного разбора. Кто где стоял. Земляков с Медведевым по обычаю рядом. В накопителе действительно дышалось легче, потому что труба уходила от него вдаль, создавая запас воздуха. Уж какого он качества, другой вопрос, но всё равно состояние у всех улучшилось, правда, ненадолго; из-за создавшейся скученности, когда другие подразделения волей-неволей подтянулись поближе к будущему выходу, вновь стала ощущаться нехватка воздуха. Но теперь выручало то, что не надо было двигаться, гнуться, сдавливая дыхание.

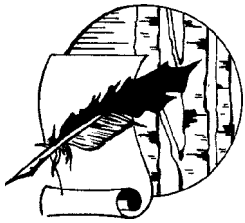
Постепенно они успокоились, нагрели места и полезли в рюкзаки за сухпайком. Аппетита не было, но немного пожевали, помня высказывание «ветерана» о вреде еды в их положении. Мало-помалу пришла сонливость и относительная, но всё-таки успокоенность, как после удачно выполненного большого дела. Теперь им оставалось одно: отдыхать и ждать приказа, всегда приходящего внезапно.

Перекусив, Земляков почти сразу заснул, и снилось ему его поле, на котором он весной посеет пшеницу: или сам в отпуск отпросится с передовой, либо свояк организует — технику найдёт и семенами разживётся, в сельхозуправлении всё-таки работает. Ещё когда уходил на СВО, он решил с женой Екатериной, что именно так и нужно поступить. Главное, чтобы вовремя отсеяться, с погодой подгадать, чего же земле пустовать. Она не виновата, что война идёт.

Сергей Земляков спал в накопителе, а во сне видел, что идёт краешком зрелого золотого поля пшеницы. Плотно она растёт, туго — рукой не раздвинешь, и на каждом стебле тяжёлые колосья, слегка наклонившиеся к пашне. И радость от вида спелой пшеницы на душе необыкновенная, вот он, урожай, налицо: убирай, сдавай на элеватор, получай деньги за свой труд и расплачивайся с кредитом. Без этого нельзя, из-за него и воевать пошёл, желая из банковской кабалы вылезти... Сон понравился, хороший сон.

А за полем он увидел жену и сына Гришу-старшеклассника, бегущего навстречу. «Вы куда же это собрались?» — спросил он, поздоровавшись. «Мы в лесопосадку за грибами, — ответила жена. — А ты далеко ли идёшь?» — «Домой, к вам. Так что грибы отменяются. Сегодня будете меня встречать! Можете здесь начинать!» — Екатерина обняла его, расцеловала: «А мы ждём и ждём, все глаза просмотрели. Звонишь ты редко, да и коротко, никогда ни о чём не поговоришь!» — «Зато теперь говори сколько душе хочется. Как у вас дела?» — «По тебе скучали... А Гриша как медалист легко в университет поступил, на физика и математика будет учиться. Вот такая у нас радость!» — «Григорий, дай твою руку, поздравляю! — подозвал он сына. — Не зря на олимпиады ездил — добился своего! Молодец!» Он обнял сына и прильнувшую жену, и стояли они втроем на фоне зрелой пшеницы — самые счастливые на свете. «Ладно. Засветились, пошли домой, — позвал он. — Соскучился!»

Бойцы в трубе спали, и никто из них пока не знал, что в ней им предстоит прожить ещё четверо суток.



Дмитрий КОВАЛЁВ
(1915—1977)

К 110-летию со дня рождения

Дмитрий Михайлович Ковалёв родился в семье сельского кузнеца в старообрядческой Ветке, на реке Сож. Он был первым ребёнком в многодетной семье. Пришлось хлебнуть нужды, увидеть смерть маленьких сестёр и братишки. Отучившись в школе три года, пришлось бросить её и начать трудиться, помогая по дому, в кузнице и на поле.

Продолжить образование удалось только с девятнадцати лет, самостоятельно подготовившись и поступив на рабфак. Перед войной окончил рабфак, стал преподавать в сельской школе в Романовичах под Гомелем. Заочно учился на филфаке Ленинградского университета.

В 1940 году Д.Ковалёв ушел добровольцем на Северный флот, где прошёл всю войну: сначала стрелком морской пехоты, затем подводником. Работал во флотской печати. Здесь во время войны он сложился как поэт, здесь написаны одни из лучших его стихотворений.

После демобилизации в 1946 году он приезжает в Минск, сотрудничает в разных изданиях. Первая книга стихов «Далёкие берега» вышла в Минске в 1947 году. В 1957-м после окончания Высших литературных курсов при Литинституте в Москве был приглашён заведовать редакцией прозы и поэзии в московском издательстве «Молодая гвардия». Впоследствии вёл творческий семинар в Литературном институте. Его напутствие и поддержку получили многие в будущем известные поэты. Активно занимался переводами на русский язык стихов национальных советских поэтов. Издал тридцать поэтических книг и книгу критических статей «Наедине с жизнью».

Михаил КОВАЛЁВ

Я ЛЮБЛЮ ТИШИНУ

ПОТЕРИ

Они сошли в Полярном.
В полдень.
С бота.
Как уцелел он?
Как дошел сюда?..
Что там теперь?..
Туда ушла пехота.
Слыхать:
Бомбили по пути суда.

Шинели,
Ржавые на всех от крови,
Пожухли,
Коробом стоят.
И только взгляды
Скорбь потерь откроют,
Но, как позор свой,
Ужас затаят.

От всей заставы
Пятеро осталось.
И не сознанье подвига —
Вина.
В глазах —
Тысячелетняя усталость,
А только-только
Началась война.

ДОЛИНА СМЕРТИ

Всё повидавшие, на склоне сопки
Вдруг отшатнулись —
Будто ахнул взрыв:
Дрожали прутья нервно,
Неторопкий
Дым расползался,
Гребень приоткрыв.
...И первый,
Неожиданный до жути,

Дзот,
Сложенный из человечьих тел...
Заиндевелый,
Словно в каплях ртути,
Весь мерзлыми глазами он глядел.
Костями пальцы из него торчали,
Железно скрюченные кулаки.
Рты — словно бы еще «ура!» кричали...
Что смерть?!
Что орудийные клыки?!
Что лёд, колючкой ржавою поросший?!
Скорбящий залп долину огласил.
Какой-то не своею волей брошен,
Был батальон сверхчеловечьих сил.
И разряжал себя он в рукопашной,
Коловший и давивший без суда...
Стал снег целинный кумачовой пашней,
Долиной смерти названной тогда...
Как мы
В бесчеловечной той метели,
На той багрово-черной полосе
Остаться все-таки людьми сумели...
И даже человечней стали все?..

9 МАЯ 1945 ГОДА

Михаилу Сазонникову

Произошел в мозгах внезапный свих.
Хоть ждали.
И предчувствия — не лживы.
Ко мне вбежал перед рассветом друг.
На шею бросился:
— Остались живы!..
И — как бы устыдился слов своих:
И глянули открытой болью всей
Его родные —
Их казнили люто —
И лица невернувшихся друзей.
Сама собой молчания минута...
Какая воля удержать могла,
Что накопилось за войну под спудом!
Каким —
И до сих пор загадка —

Чудом
Весть эта радио в ту ночь обогнала?..
Весь день,
Как посходили все с ума,
Из всех стволов палили в воздух.
И странно в пасмурных белела водах
Заснеженными скалами зима.
Но от огня
И с батарей,
И с баз,
Казалось, стынь июльским зноем дышит...
Казалось, весь уйдет боезапас —
И выстрелов
Мир больше не услышит...

А ДУМАЛ Я...

Матери моей Екатерине Ивановне

А думал я,
Что как увижу мать,
Так упаду к ногам ее.
Но вот,
Где жжет роса,
В ботве стою опять.
Вязанку хвороста межой она несет.
Такая старая,
Невзрачная на вид.
Меня еще не замечая,
Вслух
Сама с собой о чем-то говорит.
Окликнуть?
Нет,
Так испугаю вдруг.
...Но вот сама заметила.
Уже,
Забыв и ношу бросить на меже,
Не видя ничего перед собой,
Летит ко мне:
— Ах, боже, гость какой!
А я,
Как сердце чуяло,
В лесу
Еще с утра спешила всё домой...

— Давай, мамуся, хворост понесу.
И мать заплакала, шепча:
— Сыночек мой! —
С охапкой невесомою в руках,
Близ почерневших пятнами бобов,
Расспрашиваю я
О пустяках:
— Есть ли орехи?
Много ли грибов? —
А думал —
Там,
В пристрелянных снегах,
Что, если жив останусь и приду, —
Слёз не стыдясь,
При людях,
На виду,
На улице пред нею упаду.

* * *

Я тишину люблю.
Но тихих —
Опасаюсь.
Они всегда имеют что-то про себя.
При встречах
Одиночеством спасаюсь.
Жалел не раз,
Тихоням пособя...
Остерегайтесь доброты той липкой
Что по губам
И по усам течет...
Столкнут с обрыва
С ангельской улыбкой,
При всех,
Когда наверняка расчет.

ПРОСТОТА

Михаилу Исаковскому

Серийное новаторство постыло.
Душевную люблю я простоту.
Не ту, что хуже воровства, не ту,
А ту, с которой сердце не остыло.

Среди франтих, каких сейчас несметно,
С дымком в зрачках и зыбких, как лоза,
Она стоит в сторонке незаметно —
И никому не лезет на глаза.
Под фикусами, наготой мелькая,
Кружится свадьба, фокусов полна.
Она стоит, ничем не намекая,
Что здесь хозяйка полная — она.
Того заветного, что выше разуменья,
Чему лишь время, только время — суд,
Нам фикусы, конечно, не заменят...
И фокусы от смерти не спасут...
Стиляжки-рифмы липнут, что короста,
Бьют в перепонки, словно бы долбя...
Стой, простота! Ты мне далась не просто.
И я без боя не отдам тебя.

* * *

Какая-то новая нынче ты —
Улыбаешься без причины...
Расползается снег крупитчатый
Под прутастою лапой галчиной.
Пузырится в провалах юркая
Снеговая вода.
Женихаются голуби, гуркая.
Молодухи с вальками над лункою
Солнцем брызжутся.
Синь молода.
И смешинки в глазах твоих вешние,
От которых сладко недужится,
То — как трели скворцов
Над скворешнею,
То — как трепет воробышек
В лужице.

* * *

Эпоха! Вся ты не из вечного —
Из будущего, про запас.
Не утешала изувеченных,
Погибших не считала нас.
Не удивляет храм безглавый,
Зимою — поле в колосах.

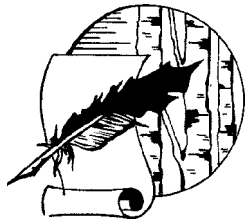
И обесславливались славы, —
Какие! — прямо на глазах.
Ты — вся из перемен,
Вся — чудо,
Вся — в обещаниях твоих.
Ты поработала нехудо,
Повоевала и за них.
Но в том сыны не виноваты,
Что столько вынесли отцы.
Завидовать им рановато:
Они еще совсем юнцы.
Стыжусь завистливости лютой,
Благ наставительных с хулой.
Пусть им — готовые салюты,
А нам — лишь грунт вчерне сырой,
Протезы, пенсии
Да слово —
Как шашка, вбитая в ножны.
Мы столько повидали злого,
Что мы умнее быть должны,
Чтоб не такой ценой сумели
Они понять,
Что враг не глуп.
И заноситься чтоб не смели,
Что мы уже не из халуп,
Что знаем, не спросясь у бога,
Куда лететь, и не в мечте...
Под тем же знаменем, эпоха,
Идем,
Давно уже не те.

***

Василию Федорову

Отвел я душу наконец.
Отвел.
Лицо в лицо наговорился с другом.
В таксушке, на сидении упругом,
Воздушно мне, как малышу от волн.
Пусть будет не стара судьба твоя,
Небесно по земле тебя пусть носит.
Противен, кто таких, как сам, поносит.
Друзей-поэтов обожаю я.

От встреч иных дурные снятся сны.
Послушаешь: все сукины сыны.
Они одни, заметьте свыше, цацы.
Осточертели эти мне паяцы.
Играя в смелость, прямоты боятся
И только этим над толпой видны.
Довольный возвращаюсь.
Есть резон.
Как много на земле людей хороших.
И звездный плёс — как платьице в горошек,
Чуть проступает где-то, как сквозь сон.
Расстались просветленно мы,
Неон
Искусственным сегодня
Не казался.
Высотный холодок спины касался.
И уходил, как я, в прозренье он.
А в городе осеннем столько лун.
Но в городе луна не затерялась.
И я в немолодые годы юн,
Какая б непогодь ни затевалась.



Фёдор СУХОВ
(1922—1992)

Фёдор Григорьевич Сухов — поэт-фронтовик, старший лейтенант, командир огневого взвода противотанковых орудий. Награжден медалью «За отвагу», орденами «Красной Звезды» и «Великой Отечественной войны». Лауреат Всесоюзной премии ЦК ВЛКСМ им. А.А. Фадеева за лучшее поэтическое произведение о Великой Отечественной войне — к 25-летию Победы за поэму «Былина о неизвестном солдате». Ф.Г. Сухов прожил ровно столько, сколько просуществовал СССР (1922—1992).

Окончив в 1954 году Литературный институт им. А.М. Горького с отличием, Сухов для работы выбирает разрушенный Сталинград, нуждавшийся в литературных кадрах. В 1957 году принят в Союз писателей СССР. Первое его стихотворение увидело свет в газете «Красная Армия» в 1944 году. Позднее поэт написал ставшее знаменитым стихотворение «Провожали меня на войну» (1954), вошедшее во все антологии стихов о Великой Отечественной. В 1968—1969 годах написана поэма «Былина о неизвестном солдате» с печальными начальными строками: «Нас всё меньше и меньше, нас почти никого не осталось...»

Литературный критик В.В. Кожинов писал о поэте: «Всё творческое развитие Ф. Сухова убеждает: он не мог уйти от темы войны, она неистребимо жила в нём. «Былина о неизвестном солдате» — самобытное и богатое смыслом и самим звучанием произведение. Так еще никто не говорил о войне. Федор Сухов открывает перед нами новую правду о ней».

Елена СУХОВА,
дочь поэта, кандидат филологических наук

В ТО ЛЕТО

Клавдии Сусловой

Тебя запомнил я такой,
Какою ты была
В тот самый день, когда с тобой
Я вышел из села.

Мы шли по полю прямиком,
И путь мой был далёк.
Как слёзы — видел я — тайком
Ты прятала в платок.

И говорила: — Вон верста,
Дойдём до той версты.
И как задумчиво-грустна
Была — я помню — ты.

Но не заметили, как столб
Тот самый, верстовой,
Стал позади, а я всё шёл,
Ты тоже шла со мной...

Потом расстались. Не забыть
Твоих прощальных слёз:
Ведь ты одна могла любить
Меня вот так, всерьёз.

Июньский тёплый ветерок
Играл на большаке.
Как голубь, рвался твой платок
Ко мне в твоей руке...

Четвёртый год меня ты ждёшь
Туда, к себе домой,
Четвёртый год мне письма шлёшь
По почте полевой.

Но знай: чем дольше дни разлук,
Чем больше было мук,
Тем встречи радостней, мой друг,
Мой настоящий друг!

* * *

Все-то дни и все-то, все-то ночи
Пропадал я на передовой.
Фронтовой страды чернорабочий,
Каторжник с отпетой головой.

Три кромешных, сумасшедших года
Убивали голову мою.
Залегла поблизости пехота,
Я у пушечки своей стою.

У своей стою сорокапятки
В кирзовых тяжёлых сапогах,
С огневой не ухожу площадки,
В отдалённый не бегу овраг.

А они всё ближе, ближе, ближе,
А они взошли на высоту...
Устоять бы только, только б выжить,
Удержаться в яблонном саду!

Как бело располыхался этот
Молодой мой, неубитый сад!
От его воспрянувшего света
Близкий мрак попятился назад.

Отступилась чёрная погибель,
Убралась с убитой высоты.
Яблонь розовеющая кипень —
Как улыбка вечной красоты.

Как земли ликующей убранство,
Как её освобожденный вздох,
Чуткого врачующего пальца
На сердце упавший лепесток.

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

А.А. Михайлову —
профессору, старому окопнику,
командиру саперного взвода

Осенней объятый тоской,
По пасмурным плитам бетона

Прошёл он в приёмный покой
Большого больничного дома.

Участник великой войны,
Свидетель великих событий,
Вошёл он во храм тишины,
В стерильную эту обитель.

Потом очутился в своей
Не очень приглядной палате.
Стучался в окно воробей —
Озябшей синички приятель.

На зрячей печали окна
Круглились незрячие слёзы.
Плескалась речная волна,
Речные туманились плёсы.

Участник великой войны
Как будто впервые заметил
Дыханье родной стороны,
Её разгулявшийся ветер.

Снежинки, как чьи-то персты,
Что падали на подоконник,
Муругую опадь листвы
Увидел на глинистом склоне.

Устало забылся, смежил
Свинцово набрякшие веки,
Тот тайный огонь погасил,
Что в каждом горит человеке.

Свою притемнил седину,
Как давнюю-давнюю славу.
Он снова ушёл на войну —
Под Курск, под Бобруйск, под Варшаву.

Он Наревский держит плацдарм,
А после выходит на Одер,
Ему выдает командарм
Под Курском заслуженный орден.

И вроде приблизился день —
Война замирилась как будто,

Цветёт обалдело сирень,
Ликует победное утро.

Участник великой войны,
А он не ликует, он плачет,
От скорби солдатской жены
Глаза воспалённые прячет.

От грусти седых матерей
Уходит к поникшей дубраве.
Ах сколько окопных друзей
Он в полюшке чистом оставил!

И нету победного дня,
И нету цветущей сирени...
Он голову хочет поднять,
Уткнуть её в чьи-то колени.

Сестру подзывает. Сестра
Тихонько подходит к солдату.
Муруго летела листва,
К багряному липла закату.

Плескалась речная волна,
Речные туманились плёсы,
На зрячей печали окна
Светились прощальные слёзы.

Прощался бывалый солдат
С осенней тоской бересклета.
Ложился багряный закат
На стихшую песню рассвета.

На озимь, что шустрой рекой
Струилась из дальнего дола,
И на приёмный покой
Большого больничного дома.

* * *

Вся пропахшая гиблой травой,
Зазелёненной прорвой болота,
Пробирается к передовой
Из резерва пришедшая рота.

Необстрелянные стрелки,
Наши русские милые парни

Опускаются в омут реки,
Прикасаются к белой купаве.

Пулемёты свои волочат,
Озирают задебренный берег,
А залётные стаи скворчат
Славят тайну великой купели.

* * *

Нас в телячьих вагонах везли на войну,
Пахло прелой соломой в телячьих вагонах...
Искупая свою и чужую вину,
Гибли мы — от бомбёжек — на всех перегонах.

На железнодорожной ночной колее
Оставляли себя калужане, волжане.
Вот какая она, эта верть-переверть,
Как каплюжит она проливными дождями!

Было так, отпоют поутру соловьи,
Пребывали они в недалёкой дуброве,
Громобойно кричали рулады свои,
Охмелев, озверев от пролившейся крови.

От росы, что пролилась на зеленя,
На траву-мураву благодатно упала.
Не чужая — родная дышала земля,
Трепетала ещё не убитой купавой.

Колокольчиком стыла в волчином логу,
Чабрецом медовела в горсти буерака.
Кто-то может, а я до сих пор не могу
Оградить посошок свой от давнего страха.

Вижу — ласково-ласково цедится дождь,
Освежая, холо́дит рябину, калину,
Сыплет ивовой серебри зябкую дрожь,
Мурашит воробьиной зари луговину.

Поспешает, торопит себя к лебеде,
Лебедою порос неглубокий окопчик,
Но ещё не утих, ежеутрь, ежедень,
Заливаясь, звенит мой лесной колокольчик.

Ростислав ИЩЕНКО

ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЁТСЯ...

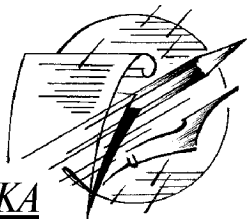
В интернете я часто натыкаюсь на дискуссию: почему украинцы не сдаются. Основные предлагаемые варианты:

1. Потому что глупые.
2. Потому что боятся.
3. Потому что украинцы.

Последний вариант не шутка. Он предполагает, что люди осознали себя отдельной, враждебной русским нацией и настолько возненавидели Русский мир, от которого отреклись, что просто не могут себе позволить ему сдаться. Для них сдача — мировоззренческая катастрофа, предполагающая духовную смерть, которая хуже физической.

Я придерживаюсь последней точки зрения. И вот почему.

Давайте вспомним историю наступления независимой Украины на русский язык, русские школы, русские СМИ. Всё это непосредственно касалось интересов большинства граждан Украины. Для 86% из них русский язык был родным, их дети тоже не знали другого языка. Переводы большей части мировой классики на русский язык были качественнее украинских. На русском языке была издана более



богатая учебная и научная литература, да и литература вообще. Русскоязычная среда сразу вводила человека в глобальное пространство, способствуя ускорению и совершенствованию его развития. Украиноязычная среда погружала человека в хутор, в простые сельские радости, с пысанками, щедривками, вышиванками, горилкой и незатейливыми развлечениями, из которых 90% заканчивались дракой.

Уцелевшие единичные русские школы моментально стали элитными, похлеще, чем были в СССР английские. Когда в 2013 году мой сын в Киеве шёл в первый класс русской школы, которую я когда-то сам заканчивал, туда стояла очередь из детей матёрых украинизаторов, в украинских школах учиться почему-то не желавших.

Не могу сказать, что русские СМИ в ранние 90-е были намного качественнее украинских. Скорее богаче. Но они давали главное — альтернативный и более широкий взгляд на мир. Их вытеснение, при том что западные СМИ большая часть украинского населения читать и слушать не могла, немедленно привело к катастрофическому сужению политического горизонта общества, обвальному снижению его интеллектуального уровня и кастрации аналитического аппарата каждого отдельно взятого индивида — если информацию не с чем сравнить, то анализ резко усложняется и требует наличия специфических знаний и навыков.

Итак, уже в начале-средине 90-х украинские власти предприняли ряд шагов, которые в нормальном обществе привели бы к бунту, так как резко снижали его потенциал и конкурентоспособность каждого его отдельно взятого члена, как внутри страны, так и за её пределами. Народ протестовать не стал, обосновав своё решение тем, что «мы живём на Украине, значит украинцы и должны говорить на родном (!) языке, который нам надо выучить, так как никто из наших предков на нём не говорил. А дети пусть сразу учатся на украинском — им же потом легче будет приспособиться в новом обществе. И СМИ нам «московские» не нужны — прогноз погоды и в своих расскажут, а их проблемы с Таджикистаном нас не интересуют, мы в Европу идём».

Люди сделали свой выбор, признав себя нерусскими. Это был первый, но самый важный шаг. Раз не русские, а украинцы, то и восстанавливать единство незачем. Так называемые пророссийские силы моментально потеряли шансы попасть в большую политику. За них если где и голосовали, то в Крыму, и то с оглядкой, по всей остальной Украине голосовали за своих местных умеренных евроинтеграторов. «Партия регионов« потому оказалась очень удачным проектом, что

отражала интересы всех региональных элит Юго-Востока, противопоставляя их Западу и собирая на этом голоса избирателей, но категорически отрекаясь от России: «Мы не русские, мы восточные украинцы». Даже теперь в эмиграции, когда игры в украинство для них лично закончились катастрофой, они пытаются провозгласить себя «русскими украинцами», «южнорусскими», кем-либо ещё — всё равно не такими, как остальные русские.

Ну а раз «сами мы нерусские», то и язык русский не родной, а украинского не знаем потому, что когда-то, ещё при динозаврах, как «доказали» «украинские историки», русские каким-то хитрым способом одновременно похитили у древних укров язык и русское имя, заодно их русифицировав. Не спрашивайте как это получилось в одном флаконе, политическая шизофрения не лечится. Зато она очень агрессивна. Таковое «русское коварство» явно требовало отмщения, поэтому Украина начала готовиться к совместному с Западом походу на Россию.

Да, об этом не заявляли с высоких трибун официально. Но от печерских холмов до самого занюханного галицийского хутора все знали, что война с Россией обязательно будет, даже обоснование нашли — «независимости без крови не бывает». Вы, должно быть, помните откуда это: «Дерево свободы нужно поливать время от времени кровью».

Большинство из тех, кто сейчас с нами воюет, с детства готовились с нами воевать. И собирались победить, не сомневались в победе, были в ней уверены.

На алтарь этой будущей победы они положили всё. Даже веру отцов. УПЦ МП не случайно бешено отрекалась от добавления МП (Московского патриархата), стремилась перевести все богослужения на украинский язык и была настолько сервильной в отношении украинского государства, что поддержала в 2022 году идею «защиты отечества» от России. Кто лучше знает свою паству, чем священник? И они знали, что измену Русскому миру паства им простит, ибо сама изменила, а даже занятие нейтральной пацифистской позиции будет той же паствой осуждено.

Это не спасло УПЦ от переформатирования в ПЦУ. И сейчас, при захвате приходов, лишь некоторые священники со своими прихожанами уходят в подполье, продолжая служить на частных квартирах, но не переходя в ПЦУ, большинство же плачет, колется, но продолжает истово любить кактус, вопия в адрес украинской власти: «Мы же свои, украинские мы. Мы хорошие. За что нас так?» И преследуют их не как русскую церковь. Может ли сохраниться русская церковь

там, где русские вынуждены скрывать свою русскость? Их преследуют как слишком богатых и влиятельных, желающих сохранить автономию, не желающих становиться церковным департаментом государства.

А что народ? Как он веру защищает? Нам ведь десятилетиями рассказывали, что украинцы православнее русских, что у них храмы каждый день полны под завязку, а не только в праздники, что они настолько христолюбивы, что самого Христа христианству учить готовы.

Выбирая между верой и украинством они выбрали украинство. А ведь для верующего (они же все верующие!) речь идёт о вечном — о спасении души. Значит и душа у них не православная, а украинская.

Так они и поют в своём гимне: «Душу й тило мы положим за нашу свободу...» Не скрывают, что душу они за украинство продали. Поэтому и не сдаются. Они сделали выбор между добром и злом, последовательно, на протяжении десятилетий, в каждой ситуации выбора, выбирая сторону зла. При этом они каждый раз, делая любой выбор, по сути, выбирали между Русским миром и украинством.

Вдумайтесь, в Курской области страшнейшие преступления против мирного населения совершали обычные солдаты линейных частей ВСУ. Возможно, и нацисты там отметились тоже, но большая часть убийств и издевательств на совести ВСУ — обычных мобилизованных. Что, может, над каждым их них «нацист с пистолетом» стоял, заставляя убивать, грабить, насиловать? Или в Донбассе десять лет (из которых восемь до СВО) убивали, грабили, насиловали, разрушали инфраструктуру, бомбили и обстреливали из крупнокалиберной артиллерии и РСЗО мирные города исключительно члены нацистских организаций? Нет, те, за редким исключением, от фронта всегда держались подальше. Это делали обычные украинцы — вчерашние русские, возненавидевшие русских и решившие таким экстравагантным способом доказать, что они лучше.

Продавая душу, отрекаясь от своей русскости и Русского мира, они думали, что выбирают сторону победителей. Они просто не хотят верить в то, что ошиблись. Они мечтают о «чуде на Днепре». Они верят, что если ещё чуть-чуть продержаться, то всё переменится и переменчивая Виктория вновь окажется на их стороне. Если они не будут верить в победу, им придётся оглянуться вокруг и признаться себе, что руины городов, десятки миллионов беженцев и сотни тысяч могил — их рук дело, что они разрушили не просто свою страну, но свою и своих детей и внуков жизнь и будущее. И, как это

всегда бывает, продав душу за красивые обещания, они не только ничего не получили, но всем остались должны. Трамп уже предъявляет векселя к оплате. Скоро за ним и другие подтянутся — с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Пока они воюют, у них «есть миссия». Как только они сдаются, они становятся лишь оболочкой бывшего человека — никому не нужным, неприкаянным набором костей и органов, упакованных в кожаный мешок.

Не утратившие русскости стараются сдаться до боя, в крайнем случае в бою, но без ожесточённого сопротивления. Сдавшийся же в виду исчерпания возможностей для сопротивления, сдаётся для того, чтобы сохранить себя для борьбы с нами. Большинство же, как мы знаем, не сдаётся вообще. Вот и посчитайте, каков процент русских, оставшихся на этих территориях. Даже добавив бабушек и дедушек, а также не подлежащих мобилизации инвалидов детства и предположив, что все они на нашей стороне, даже учтя, что русские могут более успешно прятаться от ТЦК, получим в лучшем случае процентов пятнадцать от оставшегося населения.

Да, отпетых нацистов там возможно ещё меньше (процентов десять), остальные — зомби. Да, зомби не виноваты в том, что они зомби, и да, очевидно, многих удастся привести в более-менее стабильное состояние, в котором они перестанут представлять опасность для окружающих, а их дети и внуки станут совсем русскими. Но лишь в том случае, если мы сможем контролировать не только процесс лечения, но и всю среду обитания этих зомби. Вы не вылечите сифилитика, если по утрам колете ему пенициллин, а днём он бегает к заразившей его подружке. И ещё: чтобы зомби добровольно пошли в загон на лечение, их количество должно сократиться настолько, чтобы невозможность их победы стала очевидна даже самому тупому их них. Пока их много, и они кажутся себе несокрушимыми.

В начале СВО я говорил, что если мы хотим убить меньше граждан Украины, мы должны отбросить всякие сантименты и вести боевые действия со всей возможной жёсткостью: «стрелять, так стрелять». Тогда была принята другая концепция — ждали, что украинцы одумаются, но продавшие душу не одумываются, такая опция подписанным ими контрактом не предусмотрена. Не могут одуматься и зомби — этим просто нечем думать.

В 2022 году мы прошли мимо возможности убить меньше в целом, убивая больше в единицу времени, но сократив время, необходимое для полноценной победы. Сейчас бессмысленно обсуждать эту возможность — прошлое не вернёшь,

историю не переиграешь по-новому. Теперь мы должны всего лишь понимать, что «милость к павшим призывать» будет своевременно, когда они действительно падут, сложат оружие, признают поражение и выразят готовность пройти курс денацификации (повторного очеловечивания). И, кстати, далеко не все такой курс смогут пройти до конца, некоторые слишком поражены инфекцией украинства, и им уже не излечиться. Те из них, кто не агрессивен, должны быть изолированы от информационной сферы, агрессивные же — от общества. В общем спецслужбам ещё долго будет чем заниматься.

Но пока идут боевые действия, любая жалость пагубна. Не сдаётся — не надо и уговаривать. Пока мы не сломаем им хребет, они не ощутят вокруг себя пугающую пустоту. Пока же им кажется, что их ещё много, их вера в победу непоколебима.

Ну а когда их вера в себя рухнет, мы это сразу увидим. Потерявшая боевой дух армия сдаётся частям и соединениями. Кстати, большими толпами сдаваться не так страшно, как по одиночке. Целую сдавшуюся бригаду или даже роту точно в горячке боя не убьют — здесь процесс сдачи слишком сложный и структурированный. Так что когда увидим сотенные и тысячные колонны украинских пленных, а мы их скоро увидим, это будет означать, что дух украинства сломлен, и только от нас зависит, сможет ли он возродиться или это был его последний бенефис.

Владимир ГУРЬЯНОВ

РАССКАЗЫ

ОБНОВКА

Купить новые штаны Ванятке мать обещала давно, года два уж. Однако подходящего размера, чтоб по костям было, не попадалось, а коль так, приходилось Ванятке каждое утро надевать старые, залатанные. Обычно раз в неделю они переходили в руки матери.

В такой день Ванятка выходил на улицу только к вечеру. Штаны стирались.

Вечером мать приносила штаны домой. Были они чистыми и теплыми от солнца. Мать садилась к окну, колола их толстой, немного гнутой иглой и беззлобно ругалась:

— На тебе, окаянный, как в огне всё горит. Не успеваю заплаты прилаживать.

Ванятка сердито возражал:

— Давно нужно новые штаны справить, а ты всё не торопишься, а я уже в третий класс скоро пойду. Маленький, да?

Мать прикрикивала на него, грозилась не пустить на улицу, но скоро остывала, отдавала штаны, и Ванятка пулей вылетал из дома.

Если бы Ванятка родился тремя годами раньше, он был бы старше своего брательника Петьки, все обновки носил бы первым, но Ванятка родился тремя годами позже, а потому всё, что на нём было, он не носил, а донашивал. Конечно, иной раз обидно становилось Ванятке. Но он понимал, что нельзя иначе. Всё же Петька учился в городе. Люди там чужие, среди них стыдно ходить в дырявых штанах.

Время Ваняткино шло. Осень хоть и не часто, но стала наведываться в село, где Ванятка жил. То лист сорвет с дерева, то небо тучами закроет, то сгонит грачей в большие стаи, растревожит птичьи сердца. Слушает Ванятка грачиную возню за огородами и спрашивает мать:

— Мам, а чего они разгарганились, будто их кто обидел?

Мать гладила его по жестким белесым волосам и задумчиво отвечала:

— Улетать им надо, а покидать родную сторону не хочется, вот они и кричат.

— Зря кричат, — заключал Ванятка, — им там теплее будет, а здесь они замерзнут.

— Ишь, рассудливый какой, — ласково улыбалась мать. — Вот вырастешь, будешь из дома уезжать, по себе всё поймешь.

— А зачем мне уезжать? — возражал Ванятка. — Здесь хорошо у нас. Дом свой, коза есть, картошки скоро накопаем. Может, к школе штаны справим.

Мать качала головой. Не видать Ванятке новых штанов. Откуда им взяться? Денег на хлеб еле хватает.

У других отцы есть и то перебиваются, а у Ванятки отца нет. С фронта не вернулся.

Вскоре Ваняткины сверстники обновками стали хвастаться. Вынесет кто-нибудь ко двору рубашку или ботинки — мальчишки гурьбой окружают. Рассматривают, изучают, гадают, какая цена обновке, и даже нюхают.

В такие моменты Ванятка к ребятам не подходил. Боялся, а вдруг спросят, что ему к школе купили. Да еще посмеются: где, мол, Ванятке, если даже мать в старой юбке по праздникам выходит. «Конечно, — думал Ванятка, — не все смеяться будут. Талька Мордасов — тот обязательно заржёт. Он всю войну калачи жрал, отец-то у него мельником работал. У них в семье все гладкие, как поросята. Витька Сыч — этот тоже засмеётся, даже стукнет своим острым кулаком куда-нибудь под ребра. У Сыча привычка такая — бить всех. Он всего годом постарше Ванятки, но сильнее и рослее его, даром что худющий, аж смотреть страшно, когда разденется. Так и видно, как кости под кожей ходят.

Родителей у него не было. Он всем говорил, что отец его большой командир, что люто бьет он фашистов. При этом глаза Сыча так дико сверкали, что мальчишки старались держаться от него подальше.

Сычу все верили. Но война кончилась, отец так к нему и не приехал. Сыч сказал, что его убили. Сказал и не заплакал. Обвел всех злыми глазищами и ушел.

Сычу все поверили. Ванятка не поверил. Он знал всю чистую правду. И мать, и отец Сыча, и две маленькие сестренки умерли в Ленинграде от голода. Отец был простым рабочим и болел туберкулезом. Витька сам рассказал это, когда Ванятка отдал ему пареную тыкву. Тыква была сладкая, с поджаренными краями, но Ванятка отдал ее Сычу. Тот быстро проглотил ее и, подумав, рассказал о себе. Потом пожалел, что рассказал, и с размаху стукнул Ванятку в лицо.

— Расскажешь кому — совсем убью!

Ванятка вытирал кровь.

— Ты чего не плачешь? — удивился Сыч.

— Я тебе тыкву дал, а ты...

— Верно, сожрал я твою тыкву, — протянул Сыч и, уже миролюбиво, продолжал: — А драться ты умеешь?

— Умею.

— Ну?! Покажи.

Ванятка немного помялся, потом шагнул к Сычу и ударил его в живот. Сыч охнул и сел на корточки. Отдышался.

— Хорошо врезал. А зла ты не держи, Ванек. Я не могу не драться. Я и тебя, может, поколочу еще...

— Дерись. Я буду сдачу давать. Хоть и не слажу, а всё равно буду давать. Батька так учил... А плакать я совсем не умею.

На этом и покончили. Будто не было между ними ни драки, ни откровенного мужского разговора.

Как-то вечером, когда мать ушла доить козу, Ванятка сидел у печки и смотрел на огонь. На шестке вкусно булькал закопченный чугун. Варилась картошка. Свет мать не зажигала, керосин экономила. По комнате двигались причудливые тени. Постепенно они превращались в диковинных зверей. Они, эти звери, то прыгали по стенам и прятались за большие пуховые подушки на кровати, а то вдруг разбегались по углам, изредка высовывая оттуда свои лохматые мордочки.

Сначала Ванятка весело рассматривал их, но в комнате вскоре совсем стемнело, а мать всё не шла и не шла, и Ванятку начал охватывать страх. «Петька чего-то в городе загостился, и дядька Степан давно не бывал», — с сожалением думал он, залезая на стул вместе с ногами.

В сенях стукнула дверь. Заскрипели половицы. Шаги были тяжелыми. Ванятка узнавал их даже во сне. Они были похожи на шаги отца.

— Э-э, да ты, никак, боишься один сидеть, — весело загудел дядя Степан, когда Ванятка повис у него на шее. — А мать где? Чего без света сидите?

— Мамка говорит, керосина до уплаты не хватит, вот и сидим в потемках. Что у тебя в руке?

— Мешок. Держи-ка, я лампу зажгу.

— Мешок, — протянул Ванятка, — я думал, ты уплату получил, гостинцев мне принес.

Дядя чиркнул спичкой. Он ловко научился спички зажигать. Сунет коробок подмышку, прижмет его культей, а целой рукой — чирк и готово. Даже быстрее, чём Ванятка двумя.

— С чего ты взял, что я уплату получил, — спросил дядя, щедро вывертывая фитиль, что мать проделывала с большой осторожностью.

В комнате стало светло и уютно.

— От тебя водкой пахнет. Вот и взял, — ответил Ванятка с подковыркой.

Он уже успел развернуть мешок и влезть в него, так что из мешка торчала только вихрастая голова. Мешок был новый, белого цвета, из тонкого плотного материала и пах знакомыми запахами мельничного склада: мучной пылью, сыромятными ремнями, прелым войлоком и конским потом. Ванятка часто бывал на складе. Дяде обед относил или просто так, как ходят к своим отцам все мальчишки, у которых есть отцы. А у Ванятки отца не было.

— Верно, Иван Иванович, ты приметил, получил я получку, а гостинец завтра принесу, нынче не успел в лавку забежать.

— Ура! — подпрыгнул Ванятка в мешке, запутался и хлопнулся об пол.

Вошла мать с котелком молока. Увидев барахтающегося на полу Ванятку, испуганно проговорила:

— Господи, это еще что?

— Мешок. Дядька Степан принес, — потирая ушибленную руку, ответил Ванятка и потянулся к молоку.

Он всегда пил молоко прямо из котелка. Молоко было теплое и густое. Ванятка с наслаждением пил его маленькими глотками. Легкая пена щекотала верхнюю губу и ласково шипела.

После ужина Ванятка устроился на сундуке и перебирал содержимое своей холщовой сумки. Книги были старые и

потрепанные. Но чем ветше выглядели их страницы, тем ласковее и осторожнее листал их Ванятка. Книги он любил, пожалуй, сильнее, чем складной ножик — зависть всех деревенских ребятишек.

Мать стояла у лампы и внимательно рассматривала мешок, что-то прикидывая в уме. Вдруг она подошла к Ваняткe, тряхнула его за плечи и радостно проговорила:

— Будет тебе обновка, сынок. Ванятка непонимающе смотрел на мать. А она уже достала ножницы и быстро-быстро застучала ими, распарывая мешок по шву. Через несколько минут мешок широким белым квадратом распластался на полу.

Ванятка скакал вокруг матери как угорелый, выспрашивал подробности, силился порвать кусок мешковины, который мать уже откроила, ликующе отмечал про себя: «Ого!» — и с удовольствием оголял свой тощий живот, когда нужно было снимать мерку.

До полуночи стружили и звякали ножницы. Ванятка не выдержал и уснул прямо на полу, среди обрезков мешковины.

Весь следующий день Ванятка был дома. На что характер непоседливый, а в этот день дома сидел. Чистил старые, но еще крепкие ботинки, примеривал сатиновую рубашку, которую мать сшила в начале лета из своей кофты, и поминутно выбегал во двор, где сушились выкрашенные в темно-синий цвет новые штаны. Были они такими, как много раз виделись ему во сне: не на резинке, а под ремень, с черными пуговицами, манжетами, и, главная Ваняткина радость, с двумя глубокими карманами. В общем, настоящие штаны.

К вечеру Ванятка вышел на улицу. Брюки были ему в самую пору, даже чуть длинноваты. Голубая рубаха сильно шла к его сияющим глазам, а волосы мягко отливали золотом в вечернем солнце.

Ребятишки сидели на завалинке старого дома, в котором с войны никто не жил. Ванятка подходил к ним неторопливо, небрежно засунув руки в карманы, а у самого в груди гулко стучало.

— Глянь-ка, Ванятка! — крикнул кто-то.

— Ух, ты! Вырядился!

— И не узнаешь.

— Чего и говорить — франт!

Мальчишки обступили. Ванятка уже не смог сдерживаться и всем широко улыбался.

— Дельная рубаха, — заметил один.

— У меня тоже такая, — радостно подхватил другой.

— А штаны! От толстые!

— Да, поносятся.

— Самодельные, — презрительно бросил Толька Мордасов, — я сроду не носил. У меня...

— А ну, замолчь, а то зараз получишь. У меня, у меня! — грозно оборвал его Витька Сыч. Он собственноручно пощупал штанину цепкими пальцами с давно не стриженными твердыми ногтями и заключил:

— Стоящие штаны.

С Сычом никто не спорил.

Солнце заходило, но лучи еще доставали до села. Они взбивали на дороге золотистую пыль, плавили стекла в окнах домов, красили тихую зелень. Прямо по лучам Ванятка Опойцев гордо шел домой. Он немного обвыкся с обновкой и подумывал уже: «Может, Петьке штаны отдать? Всё же он в городе учится. А штаны хорошие...»

Шел второй год после войны.

СЕРЁГИНЫ ГАРМОШКИ

Серега после войны запоздал где-то. Все мужики, которые живые остались, давно приехали, а он будто и не спешил. Марийка, жена его, все глаза из-за этого промочила. Горестно ей. А тут еще сосед Трофим. Смеется — на всю деревню и Фроську свою на трофейном велосипеде раскатывает. Велосипед черный, а спицы с рулем так и горят на солнце. Больше велосипедов не было ни у кого. Фроська от этого даже зазналась. Ходит нос кверху, того и гляди в какую-нибудь яму полыснётся.

Марийке совсем невмоготу стало. Пристают к ней бабёнки, где да где твой Серега.

Прошел по деревне слушок, будто, мол, Серега и совсем не вернётся. Найдет себе кралю и всё тут. Родителей-то у него с детства нет и родных тоже. А Марийка — что за родня, Серега пожил-то с ней всего два месяца. При его веселом характере вполне может не вернуться.

Наверно, еще чего-нибудь придумали бы злые язычишки, да вернулся Серега...

Зима уже стояла. Крепко мороз застудил землю. Сошел Серега с поезда и кричит мальчишек. Они рядом на салазках с горы катались. Мальчишки, конечно, со всех ног к нему, смотрят во все глаза на солдата, ждут, что он скажет. Некоторые, что постарше, признали его.

— Это дядя Серега — плотник...

— Здорово, дядь Серег.

Серега, будто взрослым, пожал им красные и холодные, как ледышки, ручонки, а затем спросил;

— А что, ребята, сумеете докатить меня на салазках до дому? Нога у меня того... из деревяшки. С виду только нога.

Ребятишки мигом притащили широкие дубовые санки. Серега уселся поудобнее, положил на вытянутые ноги два вещмешка, один из которых был наполовину пуст, и, весело присвистнув, скомандовал:

— Трогай!..

Четверо мальчишек схватились за палку с веревкой, трое уперлись в широкую Серегину спину и понеслись. Остальные с веселым гиканьем бежали следом. По дороге встретился только старый дед Михаил: все были на работе. Серега издали приветствовал деда:

— Здорово, дед Михаил. Это я, Серега. Приходи вечером усы помочить.

Дед радостно заморгал белёсыми глазами и, глядя вслед шумной ватаге, довольно сказал:

— Всю войну, чертёнок, прошел, а так шалопутным и остался. Не успел приехать, удумал на санках с детишками кататься. Теперь Марийка-то в радостях будет...

У самого дома Серега вдруг вскочил на ноги и, размахивая вещмешками, быстро вбежал на крыльцо. Ребятишки изумленно смотрели ему вслед.

— А говорил, нога деревянная... Сам, как заяц, скачет.

Дверь была заперта. Серега открыл ее. Минуту стоял, склонив голову, затем быстро перешагнул порог и скрылся в сенях. Вскоре он вышел уже без шинели, с позвякивающими на груди медалями и орденами и приветливо махнул рукой.

— Заходи, ребята, за подарками.

Расселись на полу, поджав под себя босые ноги: вальнишки все сбросили у порога. Сгорающими от нетерпения глазами следили, как Серега развязывал вещмешок, что был наполовину пуст. Внутри мешка тихо позвякивало.

— Ну вот, — сказал наконец Серега, — выбирайте на вкус. — И осторожно высыпал на пол десятка три блестящих губных гармошек. Ребятишки оцепенели. Вскоре в комнате задудели, засвистели, завздыхали на все лады. Серега стоял в кругу ребят, смотрел, как усердно раздуваются розовые с мороза детские щеки, и силился проглотить неожиданно застрявший в горле ком.

Вспомнил он, как через несколько дней после распроклятой войны пришел в их саперную роту суровый комбат и, прервав доклад командира роты, попросту сказал:

— Собери-ка ребят на лужайке, разговор есть.

Под майским солнцем на немецкой траве-мураве расположились лихие саперы, гордые победители, слушать своего комбата. И никак не ожидали они, что скажет он, их любимый, исполосованный осколками и пулями командир. А сказал он вот что:

— Ну, братья-славяне! Теперь всё кончилось, совсем кончилось. Теперь жить надо начинать. И нам, и им, — комбат указал на группу немцев, копающихся в развалинах. — Так вот. Нашему батальону поручено помочь восстановить в городе хлебозавод, чтобы люди могли хлеб есть.

Кончил говорить комбат. Замолчали солдаты, потупились. Тяжкая тишина нависла над солнечной лужайкой. Помнит Серега — повеяло холодом в сердце, занемело в груди. Не принимала душа этот приказ и всё тут.

Кто-то угрюмо проговорил:

— Они наших... Детей... стариков... А мы их хлебом... Эх!

Комбат вдруг посветлел взором, гордо поднял голову и, рубанув воздух рукой, ответил:

— Да! Будем кормить хлебом. Ведь мы же, товарищи, советские люди. Со-вет-ски-е! Это всегда надо помнить!

И почуял взводный Серега, что выше и шире стала душа, гордость и справедливость наполнили ее. И он первый твердо сказал:

— Понятно, товарищ комбат. Сделаем.

Вспомнил Серега и то, как, прощаясь, пожилой немец Курт, у которого он квартировал, накануне отъезда старался подарить ему крепкие, на железных клепках ботинки. Чувствовал Серега, что от всего сердца дарит старик, а принять подарок не мог. Потому как видел, что у того самого ботинешки вконец развалились. А на улице стоял туман, шлёпал по раскисшей земле холодный крупный дождь. Начиналась осенняя хлябь.

Видя, как расстроился старик, Серега, чтобы успокоить его, попросил подарить губную гармошку, объяснив, что дома в соседях живет хороший киндер Петька; вот его Серега и порадует подарком.

Старик, ничего не сказав, ушел, а к вечеру принес целый узелок губных гармошек.

— Да куда мне столько! — воскликнул Серега. А старик-немец весело улыбался и приговаривал:

— Гут, гут-гут.

В запорошенных снегом валенках вбежала Марийка. Через головы сидящих мальчишек она бросилась к Сереге. Ребятишки притихли.

— Что же ты так долго... И про ногу ничего не писал... Шальной ты мой, — наконец выговорила она.

Слезы щедро катились по молодому счастливому Марийкиному лицу.

Серега удивленно посмотрел на свои босые белые ступни, потом вдруг расхохотался и пустился выплясывать по некрашеному полу. Только пшеничные волосы поднимались на голове в такт приседаний.

— Он и нас обманул, что нога деревянная, а у самого обе самые настоящие, — радостно пояснил один из сидевших.

Зажав в руках бесценные подарки, мальчишки шумно вывалились на улицу.

— Зовите еще кого-нибудь, — провожая ребят, сказал Серега, — вон сколько их осталось.

Через некоторое время почти все мальчишки деревни играли на Серёгиных гармошках.

Вечером в дом к Сереге из соседнего села пришла тёща. На радостях она повсхлипывала, а затем стала хозяйски перебирать содержимое солдатского мешка. С удовольствием понюхав кусок коричневого мыла, теща вдруг недовольно сказала:

— Всю Европу прошел, а жене даже полушалка не смог привезти. Дуделочки какие-то притащил. На кой шут они нужны? Трофим вон не воевал почти, а на лисипете катается. Беспутный ты, Серёнька, как есть беспутный.

...С тех пор тридцать с лихом годков прошло. Давно сломался Трофимов велосипед, и сам Трофим уехал куда-то. Забыли в деревне и Трофима, и его трофейный велосипед. А Серёгины гармошки и сейчас вспоминают.

Вот тебе и дуделочки...

СВЕТ В ОКНАХ

Хутор потихоньку умирал. Словно дряхлый дед, он еще грелся на пригорке, попыхивал в небо дымком печных труб, изредка протяжно стонал колодезными журавлями, но всякий видел — конец его близок. Жизнь умирала вместе со стариками, уезжала в город с молодежью, ветшала со старенькими домишками.

А мимо, по старому тракту, пылили машины. И редко кто притормаживал у потемневших соломенных крыш. Да и зачем? Разве что водицы испить или холодного молока из погреба.

Из десяти оставшихся домов только один выглядел более или менее справно. Стоял он на пригорке и внушал уважение

добротностью потемневшего от времени сруба. Вокруг дома расселись ветвистые яблони, сыпавшие розовым цветом в вешнюю пору, а осенью — ржавыми листьями.

Живет в доме пастух Матвеич. Каждое утро встает он спозаранку, пьет холодное молоко из темного глиняного горшка, седлает кобылу Феньку и тихонечко трогается в путь. А хуторские петухи провожают его очумелыми со сна криками, будто спрашивают: «Куда-а пошел, дед? Куда пошел?..» Усмехается Матвеич и вслух отвечает: «Хлебушек зарабатывать».

Раньше старуха провожала, а теперь вот петухи. Нет больше старухи. Совсем нет. Померла.

Шибко кручинился Матвеич по жене, что нет ее рядом. Сошлись-то они не больно молодыми, но полюбовно, хотя Марфа была на пять годков постарше. А до того каждый хлебнул лиха злющего-презлющего — вспоминать тяжко. И всё война проклятущая. Не успел Матвеич в парнях нагулять-ся-поженихаться. На фронт позвали — немца воевать. Сержант саперного батальона дошел до Берлина. Уже всё дышало победой. И так хотелось домой... В мыслях, почти наяву, шел по родному хутору в новом обмундировании с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» на груди и был бесконечно счастлив.

Не сбылись грёзы солдата. Ударил немец из миномета и порвал почти всё молодое и сильное тело. Только голову и лицо не тронул. Как жив остался — один Бог знает. На родину вернулся на двух костылях, совершенно седой, измождённый. Эх, жизнь-жестянка!

А у Марфы — своя судьбинушка. В девках-то была и лицом нежным да скромным приглядчивая, и телом налитым заметная — парни глаз не сводили. И замуж пошла за красавца-тракториста с большой охотой и по великому сердечному тяготению. Да, видно, правду люди говорят, что не родись красивой, а родись счастливой. Сгорел в танке под Сталинградом муж Афанасий, а через год сгинул, навсегда пропал без вести пехотинец Федот — отец Марфы.

Обделённые счастьем люди, истосковавшиеся по семейному теплу и заботе, соединили души и пошли по жизни вместе. Через год Марфуша родила двойню — здоровеньких мальчишек. Счастливый Матвеич встал перед образами на колени и в слезах благодарил Бога за великую радость.

Топает теперь Матвеич один по жизни. И скучно иногда становится, тошно от пустоты в доме. Как старухи не стало,

он только тем и занимается, что сыновей ждет из города. Обучаются они там. Один на агронома, второй — на зоотехника. В первый-то год часто приезжали, почитай, в месяц раза два. В то время Матвеич не чувствовал себя одиноким. Но, видать, понравилось сыновьям в городе: реже стали навещать. Только по большим праздникам и то не всегда. Кто знает, может, отвыкли от родного гнезда.

Обидно старому Матвеичу. Раз как-то, не дождавшись сынов под Новый год, он сам решился поехать к ним. Да лучше бы не ездил! Оказалось, что они уехали веселиться на какую-то базу, в лес. Целый день просидел Матвеич в прихожей общежития, не снимая полушубка, а вечером, так и не повидав сыновей, вернулся в хутор.

Нынешним летом особенно истосковался Матвеич. На каникулы сыновья не приезжали. Работали где-то в строительном отряде. Перед учебой завернули домой на денёк и — всё. Не успел на них наглядеться. Октябрьская скоро, а от них ни весточки. Непогодь началась. Дождь со снегом и ветер. Иногда подмораживает. В такие дни выгоняет Матвеич своих телков на озимь. Чтобы зелени пощипали, порезвились.

С самого начала месяца стал поджидать сыновей. Загонит телков на ферму центральной усадьбы колхоза, раздаст корма на ночь — и трусит на Феньке к хутору. Перед самым хутором дорога поднимается круто в гору. Стоит выехать на неё — блеснут хуторские огоньки. И сразу станет ясно, есть в доме кто или нет. Свой огонёк Матвеич узнавал сразу. Светился он выше других и ярче, так как в доме висела самая большая в хуторе лампочка. Только давно он не видел огонька. И от этого еще муторнее на душе становилось. Нет жены, и огонь зажечь некому. Дети, они что? Они уже сами по себе. Вон, кто помоложе, два дня назад к родителям приехали. А мои... У моих уж, видно, невесты есть. Вот и не едут. С невестами-то оно волнительнее, слаще. Чего к старику ехать. Эх, старуха! Зря ты так подвела меня. Смолоду же договаривались, что вместе помирать будем, а взяла и оставила меня одного. А дети, они сами по себе. Не едут...

Так рассуждал Матвеич, взбираясь на гору. Но в глубине души, под тоской и горькими рассуждениями, теплилась надежда, что сыновья все-таки приедут, что завтра на праздник он пойдет с ними в село, к знакомым, и будет любоваться своими молодцами, слушать их крепкие голоса, говорить о них, гордиться ими.

Чем ближе поднимался Матвеич к вершине, тем сильнее росла в нем эта надежда. Он нетерпеливо торопил лошадь.

Наконец блеснули огни. Матвеич не выдержал, внутри у него всколыхнулось, обдало жаркой волной, он пружинисто встал в стременах и устремил взор на хутор.

Опустился в седло медленно. Фенька почему-то остановилась. Только спустя некоторое время он сообразил, что натянул поводья. Отпустив их, сказал устало: «Пойдем, Фенька, пойдем...»

В избе он долго сидел на лавке. Не раздеваясь, не включая света. Потом с трудом стянул разбухшие и грязные сапоги, скинул фуфайку, поверх которой был тяжелый брезентовый плащ. Включил свет.

Не хотелось ничего делать: ни есть, ни топить печь, хоть в доме было холодно, ни думать. Он бесцельно побродил по избе. Каждый раз, когда проходил мимо высокого, под потолок, старинного зеркала с резными узорами наверху, стекло бездушно отражало его грузную, ссутулившуюся фигуру, болезненно усталое лицо, заросшее седой щетиной.

Потом он влез на печь, укрылся полушубком и закрыл глаза. Вспомнился разговор с председателем. Уговаривал он его перевезти дом в село. Ближе, мол, к работе, к народу. Оно, конечно, так. Нелегко на седьмом десятке-то каждый день верхом. И среди люда веселее, что и говорить. Только сыновья-то как же? Вона грязища какая на дворе, в сапогах не пролезешь, а они в ботинешках приезжают. Как же до села будут добираться. А здесь сошел с автобуса — и дома. Только вот не едут, не едут штой-то.

Матвеич уснул. Тоскливое выражение лица его исчезло. Он снова ждал. Во сне. Опять дорога вела его в гору, и он торопил Феньку. Как десятки раз прежде, он пружинисто поднялся в стременах и радостно вскрикнул. От хутора, с пригорка, из окон его дома, струился свет. Ласковый, теплый.

А Фенька — не торопилась. Устала на подъеме. Не отрывая взгляда от света, словно боясь, что он ускользнёт, Матвеич понукал: «Давай, Фенька! Ну, чего же ты? А? Ведь ждут они...»

Лежа на спине, Матвеич широко и счастливо улыбался.

г. Саратов

Сергей ПЫЛЁВ

КАРАГАНА ДОНЕЦКАЯ

РАССКАЗ

Сирена требовательно гнала людей на улицу со всех этажей редакционного здания. Думать, объявлена учебная тревога или на этот раз опасность авиационной атаки украинскими боевыми дронами реальна, у сотрудников не оставалось времени. Люди бежали, теснимые напористыми, лихорадочными подвывами. Один за одним выскакивали они из дверей старинного здания в стиле петровского барокко, в которой размещалась воронежская городская газета «Новая жизнь». Как всегда, подавая пример бдительности, первым на улицу с папками документов особой важности выбежал её главный редактор Владимир Андреевич Смирнов, человек в местной журналистике весьма известный и авторитетный.

Ему следовало бы в соответствии с инструкцией немедленно спуститься в подвал. Однако, оглядев небо над головой и не обнаружив никакой очевидной опасности, он с облегчением вздохнул и машинально потянулся в карман как бы за сигаретами. Да, смолил Владимир Андреевич в годы оные всякие там «Космосы» и «Ту», «БТ» и «Вегу», пока однажды

не осознал, что хрен редьки не слаще. И тогда он без всякого напряга с этим навязчивым дымовым пристрастием завязал. Но на некоем моторном уровне оно в нём поныне не изжилось окончательно.

Напротив редакции красовался раскидистый аккуратный парк о двенадцати гектарах, занятых в основном массивными толстоствольными каштанами, этой весной особенно обильно цветущими своими пышными бело-розовыми гроздьями, а понизу стелились ярко-жёлтые разливы как никогда множественных в этом году одуванчиков и разлеглись густо-синие овальные оазисы подснежников, явно превосходящих глубиной своего пронзительного цвета густые краски «Миндального дерева» Винсента ван Гога или «Ледника» Николая Рериха.

В глубинах парка располагался уютный и особо притягательный магазинчик с озорным названием «Пивная Вселенная». Здесь после каждой тревоги сотрудники редакции надолго находили себе пристанище.

Как и обычно, отбой авиационной тревоги не заставил себя ждать: строго погрозив небу пальцем, Владимир Андреевич решил позволить себе некоторую поблажку и для снятия очередного перенапряга, вызванного воинственной сиреной, посетить «Пивную Вселенную».

Прогулявшись парком, насытившись весенним настроением, Смирнов остановился на замызганном крыльце заветного заведения и взялся за ручку. Она не поддалась. Пальцы руки словно бы отсутствовали. Словно бойкот непослушания ему объявили.

Потом была шустрая машина «Скорой помощи» опять-таки с надрывной сиреной и больница, одна из лучших в городе, где Владимира Андреевича студенты-медики в роли здешних санитаров на тележке чуть ли не бегом вкатили с металлическим грохотом в двери палаты интенсивной терапии.

Встревоженное и словно бы глядящее сейчас на Смирнова из неведомого далёко, из иного измерения лицо супруги Галины Львовны мерцало всё это время перед ним то слева, то справа или даже парило вверху чуть ли не под потолком. Выражение её глаз было таким, будто она смотрела на мужа и не узнавала его. До сих пор остаётся для Смирнова мистической загадкой, как Галина Львовна узнала о его беде и успела в больницу, пока не закрылись перед ним наглухо двери палаты. На миг ему показалось, что у супруги за спиной деятельно трепещут ни мало, ни много ангельские крыла.

Как бы там ни было, всё здесь увиденное с первых минут Владимиром Андреевичем, смутило его и опечалило. Боль-

ные, за редким исключением, несмотря на их общий диагноз инсультников, оказались достаточно крикливы, грубы и дерзко требовательны, а задёрганный персонал на всё это ответно реагировал далеко не самым лучшим образом. То есть очень даже миловидные сестрички оказались, за редким исключением, невротически раздражительны и вспыльчивы. И только когда появлялся рослый, стремительный и напористо деятельный заведующий отделением Илья Романович Безгинов, они все в эту минуту разительно менялись: следуя гуртом за их мэтром лечащие врачи и медсёстры были изысканно вежливы с самыми капризными болящими. Радостные улыбки персонала порхали по палате, как праздничная аура. Примерно такие можно заметить на экзамене у студентов, взволнованно стремящихся завоевать расположение строгого и неподкупного профессора.

Новичку Смирнову безотлагательно поставили капельницу, закрепили на боковину койки пластиковое подобие писсуара и предупредили, что разговаривать с соседями по палате строго запрещено.

— И с собой — тоже! — хрипло, но звучно добавил некий здешний умник, словно это раздался глас свыше.

Кстати, жёстко придерживаться правила «молчания» оказалось несложно: как можно общаться с людьми, у которых у большинства парализована речь? Правда, сосед справа, Эдуард, охранник супермаркета, позволял себе время от времени самым что ни на есть блатным голосом объявлять правду-матку по тому или иному поводу, включая события государственного масштаба. После обеда Эдик всегда пребывал в размягчённо-расслабленном состоянии, так что радовал себя снисходительными беседами с медперсоналом, предпочитая делиться с ними воспоминаниями о недавнем турецком отдыхе. Для пущей убедительности он подтверждал свои слова демонстрацией негласно вывезенных из тамошнего отеля в Россию дешёвых тапочек, полотенец, чашек, вилок и роскошного розового халата, правда, оказавшегося женским.

Однако турецким воспоминаниям Эдика то и дело мешал могучий строгий рёв реактивных боевых самолётов, время от времени подхватисто взлетавших со здешнего аэродрома, располагавшегося в зоне видимости из больничных окон. Куда и с какой целью отправлялись эти громовержцы небес, догадаться было нетрудно.

Впервые с этим аэродромом Владимир Андреевич познакомился ещё пацаном, когда вместе с ватагой дворовой ребятни приходил в эти степные места выливать из нор сусликов. Нет, его детство сына лётчика-фронтовика голодным не

было. Притягивали сюда Володьку не столько суслики, сколько «ястребки» — реактивные «МиГи» гагаринской эпохи. Кстати, повзрослев, Володька на отцовом горбатом «Запорожце» летом, когда авиаполк улетал на полевой аэродром, часами носился по здешней бетонке, получая первый водительский опыт. Правда, лётчиком-истребителем Володька так и не стал, несмотря на то, что в СССР, как пелось в одной песне, люди «рождены, чтоб сказку сделать былью». Не позволило реализоваться его мечте то, что вымахал он к тому времени под два метра — с таким ростом в кабину истребителя не втиснуться, а связать себя с бомбардировочной или военно-транспортной авиацией было для его возвышенной мечты однозначно неприемлемо. В итоге с унылой физиономией отправился Володька поступать в ВГУ на факультет журналистики, чтобы стать на худой конец военным корреспондентом.

Достаточно лёгкая, так сказать, пробная форма инсульта у Владимира Андреевича, воинственно называвшаяся ишемической атакой, позволила ему быстро познакомиться с соседями по палате. Вместе с ним, явно здесь самым старшим по возрасту, их стало четверо. При наличии шести коек, две с сегодняшнего утра пустовали по той причине, что больных, их занимавших, перевезли на каталках в морг с тем самым адским грохотом вихлястых железных колёс, перед которым любой трамвайный перестук покажется нежным шёпотом.

Старожилы палаты, уже хотя бы частично обретшие речь, называли её «перевалочным пунктом перед дорогой на тот свет». Называли, несмотря ни на что, с какими-то чуть ли не горделивыми интонациями. С такими разве что исполняют песню о наступающем для «Варяга» последнем параде.

Итак, среди соседей Владимира Андреевича были уже упомянутый выше Эдуард, почти непрерывно спавший, вернее, отрешённо дремавший в правом дальнем углу от входа с кислородной маской, делающей его похожим на лётчика-высотника, потом же сосед слева Алексей Гнездилов, наделённый впечатляюще мощной мускулатурой сейчас абсолютно непослушного и размякшего тела, вкупе с потерей речи — отставной старпом атомной подводной лодки, которого инсульт прихватил жёстче всех остальных. В общем, лежал он бессловесно мертвяк мертвяком и давно бы, возможно, отправился в местный морг на хорошо известной остервенело грохочущей каталке, но его супруга Нина, вторую неделю дневавшая и ночевавшая с ним, яростно не давала мужу с облегчением уйти в лучший мир. Лишь на пару часов днём убегала она покормить их собаку с добродушным именем Дружок.

Но более всех расположился Смирнов к Евгению Алёхину, бывшему следователю по особым делам федеральной службы безопасности. Несмотря на невозможность есть без особой гибкой трубки в парализованном инсультом горле, он отчётливо выглядел интеллигентным человеком. В руках у Евгения или подмышкой всегда был или томик Чехова, или Достоевского, а в глазах некое всемирного масштаба сострадание ко всему происходящему, как в нашей больнице, так и на земном шаре в целом, может быть, даже во Вселенной. Кстати, кроме чтения, Евгений, усевшись всегда в одно и то же полуденное время в кресло у окна, регулярно заставлял себя выполнять единственной своей подвижной левой рукой некие пассы, напоминающие магические йоговские асаны и медитации, которые он сопровождал сакральными хрипами, явно для него обострённо болезненными.

Несмотря на возрастное превосходство над здешним болящим контингентом, Смирнов каждый раз охотно помогал весьма пожилой, бурчливой буфетчице Алле Макаровне в блескучем белом халате с маркировкой «Для раздачи пищи» развозить и разносить еду лежачим соседям. То ли за это, то ли ещё по какой-то иной причине, Алла Макаровна расположилась к Смирнову настолько, что даже стала каждый день интересоваться его здоровьем, а также быстрым, ловким движением, явно недоступным для постороннего взгляда, накладывала ему сверх и без того щедрой больничной порции пару дополнительных ложек каши или пюрешки. Даже порой куриную котлетку прибавляла. Честно признаться, готовили здесь очень хорошо. Так что с голоду никто не помирал, а если кто и отправлялся в вечность, то исполнял это сугубо по воле свыше.

Лишь одна Нина напряжённо-строго заценивала каждое блюдо Аллы Макаровны и никогда не давала ему добрую оценку, всегда находя в них какой-то недостаток или даже изъян: так что бывший старпом Гнездилов питался у неё исключительно «домашненьким», которое, судя по нежно волнующим всех своих и инопалатных болящих, а также медперсонал сугубо аппетитными ароматами, действительно тянуло среди возможных оценок на уровень кулинарного шедевра. Так что было нетрудно понять, откуда такие богатырски ёмкие телеса у обездвиженного подводника Алёшеньки.

Само собой, каждый раз после еды, всегда вызывая приступ нежного восторга у Нины, он благоговейно закатывал глаза, за невозможностью выразить как-то иначе свою благодарность жене.

Сегодня очередным апрельским утром Алла Макаровна, развозя второй завтрак, как бы между прочим, но с особой

сокровенной доверительностью, призналась Смирнову, что у неё с вечера что-то ноги в коленях ломят.

— Так и жмёт, так и жмёт...

— Возможно, к перемене погоды? Вам бы горчичники поставить... — с достаточно мудрыми и вполне сочувственными интонациями негромко проговорил Смирнов, явно желая помочь буфетчице добрым словом хотя бы в малом.

— Ай, скажешь тоже!.. Тоже мне лекарь выискался! — отмахнулась она, между тем ловко, незаметно добавляя в его миску ненормативный кусочек омлета с сыром. — Себе на задницу поставь эти твои горчичники!

Она нежно, чуть ли не по-девичьи улыбнулась и тотчас построжела как-то по-особенному тревожно.

— У меня такое обычно бывает к неприятностям... — потаённо призналась Алла Макаровна. — К большим неприятностям... У меня организм чудной. Я бабка невозможно прозорливая...

— И куда же ныне указует вещая стрелка вашего мистического провидения?

— Не дури бабку! — строго, возвышенно проговорила Алла Макаровна. — Беду накличешь!..

Именно в этот момент в окна нашей палаты что-то коротко и резко сверкнуло. Ухнул жёсткий ёмкий хлопок. Где-то отчаянно зазвенели оконные осколки. Здешние сизари, щедро прикормленные больными, подхватившись, прыснули прочь всей своей плотной стаей.

— Батюшки-светы! — сердито вскрикнула Алла Макаровна и цепко обхватила Смирнова.

Ходячие инсультники, встрепенувшись, с весьма тревожными и сердитыми лицами судорожно заковыляли к окнам палаты. Нина прямо-таки легла на своего Алексея, чтобы успокоить безрезультатные порывы мужа примкнуть к своим товарищам по несчастью. Тогда старпом, в полном смысле этого слова немой свидетель всего происходившего, решил хотя бы крепкими мужскими выражениями с явным морфлотовским уклоном прибавить товарищам по несчастью бодрости и уверенности. Он предельно напрягся, выпучив глаза. Как всегда, ничего, кроме глухого мычания, у него не получилось. Судя по его перенапряжённому лицу, он очень переживал, что не разрулил внезапно возникшую тревожную обстановку могучим добротным крепким словцом. Его страдания по этому поводу были ярко очевидны.

В свою очередь Эдуард, оставшись у окна палаты без кислородной подпитки, уже на первой минуте начал задыхаться, точно чем-то подавился. И тогда однозначно не молодая

буфетчица Алла Макаровна с неожиданной девичьей резвостью бросилась к нему и как малого ребёнка отнесла на руках обратно на койку. Даже простынь и одеяло ему старательно поправила.

— Дроны наскочили... — хрипло, невнятно проговорил от окна бывший следователь Евгений Алёхин и так судорожно поправил трубку в своём горле, словно хотел её раздражённо вырвать и как некое боевое секретное оружие метнуть в сторону вражеских вертлявых дронов. — Явно по аэродрому, сволочи, метили... Но просчитались!

— А там же рынок недалеко! Неужели в него попали? — взволнованно сложила руки на груди Алла Макаровна. — Ох, людей там всегда не протолкнуться...

— Кажется, всё обошлось... — Алёхин строго оглянулся на неё и проговорил особым, натужным голосом. — Хотя вон пожарники примчались... Три «скорых» подоспели... Но никого не грузят. Слава Богу, серьёзно пострадавших, кажется, нет.

— Или от них, извиняюсь, ничего не осталось... Миль пардон, прекрасные дамы... — проскрежетал с кровати Эдуард в сторону Аллы Марковны и Нины, жадно посасывая спасительный кислород, словно потягивал через маску вкуснейший кальянный дымок.

Из коридора, потом же вверху и внизу послышались звуки множества шагов в сторону окон, смотревших на рынок. Правда, они в основном были напряжённо шаркающие, явно какие-то неловкие. В результате Смирнову показалось, что всё их двенадцатиэтажное здание больницы в эти минуты несколько как бы просело той своей частью, где столпились больные.

Запахло гарью, зыбкий дымок вертляво пыхнул из какого-то рыночного киоска, оставшегося без крыши, но тотчас и осел...

В сторону рынка размашисто пробежал со складными носилками подмышкой заведующий нашим неврологическим отделением. Невозможно белоснежный халат Ильи Романовича вздулся на ветру, словно парус. За Безгиновым решительно бежали целым медицинским отрядом чуть ли не все сотрудники неврологического отделения. Ко всему было очевидно, что к ним примкнуло немалое число больных, уже способных хоть как-то ходить.

Бывший следователь чуть было не перекусил трубку, хоботком торчавшую из его горла.

— А ну-ка, дорогой мастер пера, отвечай... Ты, кажется, говорил, что родился в Донецке?

— Так оно и было. А что?
— Кажется, в 1948-м?
— Ну да...
— И твой отец военный лётчик.
— Всё так.
— И он именно в это время бандеровцев по тамошним лесам бомбил. Что же он свою задачу так плохо выполнил?
— Трудный вопрос, товарищ следователь... — поморщился Смирнов. — Лучше как-нибудь при встрече задай его бывшему Первому секретарю ЦК КПСС Никите Хрущёву. Откуда у того после смерти Сталина к бандеровцам непонятная снисходительность проявилась? Все войсковые операции против них были отменены. Судимость с сидевших в тюрьмах и спецпоселениях власовцев, бендеровцев и полицаев сняты... Нашли многим хорошие должности. Порой, высокие весьма.
— Глубокие корни у этой заразы... — закашлялся Алёхин.
Смирнов невольно вспомнил своё детство в Донецке и соседскую девочку Таню, с которой у них была странная мальчишеская дружба. Они, пятилетние, вместе помогали её отцу ухаживать за голубями, ходили вдвоём на рыбалку, делали скворечники и запускали воздушных змеев. А еще Таня удивляла его своей привычкой пить чайный кипяток и смущала настырным желанием научиться целоваться как взрослые. Как она сейчас там?..
— Я бы этим бомбистам сквозную клизму поставил... — глухо вздохнул Эдуард.
Старпом в свою очередь явно хотел присоединиться на равных к такому сугубо мужскому разговору, но это ему никак не удалось. Он лишь строго, по-командирски прохрипел нечто, сотрясая таким своим неистовым напряжением всё своё огромное, напрочь обездвиженное тело. Оно с ним словно бы пока не имело ничего общего. Оно жило само по себе, он сам по себе.
К счастью, как стало известно позже, врачебная помощь никому на атакованном боевыми дронами вещевом рынке не потребовалась. Повреждённые палатки быстро восстановили.
Видя судорожные потуги мужа наконец заговорить, Нина с чисто женской догадливостью решила применить особый вспомогательный метод. На тот момент у неё в руках был какой-то красочный, хотя и зачитанный журнал.
Она поднесла его к лицу мужа. Старпом ещё более построжел. Можно сказать, натурально болезненно поморщился.
— Алёшенька, милый мой богатырь. Коли сам с нами говорить не желаешь, так хотя бы прочитай нам вслух название этого журнала. Ты меня понял?

Старпом сердито кивнул.

— Итак, читай громко и отчётливо!

Палата бдительно и благожелательно наблюдала за таким необычным экспериментом, пока не имеющим аналогов в арсенале восстановительных упражнений здешних неврологов.

Вздохнув, поднатужившись, Алексей прохрипел нечто эдакое, невнятное. Он напряжённо задвигал губами, словно норовил проглотить какой-то застрявший в горле комок.

Нина аккуратно и благожелательно вздохнула:

— Мой маленький, у тебя всё получится! Мы такие, мы пскопские! Вот возьмём и назло всем болячкам заговорим! Лиха беда начало!

Старпом, кажется, осердился как следует. По крайней мере, его масштабное лицо нервно напряглось. И он было хотел сделать пока единственно удававшееся ему движение — отвернуться к стене, хотя всё его могучее тело оставалось лежать в прежнем положении на спине.

Опережая такое его рассерженное движение, Нина с торжественной милой улыбкой открыла новую страницу журнала, на которой был большой портрет известного всем человека, недавно более чем успешно победившего на президентских выборах.

— Алёшенька, а кто на этой фотографии?! — мягко, педагогически мудро спросила Нина. — Скажи, не молчи! Все силёнки приложи!..

Старпом могуче нахмурился.

Так прошла минута-другая...

— Пу...Пу...тин... — вдруг с трудом, врастяжку проговорил Алёшенька: кажется, он явно вспотел от напряжения.

Поняв, что пора его затянувшегося молчания этими словами, наконец, завершилась, он неожиданно и совсем по-детски всхлипнул. Такое случается с учеником-троечником, неожиданно для всех вдруг ответившим на уроке на отлично.

Нина, женщина достаточно зрелая и, соответственно, обильно полная, тем не менее с неожиданной девчоночьей резвостью хватко, неистово обняла мужа, опутанного всевозможными трубками и проводами.

— Заговорил!!! — осчастливлено вскричала она, невольно напомнив Смирнову знаменитый кинофильм Якова Протазанова «Праздник святого Йоргена», в котором человек на костылях в исполнении Игоря Ильинского явил всем чудо — отбросил их и радостно пустился в пляс.

Правда, об этих параллелях Смирнов тактично распространяться не стал. Тем более что до отбрасывания костылей старпому было явно далековато.

Новость о необычном исцелении быстро облетела все двенадцать этажей больницы. В неврологическую палату тотчас размашистым шагом прибыл заведующий отделением Илья Романович Безгинов. Не только никакой строгости и особой начальственности не было сейчас в его лице, а, напротив, он выглядел не менее радостным, чем жена старпома Нина. При всей её нынешней заплаканности. Ведь даже слёзы радости всё-таки есть слёзы.

Вслед за Безгиновым торжествующе поспешили лечащие врачи, медсёстры и ходячие инсультники со всех неврологических палат.

— Дорогой ты наш! — вдохновенно рассмеялся Илья Романович. — Итак, повторение — мать учения. Скажи ещё раз, кто же на фотографии? Порадуй нас!

— Путин... — смущённо, с натужностью проговорил Алексей и всхлипнул.

— Капельницу — немедленно! — восторженно проговорил Илья Романович. — Весь комплекс.

В этот момент три «сушки» из когорты фронтовых истребителей-бомбардировщиков по прозвищу «Утёнок», одна машина за другой, подхватились в небо со здешнего аэродрома, словно салютуя заговорившему подводнику своим турбинным рёвом, разрывающим небо в клочья. Чуть ли не вертикально, свечой, протаранили они высокую синеву масштабного апрельского неба, как бы заверяя своей мощью Алексея, всех здешних больных, горожан и остальной земной мир, что победа будет за нами.

В связи с атакой дронов, пусть и неудачной, шума в больнице они, тем не менее, наделали достаточно. Как всегда, те или иные неприятности выливаются у нас в запоздалые, нелепые оргмеры. Таковые незамедлительно были приняты и руководством больницы: вахтеры перестали пропускать к больным посетителей. Они с непонятной ни для кого мстительной раздражительностью решительно заворачивали их «восвояси». Никого из вахтеров не тронули ни слёзные стенания жён, пришедших проведать своих мужей (иногда и чужих), ни грозные возмущения мужей, готовых силой прорваться к своим болящим родным и близким, пусть даже коллегам по работе, добрым соседям и просто хорошим знакомым. Иные так-таки проскальзывали в палаты лишь благодаря нашей исконной приверженности к такому классическому способу решения проблем, как «барашек в бумажке».

Когда на другой день в больничных окнах смутно обозначилось предвестие унылого рассвета, смартфон Евге-

ния Алёхина сообщил о бойне в концертном зале «Крокус Сити Холла».

Санитарка, почему-то как всегда очень рано мывшая у них полы, хмуро прислушалась к смартфону Евгения, охнула и тотчас прервала свои размашистые, словно бы вальсирующие танцевальные движения с тряпкой на палке. Она строго замерла в центре палаты, сердито промокая слёзы подолом своего рабочего тёмно-синего халата.

Все четверо жильцов неврологической палаты до обеда, не шелохнувшись, напряжённо слушали минута за минутой, час за часом всякие разные подробности насчёт «Крокус Сити». Понятно, что пребывать подолгу в неподвижном состоянии для них не составляло труда: инсульт преподал каждому основательный испытательный урок многонедельного мертвенного возлежания.

Вскоре у дверей их неврологической палаты составилась настоящая толпа из больных всех соседних палат. Молчанием она никак не отличалась. Редко кто из собравшихся отказал себе в возможности с нашим особым национальным мастерством проутюжить террористов убойным матерком.

— Это предел всему... — внешне негромко, но оттого особенно строго, чуть ли не сокрушительно проговорил подполковник в отставке Евгений Алёхин. — Мы, господа хорошие, больше не можем от таких событий оставаться в стороне.

Старпом приподнял голову и что-то натужно, но неуклюже проговорил. Само собой, его никто не понял. Даже трепетная супруга Нина.

И тогда он собрался с силами и повторил их, но уже на другом уровне звучности. Которого никто от него не ожидал. Даже повидавший всяких разных больных заведующий отделением Илья Романович Безгинов.

Слова Алексея прозвучали точно залп главного корабельного орудия. Было ясно, что такое его громогласное заявление не обещает ничего хорошего беспредельщикам.

Алексей позвал жену. Нет, она не подошла, она не примчалась и не прилетела. Нина мгновенно переместилась из одной точки палаты в другую. Стояла у двери, и тут же немедля оказалась возле своего Алексея. И это притом, что она, как жена, вполне соответствовала его богатырскому сложению и вовсе не числилась по разряду нынешних прозрачных худышек.

— Ого !!! — восторженно отреагировал больничный народ на такое её фантастическое преодоление пространства и времени.

— Что, миленький, ты хотел сказать?! — к зависти значительной части присутствующих в палате представителей болящего народа проговорила Нина голосом самоотверженной жены, готовой ради поправления дорогого супруга на всякие ему угождения и разрешения.

Алексей густо, напряжённо прокашлялся, словно мужественно выталкивал из себя осточертевшую болезнь.

— Пора и нам своё слово сказать...

Больничный народ ещё долго не расходился. Не отпрянул он от их палаты даже тогда, когда старательные и предельно стремительные студенты-практиканты резво провезли мимо по дороге в морг очередное тело, небрежно прикрытое застиранной, но при всём притом как-то не по земному сияющей белоснежной простынёю, весьма похожей на крыло некоей неведомой загадочной птицы, живущей в отличие от всех остальных земных существ одновременно в мире живых и мёртвых.

Тележка, ставшая на время транспортным катафалком, нещадно грохотала, бряцала и верещала своими разъезжавшимися в разные стороны изношенными донельзя колёсами. И невольно слышался в её настырном и убойном исполнении некий особый траурный марш, перед потрясающей силой которого даже торжественно-скорбная похоронная мелодия Шопена казалась всего лишь некоей легкомысленной минорной музыкой.

Назавтра утром, насыщенным множественным лучистым солнечным богатством, старпом решительно приподнялся на локтях. Его нынешний взгляд и всё лицо однозначно свидетельствовали, что этот человек не просто проснулся, как водится в такое время, а проснулся с вызревшим в нём каким-то новым значительным намерением.

Старпом мощно вздохнул, как на разрыв груди, и на его большом, масштабном лице изобразилась суровая решимость. Он судорожно дёрнулся всей глыбой своего тела, чем бедово сотряс несчастную больничную койку.

Вдруг громогласно рыкнув, Алексей неожиданно сел и опустил на пол свои огромные ноги, явно способные устоять в любой шторм. Даже тот, что играет высотными пятнадцатиметровыми волнами. Показалось или так было на самом деле, кровать старпома с безмерным облегчением взволнованно проскрипела. Кажется, она сама себе не верила, что это тело может дать ей, наконец, возможность перевести дыхание и собраться с силами на дальнейшее.

Жена как в ноги кинулась своему Алексею.

— А подай-ка ты мне, супружница, мою рабочую одежку... — оглядываясь, несколько как бы отдуваясь, с растяжкой проговорил старпом.

— Какую-такую ещё одёжку? — испуганно смутилась Нина.

— Матросскую робу, мать... Эх, баба ты красивая, но бестолковая. Я же как знал, что она потребуется. Вот и прихватил с собой. Погляди под матрацем!

— Твоя правда, Лёшенька, твоя правда... — зачарованно проверещала Нина и тотчас подхватисто засуетилась незамедлительно и расторопно выполнять поручение.

От такого оптимистичного шума проснулись Владимир Андреевич, Эдуард и подполковник Алёхин. Им торжественно предстал в центре палаты при полном параде мощно стоявший на своих могучих ногах старпом Алексей Гнездилов. При этом масштабы его основательной фигуры имели явно монументальные размеры, чуть ли не как у реального городского памятника Владимиру Ленину на главной городской площади.

— Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»! — неожиданно улыбчиво и простодушно объявил Алексей сотоварищам.

Это был голос совершенно здорового человека.

— Ничего себе... — отечески проговорил Владимир Андреевич. — Держите меня, люди, держите... Вот это превращение! Зовите немедленно заведующего!

— Медицину позже подключим! — сурово отмахнулся Алексей. — Найди-ка мне, Нин, чистый лист бумаги... И ручку!

— Не поняла, миленький... Чего найти-то? — реактивно вскинулась Нина, точно ей всё на свете было возможно, если только того пожелает её старпом.

Как-то так само собой получилось, словно из неврологической палаты в коридор и во все иные соответственные помещения больницы в эту минуту проник некий особый неземной свет. Это мистическое зрелище создали напористые лучи раннего Солнца, своей огненной силой пробившие тяжёлый и неповоротливый утренний туман.

Однако всем невольно казалось, будто этот свет исходит от богатырски утвердившегося на ногах старпома.

В их палату невольно стал любопытствующе заглядывать всякий разный народ. Вначале как бы по одному, а потом уже валом повалил. Некоторые бегом спешили по лестницам увидеть нечто, явившееся опешившему народу.

— Такого прямо-таки чуда, я никогда не видел... — бережно войдя в палату, тихо, уважительно и в то же время чуть ли не мальчишески восхищённо проговорил заведующий неврологическим отделением Безгинов.

Вооружившись бумагой и ручкой, Алексей, как ни в чём не бывало, уверенно сел возле своей тумбочки

— Мужики! Дело вот какое. Видно, и наш час пришёл. Не можем мы более себе позволить безысходно на больничных койках валяться.

Он ёмко, напористо откашлялся.

— Кто верит в своё скорое выздоровление, подходи до меня записываться. В добровольцы.

— Какие, извините, добровольцы?.. — аккуратно, робко пискнул в дверях палаты растерявшийся медбрат из студентов.

— На СВО, — сосредоточенно нахмурился старпом.

Тут один болящий из соседней неврологической палаты, больше похожий из-за предельной своей худобы на скукожившийся осенний лист, по стеночке с напряжённой улыбкой подвинулся к старпому, втрое, нет, куда там, вдесятеро превосходившему его своим телесным живоносным объёмом.

— А на какое-такое СВО ты нас зовёшь, господин хороший?.. — аккуратно вздохнул он, заранее оглядываясь, за какие спины ему в случае чего безопасней будет укрыться.

— А ты не догадываешься?

— Вроде и нет... Вроде и да...

— Пора и нам, кто оклемался, СВОим идти на подмогу... Нельзя нам, мужики, отсиживаться! — твёрдо, ясно проговорил старпом. — А кому слабо, сваливайте втихаря с глаз моих долой.

Вот тут Владимир Андреевич первым к нему и шагнул.

Алексей снисходительно усмехнулся:

— Ты, батя, постой в сторонке! В твоём возрасте там покуда особой нужды нет. И, надеюсь, не будет.

— Пиши, Алёша, меня... Пиши! Не сомневайся, — тихо, но весьма при том упёрто и явно как бы чуть осерчав, строго ответствовал ему Владимир Андреевич. — У меня отец после Великой Отечественной с этими лесными людьми боролся... Да вышло, что, оказывается, бестолку.

— Ладно, подумаю... — усмехнулся старпом. — Причина у тебя уважительная. Хотя неспроста говорят, что сын за отца не ответчик.

— А мне совесть моя другое говорит... — вздохнул Смирнов.

Сколько народу в тот день и на следующий записалось в добровольцы, назвать точно не получится. Свою бумагу Алёхин никому не демонстрировал, кроме как Безгинову.

День ото дня удивление заведующего отделением простотаки нарастало. Чтобы не вызвать ненужных разговоров, он, как мог, скрывал причину. Только с Владимиром Андрееви-

чем поделился этим предельно его взволновавшим фактом. Да таким фактом-фактищем, что он сам в корне решил свою жизнь повернуть, не откладывая.

— Как там будет далее с нашими инсультными добровольцами, не знаю... — доверительно-строго проговорил Безгинов Владимиру Андреевичу. — Только вы об этом загадочном факте, пожалуйста, не пишите в вашем «Новом времени». Не размещайте ни слова ВКонтакте. В таком деликатном вопросе сенсационный шум нам ни к чему. Некоторые коллеги могут меня не понять. Или понять шиворот-навыворот! Но с вами, дорогой Владимир Андреевич, не поделиться удивительными фактами никак не могу. Да какой там удивительными! Просто сногсшибательными, батенька вы мой! Одним словом, пятнадцать человек, из записавшихся у нашего старпома в добровольцы на СВО, через несколько дней поразили меня своими анализами и своим состоянием! Они уже практически выздоровели. Все как один. Такого факта медицина до сих пор не знала! А ведь им бы, по всему, предстояло ещё минимум неделю под капельницами лежать и кушать с ложечки... Загадка века!

Уходя, уже в дверях палаты, заведующий многозначно вздохнул:

— Кстати, Владимир Андреевич... Признаюсь вам для полноты картины всего здесь произошедшего. Лично я днями уезжаю на СВО. Как медик, конечно. Кстати, не без влияния магического факта выздоровления нашего богатыря-старпома!

Одним словом, после выписки Владимир Андреевич совсем иначе увидел свою жизнь. С его размышлений о ней как бы слетел уровень привычного бытового смысла, а открылась, ни мало, ни много, историческая основа пребывания на этой планете. Он впервые реально, вживе почувствовал себя в одном ряду с большой историей.

Владимир Андреевич помнил, что он родился на Украине в Донецке, с аэродрома которого его отец Илья Смирнов, командир эскадрильи штурмовиков, летал бомбить бандеровцев, засевших в лесных схронах у Коростеня.

Владимиру Андреевичу было тогда всего-то года полтора, но он посейчас отчётливо помнил и суровый голос отца, вернувшегося с очередного боевого вылета в лесную зону, запах кожи кобуры с его пистолетом ТТ, который тот почему-то всегда вешал на угол детской кроватки.

И ещё он помнил, как однажды более чем хорошо выпивший отец дерзко, матерно кричал в адрес тогдашнего Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущёва. Оказывается, их

авиаполк, базировавшейся возле Донецка, получил распоряжение свыше оставить бандеровцев в покое. Только что вышел Указ «Об амнистии граждан, сотрудничавших с оккупантами». Власовцы, бандеровцы, полицаи, эстонские партизаны освобождались из тюрем и поселений. Они отныне могли вернуться домой. И вернулись... Многие на ответственные должности. А их авиаполк штурмовиков «Ил-2» и «Ил-10» отправили куда подальше за тысячи километров на сахалинский аэродром, затерявшийся между тамошних горбатых сопок.

Днями Владимир Андреевич принял решение поехать в Донбасс. И не с музыкантами или писателями, какие сейчас часто там бывали в творческих командировках, а сам. Зачем конкретно, он не мог объяснить ни себе, ни растерявшейся от такого решения мужа Галины Львовны.

Как бы там ни было, Смирнов день ото дня всё обострённей чувствовал, что он живёт в практически мирном Воронеже, как бы невольно прячась здесь от вызовов времени за чужие спины.

...Он был тяжело ранен на Донбасе через несколько дней. Осколок американской ракеты нашёл его ранним утром по пути из гостиницы за золотым карасиком в богатом на улов здешнем парковом пруду.

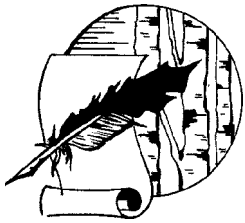
Не подгадывая, Владимир Андреевич успел прикрыть собой какую-то девчушку лет пяти, искавшую своего сбежавшего котёнка в зарослях отменно ароматной караганы — здешней медоносной акации, сырой по утру от тяжёлой ядрёной росы.

Кстати, та девчушечка показалась Владимиру Андреевичу один в один похожей на его когдатошнюю детскую подружку Таню, любительницу чая из кипятка и знатока небесных выкрутасов папкиных резвых голубков.

Пока «скорая» везла Владимира Андреевича в больницу, он по пути из последних сил с надрывом глухо объяснял сквозь заунывный пульсирующий стон сирены двум девчушкам-фельдшерам про некое неоконченное особо важное военное дело своего отца в этих краях, которое ни мало, ни много через семьдесят лет он, его сын, как бы завершил спасением незнакомой девчоночки.

Его не понимали. Но то, что его поймут ТАМ, он был уверен.

г. Воронеж



Анатолий АВРУТИН

ВОТ ТАК И ЖИВЕМ...

* * *

Сплелось, перепуталось — кто разберёт,
Что это за таинство — русский народ?
Откуда берёт он вселенскую ширь?
Здесь русский — татарин, и русский — башкир.
А горец, жену оставляя и мать,
В бою будет русским себя называть.
И Родина вся у них — Вечная Русь,
И мать их напутствует: «Только не трусь!»
Напутсвует воина старый отец:
«Нет в мире отважнее русских сердец!
Отважнее — нет, и доверчивей — нет,
И в этом секрет наших славных побед!»
...Где нынче хазары и те племена,
Что русскую землю терзали сполна?
Где половцы, где тот воинственный сброд,
Что вечно с мечами стоял у ворот?
Но, острым держа свой калёный булат,
Всегда был на битву готов Коловрат.
И, символом старых и новых побед,
Готов был схватиться с врагом Пересвет.
И пусть враждовали друг с другом порой
Князья... Брат на брата — вышагивал строй,
И русский же город порою горел
От русских, шальных, огнедышащих стрел.
И пусть кто-то верил, что здесь навсегда
Чужая орда, Золотая Орда...
Но вновь находился средь массы людской
То Дмитрий Пожарский, то Дмитрий Донской.
А всех лже-Димитриев выгнали прочь,
И пушки палили в победную ночь.

И Стенька — разбит и коварно пленён,
Не взял бы подмоги от вражьих племён.
Башку перед казнью склонив на плечо,
Не взял бы подмоги у них Пугачёв.
На плаху взошёл, после всех неудач,
И русским мечом мрачный русский палач
Отсёк ему русскую эту башку —
Случалось такое на русском веку.
Осмыслив, что русских нельзя покорить,
Примчались французы, чтоб русским «служить»,
Потом, ухмыляясь, пришла немчура...
Для вида по-русски кричали: «Ура!»
И наполучав православных имён,
Всходили на русский заманчивый трон.
А дальше — известно... И брызгала вновь
За Русь непокорную русская кровь.
И колокол бил там, где, выстроясь в ряд,
Шли с русскими рядом башкир и бурят,
Вставали, обиды забыв поскорей,
Сапожник-еврей и художник-еврей.
Хоть вслед им грозили, срываясь на крик,
Кабатчик-еврей и еврей-ростовщик...
Ведь Родина общая — Вечная Русь.
И мать им велела: «Ты только не трусь!»
Напутствовал воина старый отец:
«Нет в мире отважнее русских сердец!»
И как не послушать героя-отца?
Вот так и живем... И вот так — без конца!

* * *

Помню день рожденья... Мне — четыре.
— Толичек, пойдём, измерим рост...
Родственники в тесненькой квартире
Дружно собрались... И первый тост.
Будто по команде, дружно встали.
Никого чужих, своя семья...
Первый тост: «За вас, товарищ Сталин!»
Сталин — вождь, но как же, как же я?
У кого сегодня день рожденья,
Это кто немножечко подрос,
И кому заветное варенье
Дядя Гриша в баночке принёс?
Вроде мне... А пьют-то за другого,
Третьего июля, в светлый день...

До сих пор обидно, право слово,
До сих пор рассказывать не лень...
Я тогда заплакал не для виду,
Шпроты отодвинул, колбасу...
Думал ли, что детскую обиду
Сквозь года из детства пронесу?
...Нынче снова третий день июля,
Мигом пролетело сколько лет.
Только гости в дом не завернули —
В доме я и сталинский портрет.
Наполняю чарку... На мгновенье
Поднимаюсь... Сгорбленно стою.
Ну, за вас!.. И пью, моля прощенье
За капризность детскую свою.
Возвращаясь в день тот, в те печали,
Вижу, что из женщин и мужчин,
Кто там был, кого там вспоминали,
Только он остался, он один...

* * *

Снилось мне, что Рубцов предлагает сдружиться домами,
Потому что друзья согревают, от горя храня:
«Был бы ты в тот момент...
И, как друг, просто встал между нами...
Может, я бы остыл... И она б не убила меня...»

Он, конечно же прав... Но как быть? Между нами эпоха.
Я бы встал между ними, но время, увы, развело.
Я б дыханье вдохнул в друга после последнего вздоха,
Я бы солнца плеснул, чтоб в зрачки воротилось светло.

Я бы женщине той, что ещё улыбается мило
С той журнальной страницы, где ценится новая ложь,
Хмуро глянув, сказал: «Вы немного остыньте, Людмила,
Научитесь прощать... Он же гений! А вас не поймёшь...»

Может, вправду тогда, чуть остынув, она б отступила?
Может, вправду и он в ситуации той протрезвел.
И вернулась к нему та волшебная силушка-сила,
За которую прежде поэтов вели на расстрел...

Что эпохе пенять? Нынче гениев нет и в помине.
И домами поэты не очень-то любят дружить.
Просто мрак за окном...
Просто чайник всё стынет и стынет...
Просто тоньше и тоньше сознания бледная нить...

* * *

Октябрь... Не хочется душе
Уже ни воли, ни покоя,
Когда стоишь на рубеже,
Где впору думать про другое.

Где весь в кровоподтёках сад...
И там, забытые под кроной,
Угрюмо яблоки висят
Среди раздумчивости сонной.

И понимаешь, чуть в зенит
Поднимешь голову от быта,
Что ты ведь тоже позабыт,
Как это яблоко забыто.

И ощущая в горле ком,
Обнимешь дерево нагое,
И станешь думать о другом,
Не зная — где оно, другое...

* * *

Души испуганный сигнал
Опять стучится в подреберье.
Я непростимое прощал,
И верил в хрупкое безверье.

За выдох принимая вдох,
За крик —вселенское молчанье,
Я брёл дорогою дорог,
И слушал вечности звучанье.

Казался мне пустыней — сад,
В пустыне ж поспевали сливы...
Не обещал пути назад
Господь — седой и молчаливый.

И чей-то голос из глубин
Душа, немея, доставала:
«Ты шёл один?.. Иди один!..»
Другого не было сигнала.

Кружил орёл над головой,
Я в стенку бился головою...
Да в бездне голос роковой
Всё рокотал про роковое...

* * *

Стоптаны ноженьки, плакать не велено,
Братец наставил рога...
Всей и надежды, что печка Емелина,
Крякнув, пойдёт на врага.

Что, разозлившись, ногами затопает,
Жарко золою пахнёт,
Горе затопчет, а после Европою
Снова привычно пойдёт.

Там на рейхстаге Емеля распишется,
Вспомнив, что он — исполин.
Сплюнет... И вытащит красную книжицу
Вдруг из широких штанин.

Спрячет в карман, перед Богом покается,
Влезет на печку назад.
И ничего-то у нас не меняется
Столько столетий подряд.

* * *

Словно губы мои, посинели
Золочёные краешки туч.
Ветерок, шевелившийся еле,
Стал ветрилой, что груб и могуч.

А потом загудело, завыло,
Вдоль дороги ковыль понесло.
И жевать перестала кобыла,
И с лодчонки сорвало весло.

А потом всё, что криво лежало,
Всё, что было поставлено вкось,
Покатилось, гремя, побежало,
В непонятную ширь понеслось.

Лишь старуха шагнула к воротам,
Хоть сквозь пыль не видать ничего:
«Погляжу на дорогу... А кто там?
Может, надобно в хату его?»

Никого... Лишь ветрило устало
Дым сносил с покосившихся стрех

А она всё стояла, стояла,
И за этих молясь, и за тех...

* * *

Неужто возможно? Конечно, возможно
О чём-то спросить у неё осторожно.
Дождаться ответа, заранее зная,
Что есть между вами искринка сквозная.
Что в эту минуту ей тоже тревожно,
Что хочет спросить у тебя осторожно,
Дождаться ответа, заранее зная,
Что есть между вами искринка сквозная.
Как это зовётся? Я знаю не много,
Когда на двоих и тоска, и тревога,
Душою к душе — через все расстоянья,
Когда совпадают и страсть, и желанья,
Когда не помеха дороги кривые,
Разлука и все пояса часовые.
И даже возможно, конечно, возможно
О чём-то спросить у неё осторожно,
Дождаться ответа, заранее зная,
Что есть между вами искринка сквозная.

* * *

Есть строки божественное чудо,
Где прозренье с тайною вдвоём
Всё звучат, как скрипка... Но откуда
В скрипке звук?.. Взломаем — не поймём.
Но идёт сияние такое,
И идёт такая благодать
Вслед за той божественной строкою,
Чью бессмертность смертным не понять.

* * *

Повторяю упрямо,
Сквозь невзгоды скользя:
«На страну и на маму
Обижаться нельзя!»

Маме много не надо:
«Жив-здоров?.. Не болей!»

Материнского взгляда
Не бывает родней.

А страна позабыла
Сыну дать орденок?..
Но ведь хлеба и мыла
Тебе вдоволь, сынок.

Но ведь полночью зряшной,
Под шафе, с бодуна,
Ты бредёшь... И не страшно —
Это тоже страна.

В жизни множество было
И тревог, и обид.
Если мать позабыла,
То Отчизна взрастит.

А, не имящий сраму,
Примешь ты благодать,
Ни Отчизну, ни маму
Не посмей обижать.

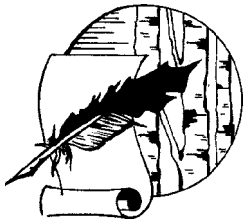
* * *

Приснилось, едва одолела дремота,
Что ждёт её завтра тревожное что-то.
А в чём его суть — так и не уяснила,
Весь день в непонятной тревоге ходила.

Едва дождалась полуночного часа,
И внутренний голос шепнул ей безгласо,
Что полднем прошедшим успела, успела
Она завершить очень важное дело.

А после она безмятежно уснула.
Будильник звенел да из форточки дуло.
Очнулась, но всё-таки не уяснила,
Откуда тревога? И что это было?..

г. Минск



Владимир АРХИПОВ

БРАТСКАЯ ВЫСОТА

БЫЛ Я МАЛЕНЬКИМ...

Был я маленьким, очень маленьким, —
Может быть, чуть побольше валенка.

Годы трудные, послевоенные.
А от зноя — поля бесхлебные.

На деревне любой ребёнок —
Как работник почти с пелёнок.

Ох, как спать на рассвете сладко!
Но стучит у ворот лошадка.

Разговор у отца короткий:
«На работу даю пилотку!»

Я от радости вместе с солнышком
Поднимаюсь легко, как воробышек.

Надеваю пилотку быстро —
В ней отец победил фашистов!

Люди, птицы, зверьё, дивитесь —
Я в пилотке, как воин, как витязь!

Мне совсем на Карюхе не страшно,
Мы бороним весеннюю пашню.

Ходят следом грачи, вороны,
Бороне моей бьют поклоны.

Забороним, затопчем с Карюхой
Невезуху и голодуху!

Будут, будут к первому классу
И букварь, и тетрадки, и краски!

Легче пёрышка вес у всадника,
Место всадника — в детском садике.

Что за птички в глазах летают?
Засыпаю я, засыпаю...

Словно солнечный снопик жита,
Под копыта лечу, под копыта.

В тот же миг моя лошадь встала,
Замерла, а потом заржала.

Загремела Карюха уздечкой:
Поднимайся, мол, человечек...

...Было времечко — даже лошади
Нам желали всего хорошего.

Это было. Да, это было!
Что же сердце мое заныло?

Часто вижу во сне Карюху,
Я в пилотке на оба уха...

РУССКИЙ СОЛДАТ

Однажды на покосе
Отец рубаху снял.
Народ всего колхоза
Раненья увидал.

Отцу усталость — в радость!
Закончена война!
Осколочные раны
На нём — как ордена!

Отвага силы множит.
Горит Руси свеча.
Кто вынул меч из ножен —
Погибнет от меча!

Солдатские награды
Отец мне передал:
— Знай, русского солдата
Никто не побеждал!

ПУЛЯ В БЕРЁЗЕ

Морозы в России — до дрожи в коленях.
Берёзу сухую рублю на поленья.

Такая картина внезапно открылась —
Лет семьдесят пуля в берёзе таилась.

И охнула разом вся наша семья.
И крикнула внучка: «Чур, пуля моя!..»

Но бабушка внучке шепнула на ушко,
Что пуля в берёзе — совсем не игрушка.

Как долго военная пуля летела
В родимом пространстве, в берёзовом теле!

Чтоб дети и взрослые помнили-знали —
Деревья, как люди, страну защищали!

БРАТСКАЯ ВЫСОТА

Поэту и воину Хусену Андрухаеву, погибшему в бою с фашистами в 1941 г. Ему, первому из членов Союза писателей, было присвоено звание Героя Советского Союза

А мины всё ближе рвутся.
Боец-пулемётчик сник.
«Русские не сдаются!» —
Крикнул Хусен, адыг.

Встал русский солдат Василий.
С гранатой.
В последний раз...

Они защитили Россию,
Они защитили нас.

Здесь рвы заросли травою,
Сады по весне цветут.

Давно «Высотой Героев»
В округе тот холм зовут.

Воины-побратимы,
Память о вас жива!
Мы вместе — непобедимы! —
И это не просто слова.

Нет в мире успокоенья!
Чтоб землю сберечь в цвету,
Мы сердцем держим равнение
На братскую высоту!

ШИНЕЛИ МЕДСЕСТРИЧЕК

Очень хрупкие, словно птички,
Медсестрички из райбольнички.

По-солдатски они одеты
На концерте в честь Дня Победы.

Но стеснялись, помню, девчата,
Что шинели великоваты.

Волновался я за малышек —
Будто сам я на сцену вышел.

Ах, как славно птички в шинелях
О любви на войне запели!

Медсестрички — не звёзды экрана,
А поют — как бинтуют раны.

Сколько нежности в этих строчках —
Про «Катюшу» и про «Платочек»!

И забыли сами девчата,
Что шинели на них мешковаты...

Глубока ты, боль фронтовая, —
Память вечная, ножевая...

Помню, песня звенела, грела.
Слёзы дедушки и юнца...
Мне казалось: под каждой шинелью
Бьются ангельские сердца!

г. Краснодар

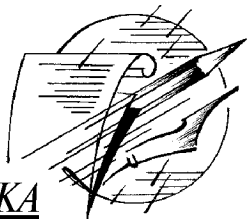
Сергей МИХЕЕНКОВ

ЛУГАНСКИЕ ЗАПИСКИ

Думаешь, только те военные, у кого погоны на плечах?
Нет. Военные — это все те, у кого война на плечах.
Константин Симонов

Позади две ночи в полусне с редкими остановками и день в Первомайске, наполненный встречами со старыми и новыми знакомыми, беседами, новыми впечатлениями, наблюдениями. В дороге ночи проходят стремительно, они буквально пролетают, как километры, возникающие из темноты и исчезающие в той же густой темноте. Водитель Саша травит анекдоты, перемежая их такими же яркими случаями из жизни. Рассказчик он великолепный и своеобразный. Своеобразие в основном заключается в том, что в финале очередного анекдота Саша без всякой паузы принимался азартно хохотать. Похоже было на то, что веселил он анекдотами самого себя. Но, наблюдая за его концертом, смеялись и слушатели. Заражал Саша своим неиссякаемым азартом и меня.

Платная дорога гораздо лучше и переносится значительно легче. Но она — платная. Ещё год назад шла речь о том,



Продолжение. Начало в №1-2, №4, №7-8 за 2024 г.

чтобы конвоям с гуманитарными грузами «платка» была открыта для безвозмездного проезда. Не хочу выяснять, в чей карман идут тысячи, взимаемые за провоз маскировочных сеток для воюющих, за доставку к линии боевого соприкосновения продуктов питания, обмундирования, беспилотников и приборов радиоэлектронной борьбы, детских писем и рисунков, блиндажных свечей, медикаментов и перевязочных материалов, бронежилетов и другого снаряжения, закупленного в тылу волонтёрами, пенсионерами, предпринимателями, просто неравнодушными людьми. Если в частные карманы, то давно бы следовало властям решить эту нелепую коллизию в пользу бесплатного провоза грузов жизнеобеспечения для нашей армии. Карман дорожников от этой «льготы» не похудеет. К тому же эта акция станет реальным участием тех же дорожников (управляющих платными участками дороги) в общероссийском движении помощи фронту. Если же деньги идут и государству, то я не понимаю этого бизнеса.

В попытке не уснуть мы разговаривали с главой администрации Ферзиковского района Алексеем Сергеевичем Волковым. На его машине мы и ехали. Алексей Сергеевич неутомимый мотор потока гуманитарных грузов, которые идут во все наши воюющие группировки — в район Харькова, на Луганщину, под Херсон и, конечно же, в Курскую область. Признаться, меня он брал с собой только когда в машине появлялось свободное место, не занятое срочным грузом. Както признался, что побывал везде, где воюют «мои ребята». Это он о ферзиковчанах. В его рабочем кабинете в рамочке Благодарственное письмо. Видимо, этот документ ему особо дорог, раз в рамочке и под стеклом. «Мои ребята...» Это многое значит.

Спросил Алексея Сергеевича о первых поездках. И он начал вспоминать.

Первая поездка Волкова была связана вовсе не с доставкой грузов в самый западный район Луганской области — Первомайский. Хотя кое-что и тогда привезли. Но самое главное — приехали добровольцы-строители. С ними и Волков. Специалисты прибыли из Калуги, Людинова, Сухиничей, Боровска, Кондрова, других городов и районных центров Калужской области. Одеты были в камуфляжные костюмы. Всю бригаду вселили в пустующую школу. Расселились и, как водится, отметили новоселье, хорошенько взбодрились перед началом первой рабочей недели. Бои в то время шли неподалёку, канонада доносилась со стороны Попасной. Город и железнодорожная станция ещё не были очищены от

противника. И вот в первую же ночь оттуда прилетели по общежитию калужан несколько ракет. Слава богу, в школу не попали.

По рассказу Волкова, за несколько часов до огневого налёта к школе подъехала легковая машина, вышли двое, мужчина и женщина, в форме без знаков различия, открыли багажник, достали маленькую «птичку» и запустили её. Дрон сделал облёт близлежащих кварталов. После чего дроноводы вернули свой аппарат в багажник и уехали.

— Думай что хочешь, — вспоминал Волков. — Я сразу почувствовал неладное. Строители мои пьяные. Остановить их невозможно. Вся бригада скучена в одном общежитии. Прекрасная цель для точечного удара! Кто были эти двое на машине? Нашивки можно сдёрнуть в один момент. Наши? Вряд ли, им нечего было делать возле общежития со строителями. Я пошёл к главе администрации. Военных нигде нет. Обратиться не к кому. Военные все там, под Попасной. Там и «вагнера», и десантники, туда ушла бронетехника. Поднимаюсь в приёмную главы. В приёмной сидит девочка. Ни полиции, ни маломальской охраны... Захожу к главе, говорю: так, мол, и так, нужна охрана... Рассказал о мужчине и женщине, запускавших дрон. Глава согласился, что это могла быть украинская разведка. И сказал, что у него никого для охраны школы нет. Видите, говорит, у меня у самого только девочка в приёмной, вот и вся охрана...

Как рассказал Волков, в ту же ночь начался обстрел. Буквально в нескольких метрах от школы разорвались две ракеты.

— В эти дни особенно меня мучили боли в позвоночнике, — рассказывал Волков. — Застарелая болезнь. На койке с панцирной сеткой спать я не мог и поэтому снял с петель одну из дверей и пристроил её под матрац. Так и уснул. Проснулся от сильного грохота и близкой вспышки. Меня с моей дверью сбросило с кровати. Пришли в себя. Осмотрелись. Кто-то снова залёг, несмотря ни на что, и через минуту захрапели как ни в чём ни бывало. Ракетным обстрелом ночь в Первомайске не ограничилась. Через некоторое время на углу школы заработал миномёт. Звонкие хлопки. После третьего стало невыносимо. Как будто на голову надели чугунный котёл и со свей дури ударяли по нему обрезком железной трубы... Хотелось посмотреть, что там происходит. Потом заработал пулемёт и несколько автоматов. Вспышки, крики, стрельба. Кто-то шарахнулся в посадки кустарника. Кого-то волокли на свет. Кого-то бросились преследовать...

Оказалось, что в Попасной «вагнера» и десантники окончательно прижали хохлов, и те разбегались в разные сторо-

ны, как тараканы. Самое страшное, вспоминал Волков, что ничего нельзя было понять: кто стреляет, в кого, куда, кто кого преследует и что произойдет в следующую минуту и через час.

Утром всё прояснилось: прорвавшихся из Попасной укронацистов остановили в Первомайске, многих уничтожили на месте, некоторых взяли в плен, уцелевших преследовали и настигли где-то на окраине города в посадках.

— На следующий день, — рассказал Волков, — мы разбили нашу бригаду на группы и по моей просьбе группы расселили в разных частях города. Нам придали куратора из ФСБ — Володю. Всё вроде успокоилось. Володя приходил к нам, опекал, как мог. Кроме пистолета, другого оружия у него не было. Но нам всё же было спокойно.

Уже в Первомайске, разговаривая с начальником управления экономики, имущественных и земельных отношений администрации муниципального образования города Первомайска Виктором Гарбаром, мы узнали, что Володя из ФСБ погиб на своём рабочем месте.

— Ракета прилетела. Скорее всего «Хаймарс», — рассказал Виктор Гарбар. — Кабинет весь в щебень. Володю — наповал.

Волкову было горько об этом узнать.

— Хороший был человек, — сказал Волков. — Служил добросовестно. Умер как солдат.

Мне не привелось познакомиться с ним, разговаривать, расспрашивать, пить за компанию и ради знакомства чай. Но образ его, пусть отчасти и воображаемый, собрался. И теперь, работая над этими записками в тихой Тарусе, я думаю о нём, о Володе из ФСБ, с одним пистолетом охранявшим калужских строителей, моих земляков. И я благодарен ему и кланяюсь памяти о нём.

Первомайск и окрестности у нас в Калужской области называют 27-м муниципалитетом. Так оно и есть. Конвои с гуманитарными грузами, стройматериалами идут сюда сплошным потоком. Из Бабынина и Воротынска, из Думиничей и Кондрова, из Сухиничей и Мосальска. Вахтовым методом работают здесь специалисты — электрики, штукатуры и плиточники, сантехники, мастера-строители. В этот приезд снова встретились с руководителем одной из бригад Курбаном Ахмедовым, восстановившем в Первомайске много зданий и объектов, в том числе православную церковь.

При администрации постоянно находится представитель Калужской области. Сейчас — Сергей Евгеньевич Барышев. Человек с боевым опытом. Воевал в знаменитой «Пятнашке»

Ахры Ардзинбы. Я поговорил с ним и понял, что по напряжению и ответственности новое место службы ничуть не уступает «Пятнашке». Возможно, здесь и есть некоторое преувеличение. Но небольшое.

Виктор Гарбар рассказал, что кроме земельных и прочих дел, приходится заниматься вывозом и размещением в Первомайске, более или менее спокойном тыловом городке, беженцев. Из Соледара, когда там шли бои, в Первомайск вывезли более четырёх с половиной тысяч человек. Целый город вроде нашего Мосальска и побольше Мещовска. Теперь вывозят из Часова Яра.

— Из Часова Яра вывезли больше ста человек. Троих детей рождения 2010-го, 2012-го и 2018-го годов. Сидели с родителями в подвале. Солдаты привезли. Освобождают кварталы и тут же местных эвакуируют. Размещаем. Кормим. Обеспечиваем медицинским уходом.

Волков во время нашей беседы вышел из кабинета — зазвонил его телефон. Командировка командировкой, а из Ферзикова звонят постоянно. Волков отдаёт распоряжения, некоторые вопросы оставляет до своего возвращения.

Гарбар кивнул на дверь и, меняя тему разговора, сказал коротко:

— Столько, сколько привёз Волков, не привёз никто.

Я снова вспомнил его, Волкова, фразу: «Где ребята мои находятся, я везде побывал». И ещё одну: «Самое страшное, с чем пришлось столкнуться, несправедливость». Вторая фраза вызвала из памяти десантника Игоря с его «буханкой», хамски отнятой командиром соседней роты (не хочу называть его офицером).

Саша, когда ехали назад, и уже впереди виднелись огни приближавшейся Тулы, сказал, что Игорь сейчас живёт в Туле, работает инструктором в одном из подразделений Тульской воздушно-десантной дивизии. Женился. Я обрадовался: хорошо, что вернулся, что живой. Это было неожиданной новостью. Вспомнилось, как он возил нас по Попасной, как встречались в Стаханове, как консультировал он нас, «стариков», на стрельбище под Первомайском, взяв в руки снайперскую винтовку. Ему-то она была привычной — до того, как был переведён в группу операторов дронов, он воевал в разведке снайпером.

В этот раз в нашем конвое был особенный груз — из Тарусы на трейлере привезли внедорожник «УАЗ». Эту незаменимую на украинской войне машину с небольшим пробегом

подарил Муаед Хасенович Унашхотлов. В Тарусском районе его зовут Хасанычем.

Глава администрации Тарусского района Михаил Голубев, провожая нас в поездку, строго-настрого напутствовал, чтобы передали внедорожник из рук в руки «Доброму», в тяжёлый гаубичный дивизион. Сам Голубев поехать не смог — свалился с высокой температурой. Волков, вручавший заместителю по тылу артдивизиона подарок Хасаныча, отправил своему коллеге отчётные фотографии.

Несколько транспортных средств, отправленных артиллеристам из Тарусы и Ферзикова, сгорели на передовой. На линии боевого соприкосновения горит всё: и машины, и люди.

— Дальше Первомайска, — сразу предупредил «Добрый», — в этот раз я вас не повезу. Даже туда, где были в прошлый раз.

В прошлый раз — это в Новоивановку. «Добрый» рассказал, что туда по полевым дорогам сейчас не прорваться — дроны летают, как оводы в жару, плотно, нагло. И *в прошлый раз* по самому опасному участку — от последнего блок-поста до Новоивановки, где водитель-десантник выжимал из «Патриота» всё, что возможно, чтобы избежать атаки дрона, на обочинах и в кюветах валялись обгоревшие остовы машин, и их было немало. Так что с «Бекасом» повидаться не удалось. Медленно, медленно продвигаются наши войска на запад. Мысленно переношусь в 1943 год, в историю Донбасской наступательной операции лета-осени 1943 года: тогда войскам наших южных фронтов понадобилось чуть больше месяца, чтобы выбросить немцев из Донецкого бассейна за Днепр и дальше. Но стоит мне об этом упомянуть в разговорах, тут же следуют возражения: мол, незачем сравнивать ту войну с нынешней. Да я и сам знаю, что незачем. Нынешнюю и войной не хотят называть — специальная операция... А какая, к чёрту операция, когда воюем уже больше трёх лет и каждый день — убитые и раненые с обеих сторон? Когда один поток — добровольцев — уходит на запад, а оттуда, другой поток — гробов и калек — растекается по всей России, по среднерусским деревням и городкам, в Якутию и Бурятию, в казачьи станицы и сёла, в Дагестан и Поволжье.

Обмолвившись о медленном продвижении и тяжёлом ходе освобождении Новороссии, ни в коем случае не желаю бросить тень на наших солдат, дерущихся на линии боевого соприкосновения на всех участках русско-украинского фронта. Они делают всё, что могут, а порой и невозможное. Каждые день и ночь, выполняя задания командования, они при-

ближают победу. У командования же свои соображения. И первое: не загубить солдат — это чьи-то мужья, отцы, сыновья, внуки. Они — лучшая часть нашей большой русской родни. Под русскими подразумеваю всех: и татар, и башкир, и якутов, и бурят, и дагестанцев, чеченцев, и украинцев тоже, тех, кто не присягнул нацизму и бандеровщине, и, конечно же, русских — главную цементирующую и ударную силу батальонов, бригад, полков и других частей и подразделений воюющих фронтов, групп армий, боевых участков.

В администрации Первомайского округа (района) нам сказали, что принимают беженцев из Часова Яра. Что солдаты выводят детей, женщин и стариков из уцелевших подвалов и эвакуируют в относительно тихий тыловой город. А артиллеристы, стоящие на позициях западнее города, обмолвились, что ведут огонь из своих мощных гаубиц, перекидывая через Часов Яр. Штурмы́ почти каждый день докладывают о новых и новых занятых населённых пунктах. Тяжёлые снаряды нашей артиллерии и планирующие бомбы не оставляют от зданий даже фундаментов. Иным способом опорники укронацистов не взять. Значит, так тому и быть.

На этот раз дороги были запружены военной техникой. В основном транспортом. Небольшие колонны по три-пять «Уралов» и «КамАзов», кузова плотно задёрнуты камуфлированными тентами. Одиночные грузовики, гружёные чем-то необходимым войне. Сосредоточенные лица водителей. Рядом с водителями — офицеры. Видимо, грузы важные. Атмосфера была такой, словно где-то на западе и северо-западе готовилось или уже велось крупное наступление. На самом деле так оно и было.

Курское приграничье. Суджанский район. Тогда, наблюдая оживлённое движение наших войск на дорогах Луганщины, мы ещё не знали, что вот-вот начнётся наше наступление с целью ликвидации плацдарма, захваченного ВСУ в Курской области.

Наблюдая за дорогами, можно понять многое. Но концы связываются обычно задним числом: «Вот куда спешили эти колонны...»

Суджа. Шестнадцатикилометровая газовая труба. Вторая за эту войну. Первая (в Авдеевке) была значительно короче. Бойцы шутят: дескать помоемся, отдохнём и пойдём искать следующую, которая привела бы нас в Киев...

Из разговора с солдатами я вынес, что общего (объединяющего) смысла в войне они не видят. Но у каждого есть *свой*

смысл. Не хватает в войсках политработников, политруков, которые, подготовленные, начитанные, могли бы вложить в головы солдат уверенность в том, что воюют они не за сверхприбыли олигархов (что порой влетает в их головы через интернет), а всё же, по большому-то счёту, за Родину. Правда, тут надо начинать разбираться с самых азов. Солдат должен понимать, что такое Родина. Заполнить ею сердце воина, чтобы в нём и места не осталось для сомнения и того, что на войне идёт вслед за сомнением — малодушия. И **что** в данный момент — она, Родина, хочет от солдата.

Солдат на передке должен быть одет, обут, сыт и с сухими ногами. Среди личного состава много пожилых, наверняка с хроническими болезнями. О них бойцы зачастую и не знают, так как давно не обследовались. Такая, к сожалению, теперь у нас медицина. Обязательные и регулярные амбулаторные обследования населения, к сожалению, остались в прошлом, в СССР.

Пристально всматриваюсь в лица офицеров, в их манеру разговаривать, в то, как они носят форму, как она сидит на них. Начищена ли обувь. Побриты или в двух-трёхдневной щетине? Чем нынешние офицеры отличаются от офицеров советских, образца 60-х — 70-х годов? И от офицеров 40-х и 50-х? Вспоминаю свою Пятую роту (Чукотка, мыс Шмидта — о. Врангеля), ребят, сержантов и, конечно же, офицеров.

Но это было давно. И мои солдатские годы тоже ушли. Дважды ходил в военкомат, убеждал, уговаривал, что, мол, такого сержанта и военкора им не найти среди молодых. Нет, старый... Работница военкомата в последний мой приход с искренним сочувствием сказала: «Вы, Сергей Егорович, бегать не сможете». Это так, бегать, как в двадцать и даже в пятьдесят лет, не смогу. С другой стороны, думал я тогда и о чём сказал в военкомате: зачем мне бегать? Отрою окоп, устроюсь в нём и, если патронов будет вволю... Но война-то уже другая. Так что правы были они.

Нынешние солдаты на моих сослуживцев образца начала 70-х годов прошлого века, конечно же, не похожи. И форма, и распорядок дня, и даже осанка — всё другое. Но есть среди них старые солдаты, которые ещё носили погоны с литерами «СА».

В Советской Армии мы служили вместе с украинцами. В учебке командиром отделения у меня был старший сержант Шидловский — из Западной Украины. Умный, порядочный, справедливый. Да что теперь об этом вздыхать... Разрушили Союз, с кровью разрушали, рвали по живому, как волки уто-

мившуюся лосиху. И теперь собирать, пусть уже и не Союз, а Россию, свои земли, впопыхах разбросанные по соседям, нужно с кровью.

А ведь будет ещё и осмысление этой войны, во многом нам ещё непонятной. Настанет и это время. Пора пристального и глубокого взгляда. Время обобщений. Пора споров, драк, и хорошо, если только виртуальных, в эфире, в сети, на страницах журналов. Начнут появляться художественные произведения, повести, романы, которые с новой силой, спрессованной молчаливой памятью поколения, напомнят о трудных днях в окопах, о павших товарищах. И снова протрубит глас такого же, как Виктор Петрович Астафьев, писателя: а за что они погибли? Спросится и с тех, кто благополучно, под разными предлогами, отсиделся в тылу, занимаясь своими семейными делами, бизнесом, карьерой. Тогда, в прошлом веке, о Ташкентском фронте заговорил в романе «Тля» писатель Иван Шевцов. Темы этой касались и другие прозаики из поколения «лейтенантской прозы» — Вячеслав Кондратьев, Юрий Бондарев, Григорий Бакланов. Но тогда, в эпоху довольно жёсткой идеологической узды, волю этой теме не давали. Ивана Шевцова сразу начала долбать критика. Намекнули и «лейтенантам». Теперь же «Ташкент» повторился почти один в один волной «испугавшихся патриотов» призывного возраста в Казахстан, Грузию, Армению, Турцию и другие страны, зачастую недружественные России. Об этом тоже напишут. Все получат по делам их.

Эта пора придёт. Её не отложишь, не погасишь. Как показывает наше время и состояние дел в СМИ и информационном пространстве, у власти на это сил нет. А книги и серьёзные публикации о нынешней войне уже появляются. Появляются спонтанно.

Сейчас солдаты воюют. Они там, в окопах. Штурмуют опорники, жгут солнцепёками и «умными» снарядами натовскую боевую технику, сметают, смешивают с местным чернозёмом наёмников. Русскому солдату (будь он уроженец рязанской или Вологодской земли, дагестанец или якут) нет времени заниматься чем-то другим, сейчас для них второстепенным и почти посторонним. Но завтра они придут домой. И волна пережитого накроет их. Вернётся то, что удалось подавить в себе перед очередным выходом на ротацию. Все страхи, все сомнения, вся усталость.

Если победим — а мы в большинстве верим в победу и из последних сил поддерживаем нашу армию, каждого солдата на фронте — так вот, если победим, то задумаемся — как победили? Какой ценой? Если же что-то пойдёт не так, то —

почему так произошло? Всё, до мельчайших деталей и частных поступков и локальных событий будет проанализировано. В романах, в стихотворениях, в публицистике, в блогах, на страницах журналов, газет и в социальных сетях.

Усталость накапливается. Усталость, как сила переменная, имеет такую особенность. Человеческая психика, как ртуть в измерительном приборе, подходит к критической точке. И неминуемо наступает миг, когда организм, до этого работавший без сбоев, взрывается реакцией, неожиданной даже для самого его носителя и, самое опасное, непредсказуемой. Что станет триггером взрыва, тоже неизвестно.

Однажды зашёл разговор о «пятисотых». «Пятисотыми» на фронте называют «отказников».

— Вчера один из сержантов заявил, что в бой больше не пойдёт. Хороший сержант. Спокойный, надёжный. Но, видимо, что-то в нём сломалось. Работало, работало и — всё, подломилось. Швырнул на бруствер «броник», каску. А после, когда пошли их танки... Хохлы поняли, что нас мало, начали разбирать наш опорник огнём из танков прямой наводкой. И мой сержант, которого я уже числил «пятисотым», лёг за ПТУР и сжёг два их танка из трёх. Третий ушёл по балке назад, к лесополке, откуда они и начинали атаку. А сержант до самого вечера лежал возле ПТУРа, ждал третьего. Но тот не высунулся. Даже с закрытой позиции ни разу не пальнул. Это рассказ одного из командиров.

Есть и другие примеры, к сожалению, в противоположность рассказанному. Там, в Луганске мне рассказали, что в последнее время, особенно после того, как президент объявил о начале акции «Время героев», в ближнем тылу появилось много «героев», желающих устроиться вроде бы в действующих частях, но подальше от «серой зоны», от мест, где стреляют. Они получают соответствующие документы, затем иногда досрочно прерывают контракт, возвращаются с этими документами на гражданку и устраиваются на должности, соответствующие их новому, фронтовому статусу, согласно акции, объявленной президентом.

Не путать с настоящими героями, которые сейчас назначаются на различные должности в тылу.

106-я Тульская дивизия ВДВ дралась в Попасной, и один из её полков потом долго стоял в городе, вернее, в его развалинах, занимая первые уцелевшие этажи и подвальные помещения. Оказывается, это их БМД мы видели на расчищенных улицах Попасной. Они проносились мимо, азартно лязгая гусеницами; их лихо заносило на поворотах, и, казалось, они едва не налетали на углы домов и окрестные дере-

вья. А наш водитель сержант, из-под камуфляжной куртки которого тоже сияла голубая застиранная тельняшка, пояснил:

— Медленно ездить тут нельзя. — С опаской посмотрел в небо. — Дроны постоянно висят в воздухе.

О чём думают солдаты на войне? О доме. О жёнах и детях. О матерях и отцах. Хотя об этом не принято говорить. Не делятся об этом даже близким товарищам. Не принято. Есть дурная примета... Думают ли о Родине? Понятие Родины огромно: оно вмещает и родину как место рождения, ту часть земли, где привелось родиться — городок где-нибудь на Оке или Тоболе, улицу большого города или маленькую глухую деревеньку в енисейской тайге или подмосковных полях. И вот эта деревенька вместе с семьёй, любимой женой и дочуркой, с берёзою под окнами дома и шумом дождя в саду и есть Родина, большая Россия. Как же о ней не думать?

Морские пехотинцы из 810-й бригады Черноморского флота во время штурма опорного пункта северо-западной части Плёхова, что южнее Суджи в Курской области, взяли в плен иностранного наёмника, подданного Британского королевства Джеймса Андерсона. Этот «дикий гусь» воевал в составе «Иностранного легиона». Андерсон ранее служил в британской армии связистом. После увольнения завербовался в ВСУ, как он признался во время допроса, чтобы заработать денег. Попал сюда через Польшу, где прошёл подготовку. Англичанин оказался среди полутора десятков украинских пленных. Надо заметить, что англичане хоть и интриговали против нас на протяжении многих и многих десятилетий, но в последний раз заходили на нашу землю с оружием в руках во второй половине XIX века во время Крымской войны.

Сообщение об этом я прочитал в соцсетях. В комментариях, которые тут же посыпались из разных концов России, в основном писали о том, чтобы наёмников в плен наши бойцы не брали. Видимо, помня, как год назад по обмену на ту сторону отдали наёмника из Латинской Америки, который спустя некоторое время вновь отметился в Донбассе в составе действующих частей ВСУ.

Что-то я не знаю таких эпизодов, когда бы наши олигархи привезли нашим бойцам, к примеру, колонну автомашин, пусть даже небольшую, танк, самолёт, зенитный комплекс. Как певица Лидия Русланова во время Великой Отечественной войны привозила 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу построенные на её средства реактивные установки «Катюша», как простые деревенские жители построили це-

лую эскадрилью боевых самолётов, назвали её «Мещовский колхозник» и передали в действующую авиадивизию. Всё это в прошлом. Однако экономика страны теперь сформирована по капиталистическому образцу, и основная прибыль от производства даже военных заказов идёт в карманы олигархов.

В Тарусе работает оружейное производство «Lobaev Arms». Зимой 2025 года у меня состоялась встреча с главным конструктором предприятия Владиславом Лобаевым. Вот фрагменты беседы с ним.

— Предприятие изготовило для наших бойцов две с половиной тысячи высокоточных винтовок. Две с половиной тысячи — это немало. При условии, что они будут в руках опытных и хорошо обученных снайперов, такое количество вполне может повлиять на ход боевых действий. Эпоха СВД прошла. Хотя винтовка хорошая и ещё поживёт. Винтовка — это половина дела. Снайпера надо готовить. А это куда сложнее, чем готовить штурмовиков. Какое место занимает в подразделении снайпер, во многом зависит от конкретного командира. Если командир чётко видит его место, успех в его работе не замедлит сказаться. Снайпер должен уметь работать в группе, управлять ею. Выбрать позицию. Обнаружить цель. Идентифицировать её. В группе есть оператор БПЛА. Работы много, и одному её выполнить быстро просто невозможно. С Минобороны у нас контракт. СВД своё верно и добросовестно отслужила. Она хороша была в 60-е годы. Сейчас другие дистанции. А значит, другие боеприпасы с гораздо более мощной энергетикой. Другая оптика. Наши винтовки — совершенно другое оружие. Нужна школа снайперов, и мы её уже создали. Работаем. После СВД снайперов нужно ломать, переучивать. Для работы с больших дистанций снайперы должны овладеть совершенно иными навыками. В мире довольно хорошо развито производство снайперского оружия. Великолепные винтовки делают в Америке, в Канаде и Англии, в Финляндии. Но объективно наше оружие на мировом рынке самое лучшее. Уникальные характеристики. Штучную винтовку с такими характеристиками сделать несложно. Но как только начинается серия, тут и полезли проблемы. Брак при серийном производстве может быть где угодно. Все детали и узлы винтовки — простые и сложные одновременно. Ствол, спусковой механизм... Боеприпас. Он влияет на кучность. Вся цепочка должна работать на конечный результат: винтовка — патрон — прицел — стрелок. Три технических фактора и один человеческий — стрелок. Стрелка

надо готовить, учить. Иначе весь комплекс летит к чёрту. Модельный ряд такой: «Возмездие», «Севастополь», «Опустошитель». Все дальнобойные. Война диктует и ставит новые и новые задачи. Вначале цели были до одного километра, потом — до полутора, теперь надо стрелять на два километра и дальше. У снайперов сейчас основная задача — добраться до позиции. Дроны постоянно висят в небе. Если обнаружили — добьют. Поэтому надо добраться скрытно. Потом, после выстрела и выполнения задачи — так же незаметно выйти.

Каждое утро миллионы наших сограждан просыпаются с мыслью о том, а как там, на Луганщине, в западных районах Донецкой области, под Херсоном и на Курщине, где ещё идут кровопролитные бои. А каково матерям и отцам, чьи сыновья ползают по лесополкам, забрасывают ручными гранатами окопы и блиндажи, где затаились на глубине потомки бандеровцев. И как переживают свою утрату жёны пропавших без вести? Что они говорят своим детям, которые спрашивают, скоро ли вернётся домой папка?..

Каждый день приносит известия о беспримерном мужестве наших бойцов: штурмовиков, лётчиков, танкистов, артиллеристов. О многих подвигах мы пока еще не знаем. Правда войны будет открываться постепенно.

г. Таруса Калужской обл.

Михаил СМИРНОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

РАССКАЗ

Время пришло, некуда стало торопиться. Молодость пролетела, когда хотелось самого себя перегнать и всегда быть с флагом впереди. Торопился жить, старался все дела переделать, которых всегда было непочатый край, всё хотел обнять необъятное, но прошли годы и настал момент, когда оглянулся и глазам не поверил, что жизнь-то проходит, а он не заметил её, не познал — эту самую жизнь, потому что кроме работы, ничего не видел. И захотелось повернуть время вспять, но не для того, чтобы снова пропадать на работе, не замечая ничего вокруг, а вернуться и хотя бы всего лишь немного, всего какое-то мгновение пожить другой жизнью, испытать, что это такое...

А сейчас, когда наступала поздняя осень и, казалось бы, вот-вот сыпанет снег, Петр Акимов отправлялся в забытую Богом деревушку, от которой осталось всего ничего дворов. Несмотря на непогодь, уходил к речке Ветвянке. Усаживался возле костра, смотрел на серую застывшую воду, низкие облака, слушал шорох осенней мороси и вспоминал прошлое, пере-

бирал жизнь, пытаясь разложить её по полочкам, и понимал, что кроме работы и учебы, ему вспомнить не о чем, потому что ничего другого он не видел, в чем и винил себя. Сидел и вспоминал далекое прошлое, когда еще были живы родители и себя — молодого и задорного, с красным дипломом в руках, а перед ним был необъятный мир, и хотелось раскинуть руки и закричать радостно и восторженно и казалось, что впереди долгая и нескончаемая жизнь, в которой он всего сможет добиться. Да, многого добился, но еще больше мимо него не прошло, а промелькнуло, а он даже не заметил.

А еще он приезжал сюда, чтобы заглянуть в свою душу и подумать, а может, встретиться с одиночеством или себя найти в одиночестве, не которое сопровождало его всю жизнь, а другое одиночество. Даже оно бывает разным. В городе одиночество суматошливое, как сама городская жизнь. Вроде люди спешат, каждый торопится по своим делам, и ты вслед за ними бежишь, чтобы не отстать, но лучше перегнать и быть с флагом впереди. Вроде все вместе, все рядышком и поддерживают друг друга, а присмотришься, каждый шагает своей дорогой. И получается, вокруг много людей, но каждый шагает со своим суетным одиночеством. А здесь, в этой Васильевке, где жителей-то осталось на несколько холмиков на погосте, как сказал один старик, тоже чувствуешь себя одиноким, но здесь другое оно, более близкое для его души, а потому — желанное. Оказывается, его не нужно искать. Достаточно приостановиться, прислушаться и понять себя, осмотреться и заглянуть в свою душу и почувствуешь, что одиночество вокруг и внутри тебя — тихое и благостное, светлое и задумчивое, как природа поздней осенью. И мысли такие же неторопливые и спокойные, теплые и чистые, несмотря на осеннюю непогодь...

Каждый год Петр Акимов приезжал поздней осенью в Васильевку, от которой осталось-то дворов десять, а может, пятнадцать, но и те разбросаны друг от друга, что не докричишься. Он приезжал сюда, чтобы заселиться в крайнюю избу, стоявшую подле березового колка, что был, чуть ли не на берегу извилистой речки Ветвянки. Березы не любят большую воду, сторонятся ее, а эти прижились, но стволы у них изогнутые и корявые, а кора не светлая, как у всех берез, а черная и рыхлая, разотри между пальцами и посыпется словно песок, а некоторые березки уже валялись на земле, может, бурей выворотило, но скорее всего от старости. У каждого дерева, как и человека, свой век, и каким он будет — этого никто не знает, тем более — ни люди, ни деревья...

Приезжая сюда, Петр Акимов бродил по округе, но чаще уходил в березовый колок, что был возле речки. Под вывороченным комлем, в своем убежище разводил маленький костер, а хвороста было предостаточно. Осенняя морось сеет весь день, скрывая округу в туманной дымке. Присядешь возле костра — тепло от него, и ты со своими думами и светлым печальным одиночеством...

Много лет прошло с той поры, когда он перестал ездить в осточертевшие санатории и дома отдыха, куда каждый год выделяли путевку. Если присмотреться, везде одинаково — как отдых, так и лечение. Казалось, даже соседи попадали все на одно лицо. С утра и до позднего вечера одни разговоры про работу, кучи неизлечимых диагнозов, от которых умереть легче лёгкого, а уж инвалидом стать и того проще, но все они — эти соседи, сразу становились здоровыми при виде бутылки на столе, а Дон Жуанами были почти все, если не на деле, так на словах...

Казалось, всё должно быть наоборот, чем старше становишься, тем больше хочется комфортной жизни. Хочется отдохнуть, чтобы за тобой поухаживали и позаботились. Прогулки по аллейкам парка. Долгие беседы ни о чем с новыми знакомыми. Ну и постараться показать себя бравым кавалером, когда делали вечера отдыха в санатории или на курорте. И от вкусненького не откажешься, что уж скрывать-то, но именно это и стало надоедать Акимову. И чем старше становился, тем меньше манили санатории и курорты, а хотелось непонятно чего, а чего и сам не знал. Всякий раз одолевало беспокойство, когда отправлялся в очередной отпуск, где ждала спокойная и ничего не делающая жизнь. Душа была не на месте, а объяснить себе, понять свою душу — он не мог. Сказать, что пресытился курортами — наверное, нет. Всё же раз в год ездил. Так и в этот раз получилось. Отпуск был на носу и нужно решать, куда отправиться — в санаторий, где можно подлечиться или на курорт, чтобы отдохнуть и позагорать возле моря. Конечно, можно было еще на турбазу уехать или пойти с группой в поход, но опять-таки чего-то не хватало ему в этой современной сегодняшней романтике, где всё было расписано до мелочей. И ему всё чаще хотелось одиночества. Забиться бы в какую-нибудь щель, чтобы никого не видеть и не слышать, чтобы и тебя не тревожили, и остаться наедине со своими беспокойными мыслями и своим уже привычным одиночеством...

В один из дней, вернувшись с работы, Петр Акимов присел на лавочку возле подъезда. Достал сигареты. Закурил. Рядом пристроился сосед. Разговор ни о чем. Односложные

вопросы и такие же ответы. И тут Акимов посетовал, что отправляют в отпуск, а ему, ох, как не хочется тащиться на курорт. Вообще, ничего не хочется, всё до такой степени обрыдло, что одно желание — закрыть бы глаза и чтобы никого не видеть и не слышать. Сосед рассмеялся.

— А что тут голову ломать, — хохотнул он. — Ты ж, Петро, в своих санаториях и курортах уж который год по замкнутому кругу ходишь. Вроде отдыхал, а вернешься домой, и словно никакого отдыха не было да и вспомнить нечего — это главное. Ну о чем можно вспоминать, проторчав целый месяц в санатории? Завтрак, обед, тихий час, полдник и ужин, вечерний променад по территории санатория, вечер отдыха непонятно от чего, редкий раз походы в магазин, где бутылку возьмешь и с соседями по палате выпьешь, на ночь глядя, а еще с какой-нибудь бабешкой на лавочке поворкуешь или по той же аллейке пройдешься, и всё на этом. Ты, Петро, взял бы и бросил эти курорты, и отправился, куда глаза глядят. Ткнул пальцем в карту, собрал манатки — и уматывай на поезде или самолете. А там найдешь, где остановиться. И чем дальше в глушь заберешься, тем лучше, как для организма, так и для твоей души. Сразу все болезни пройдут.

— И куда ехать прикажешь? — с насмешкой сказал Акимов. — Страна преогромная! Попаду на Северный полюс, и я должен ехать, чтобы задницу морозить. Ну ничего себе — отпуск называется!

— Вот-вот, о чем и говорю! — ткнув пальцем в небо, сказал сосед. — Ткнул и поехал. Страна огромная, а глухих мест еще больше, где живут настоящей жизнью, а не той, которая перед глазами проходит. Мы привыкли к городам, к цивилизации, спать на белых простынях, с вилки-ложки кушать, а ты наоборот, уезжай от нее — этой цивильной жизни, забейся в глухомань и попробуй прожить свой отпуск, как тамошние люди живут. Сам же говоришь, что тебе нравится одиночество и тишина, но самое главное — твоя душа обретет покой. Я знаю, что говорю. На себе испытал...

Сказал, но не стал объяснять. И понимай его, как хочешь.

Акимову не то, что нравилось одиночество, он просто-напросто привык к нему. Можно в толпе быть одиноким. Да, так и есть. Всю жизнь его сопровождает это одиночество. Наверное, сам виноват. Молодой. Планов громадьё. Хотел весь мир перевернуть. Казалось, в нем столько силы и энергии, что будет жить вечно. И планы были далеко идущие, но почему-то женитьба в них находилась на последнем месте. Сначала великие дела, а потом, как в песне

поется: «Первым делом самолеты, ну а девушки потом». Так и получалось в жизни. Сверстники гуляли, веселились, за девушками ухаживали, а приходило время, обзаводились семьями, а вскоре ребятишки рождались. И они были счастливы. Акимову этого было мало. У него на первом месте учеба и работа — это и было его счастье, где он готов был дневать и ночевать, а в свободное время сидел с книгами.

Знакомые посмеивались, что он женился на работе или работа женила на себе. Нет, правда, он встречался с девчонками, но всегда недолго. Бросали его. Скучным казался. Правильно, вместо того, чтобы звездами любоваться при луне, стихи читать и про любовь говорить и целоваться, он про свою работу рассказывал, про станки и завод, где работал. И так увлеченно говорил, что забывал, что рядом девушка идет, которая ждет, чтобы ей ласковые слова говорили, под руку взяли, а то и обняли, а он идет и размахивает ручищами, словно с трибуны речь говорит про огромные станки, которые привезли на завод, и он с бригадой занимался установкой и подключением. И вот теперь с этими станками они смогут добиться небывалых результатов. Добивались, но в работе, а с девушками... Ни одна из них больше двух свиданий не выдерживала. Время шло. Акимов всё больше и больше уходил с головой в работу и всё реже встречался с девчонками, а про женитьбу как-то стал забывать, потому что и без нее забот полон рот. И получилось так, что он вообще махнул на себя рукой. И не только на себя, но и на свою семейную жизнь, потому что были дела куда поважнее, как он считал. Видать, судьба такая — быть холостяком, решил он. И с той поры больше не думал о семье...

Петр Акимов досадливо отмахнулся от соседа с его советом, а потом задумался. Конечно же, легче отправиться проторенной дорожкой — это поездка в санаторий или на курорт, где живешь на всём готовом. Приехал и почти весь отпуск провел, отдыхая непонятно от чего. Готовить не нужно, трижды в день кормят. Стирать тоже не надо и полы вымоют и пыль протрут. Экскурсии, вечера отдыха, всякие викторины и еще много развлекательно-полезных мероприятий проводили для отдыхающих. Вроде бы всё хорошо, живи и радуйся, но с каждым годом чего-то стало не хватать. Первое время, заметив свое недовольство, посмеивался над этим. Говорил, чем старше становишься, тем характер вреднее. А потом всё чаще и чаще ловил себя на мысли, что и правда, осточертели санатории, надоел город с его суетой и людскими реками, что текли денно и нощно по улицам, и казалось,

конца и края им не будет. Глаза бы не смотрели на всё, что его окружает и хотелось всего лишь одного — забиться подальше и чтобы его никто не трогал, никто не беспокоил. Но в то же время, если следовать совету соседа, он не мог представить себе, что собрав сумку, помчится в неведомую даль, как в песне поется. А для чего помчится — за туманом и за запахом тайги? Да вроде бы уж возраст не тот, чтобы ехать за романтикой в дали дальние. Он и в молодости не был романтиком. Все мечтали, куда-то уезжали или приезжали, а он вцепился в этот завод, где работал, и больше ему ничего не нужно было. Вся его романтика — завод и любимая работа. Он готов был дневать и ночевать на заводе. А теперь глаза бы ни на что не смотрели. Видать, старею, как он сказал...

И всё же Акимов решился, прислушавшись к словам соседа. Отмахнулся от путевки. Оформил отпуск, получил отпускные, взял билет на поезд дальнего следования, чтобы в любой момент можно было сойти, если понравится место, или дальше ехать, пока не упрешься в конечную станцию, а там, хоть оставайся или обратно езжай. Петр отдал ключи соседям, чтобы присмотрели за чахлой геранькой да и вообще присмотрели, вдруг кран потечет или труба прохудится.

— Петро, а ты куда собрался?

— Куда глаза глядят, — буркнул Акимов любопытной соседке. Собрал сумку и уехал, а куда — этого никому не говорил, потому что сам не знал. И, правда, куда глаза глядят...

Он забрался в такую глухомань, сам испугался, что отсюда в осеннюю слякоть не выберется. Деревушка всего ничего — это он разглядел, когда его на попутке добросили до поворота, ткнули на едва заметную заросшую дорогу и сказали, что там твоя Васильевка с Колиными березками. Шофер хохотнул и уехал...

Он остался на обочине. Осмотрелся. Пожухлая трава, там и сям видны березки с редкой листвой, чуть посильнее задует осенний промозглый ветер — и она слетит. Небо стало низким, по которому не мчались, а едва ползли толстые неповоротливые тучи. Вроде в городе не замечаешь этого, потому что торопишься, и времени не найдется, чтобы поднять голову и посмотреть вверх, а тут сразу же небо бросилось в глаза. Казалось, ткни в тучу и дождь ливанет. Акимов поежился, взглянув на них и прислушиваясь к резким знобящим порывам осеннего ветра.

Правда, в душе не раз пожалел, что он согласился на эту авантюру, как он считал, помчаться куда-то вдаль и неизвестно для чего. Сейчас бы лежал в просторной палате, поплевывал в потолок, три раза сходил бы в столовую, наелся, что

душа пожелает, а мало, можно на рынок зайти, в кафе посидеть или в магазине что-нибудь купить. Не жизнь, а малина, потому что ни о чем не нужно заботиться, за тебя думают другие, но вместо этого ничегонеделания, он очутился за тридевять земель неподалеку от деревни Васильевки с березовыми колками.

Вот эти светлые названия и увиденные березки, когда он вышел на глухой станции, соблазнили его, а может, сам соблазнился, когда перед ним в позднюю унылую осеннюю пору замелькали стайки светлых березок, а кто-то из пассажиров сказал, что неподалеку есть деревушка Васильевка, а еще ее называют Колины березки, и рассказали историю, как один чудаковатый житель много лет высаживал березки в деревне, и они принялись, а вскоре вся округа покрылась березами. И он не удержался. Вышел на глухой станции. Чуть ли не полдня просидел, ожидая попутку, а увидел ее — обрадовался. А потом узнал от водителя, что еще здесь есть речка Ветвянка. Глянешь на нее, а она вся кустами заросла. Видать, от этого и название пошло. И Акимов окончательно решил, что пора ставить точку в своем путешествии...

Петр Акимов проводил взглядом грузовую машину, потом подхватил сумку и поднялся на вершину пологого холма, откуда была видна деревушка. И правда, повсюду растут березы. Всякие! Невысокая березовая поросль, словно молоденькие девчушки разбежались в разные стороны, а там старые березы видны, косы до земли опустили, а под ними вся земля золотом березовым усыпана. Акимов закрутил головой. Показалось, даже воздух пропах березовыми листьями, а еще лучше сказать — банным духом потянуло. Дома там и сям виднелись и возле каждого дома по две, а то и три-четыре березы растут. Он где-то слышал, что в березу молния не попадает. Наверное, так и есть. Один из жителей повсюду насадил берез, а, наверное, и сами по себе разрослись за долгие годы. Может, когда-нибудь и были улицы в деревне, а сейчас — нет. Двор от двора — не докричишься, а между ними повсюду березки хороводы водят. Наверное, поэтому и деревню назвали Колиными березками, а на деле-то она — Васильевка...

А там речка видна. Вроде неширокая, но извилистая — это заметно по кустам, росшим по берегам. На другой стороне лес растет, мрачный ельник в основном, поэтому удивительно было смотреть на светлые березы, что разрослись на этом берегу, как бы разделяя округу на темную и светлую. Акимов присел на холме. Прислушался. Васильевка словно вымерла, но у каждого человека своё время в этой жизни, одни умер-

ли, а другие живут. Вот и водитель сказал, что в ней еще есть жители. А потом заметил собаку, что неторопливо протрусила в сторону приземистого дома. Гавкнула. Ей вторила другая собака. И тут же разорался петух, а следом еще один. И всё. Видать, всего лишь два петуха на всю деревню. А там мукнула корова. Кто-то еще держит кормилицу. Звякнуло ведро. Скрипнула калитка. Акимов обрадовался. Жива еще деревня, жива! И, подхватив сумку, направился к ближайшему дому...

Он подошел к забору и заглянул во двор. Тишина. Собачья будка стоит, а собаки не видно. Не было видно и хозяев. Двор заросший. Там и сям будылья крапивы и островками взъерошенный репейник. Забор с прорехами. По одну сторону небольшой садик, где яблоня виднеется, а на ней чудом сохранившиеся несколько желтоватых с красными боками яблок на самой верхушке. Видать, хозяева не дотянулись. Ждут, когда сами упадут. Недолго осталось ждать. Поздняя осень на дворе. Еще немного и снег полетит. Ну а останутся два яблока на вершинке, ударят морозы, и сморщатся они, потеряют свой яркий наряд. Так и будут висеть, пока птицы не склюют или ветром не собьет. А сейчас — яркие пятнышки на фоне поздней осени и тяжелых темно-серых облаков...

— Что надоть? — неожиданно раздался скрипучий невнятный голос, и Петр Акимов вздрогнул, оглянулся и увидел перед собой невысокого сутулого старичка в фуфайке, из-под которой виднелась рубаха, заправленная в штаны, а на ногах были галоши. Он стоял, хмуро смотрел на незнакомца, держа в руках банку с молоком. — Что надоть, говорю?

— Это... — Акимов запнулся, не зная, с чего начать разговор. — Что хочу спросить... В деревне сдается дом, ну или комната недельки на две-три, но всё же лучше дом, чтобы мне никто не мешал. Я уплачу. У меня есть деньги. Если понравится в ваших краях, каждый год буду приезжать.

Сказал и замолчал, поглядывая на старика.

Старик удивленно вскинул брови. Приподнял фуражку и почесал голову. Опять натянул на глаза и из-под нее посмотрел на него. Впервые в этих краях появился странный чужак. Умный человек где-нить в городе комнату снял бы, ну, на крайний случай, в райцентре, до которого отсюда семь вёрст и всё лесом, а этот в самую что ни на есть глухомань забрался и просит дом, чтобы ему никто не мешал. Да здесь и так жителей осталось всего на несколько холмиков на мазарках и не успеешь оглянуться, как одно название останется от деревни. А этот стоит и просит, чтобы ему не мешали. Рады бы помешать, да некому. Правда, странный тип. Все к людям

поближе норовят, а этот от людей бежит, словно от проказы...

— А почему ты хочешь, чтобы тебе не мешали? — прищурившись, словно хотел заглянуть в душу, въедливо сказал старик. — Вроде на жулика не похож, а от людей хоронишься. Вроде всех знаю в округе, а тебя не помню. — Он снял фуражку, хлопнул ею по колену и снова натянул на глаза. — Может, что-нибудь натворил, вот и решил в глуши отсидеться? Так я сразу скажу прямо и бесповоротно, что в нашей Васильевке ничего не своруешь. У кого было мало-мальски ценное, те уж давно в город перебрались, а тут остались десяток-другой стариков да пара собак на привязи, и всё на этом. Лучше признайся, с какой целью решил поселиться в нашей деревне?

И снова с подозрением посмотрел на незнакомца.

— Как сказать... — Акимов снова запнулся, нахмурился, помолчал, потом мельком взглянул на окрестности Васильевки и, небывалое, — стал открывать душу перед совершенно незнакомым человеком, и это его не то что удивило, а както не по себе стало от своих откровений. — Дело в том, что я люблю одиночество. Нет, даже не то что люблю, а привык к нему. Половину жизни прожил, а до сих пор один. Ни семьи, ни детей — никого. Как-то не сложилась моя жизнь в этом отношении. Времени не было, чтобы за девчонками ухаживать, чтобы семью создавать. На своей работе женился. Люблю возиться с механизмами. Чем сложнее он, тем интереснее для меня. Готов был дневать и ночевать на работе. И ночевал, и пахал, как пчелка, а оглянулся и глазам не поверил, что жизнь-то моя на закат повернула, а я ничего, кроме своих чертежей и механизмов да ежегодного отдыха на курорте или в санатории, ничего в жизни не увидел. Жизнь проходит, а вспомнить нечего, кроме своих железок. И так зацепило меня, что хотелось завязать глаза и бежать, лишь бы никого и ничего не видеть. А может, хочу от себя убежать. Или наоборот, найти себя — не знаю... Поэтому оказался в глуши. А теперь собираюсь поселиться в заброшенном доме и побыть вдвоем с одиночеством или сам в одиночестве — не знаю...

Сказал, вздохнул и снова нахмурился.

— А что в заброшенной избе делать? — удивленно сказал старик. — Неровен час завалится, и не выберешься. Здесь есть одна хорошая изба, можно сказать. Марья Инчикова жила, а по весне, в аккурат на Паску, дочка к себе забрала. Хворает Марья. Одной тяжело жить. Вот дочка и забрала к себе. Всё пригляд будет. А у тебя наоборот получается. Все к людям рвутся, а ты от них, как чёрт от ладана. Чтой-то тут не то... — сказал старик и неопределенно покрутил в воздухе

рукой. — Ну да ладно, так и быть. Айда со мной. Сейчас сговоримся насчет избы, но с тебя причитается. Можешь меня дедом Евсеем звать, а тебя как кличут? А, Петр Иваныч... Значит, Петруха по нашему. И не забудь про угощение...

Он захекал, лицо еще сильнее покрылось морщинами, и звонко щелкнул по горлу. Натянул фуражку на глаза и, как был с банкой молока, так и заторопился по тропке, то и дело оглядываясь на Иваныча.

Так Петр Акимов оказался в Васильевке, а потом стал каждый год сюда ездить. Сам не понимал, что его тянет в эту глушь, в эту Васильевку или Колины березки, как привыкли называть. Чем ближе отпуск, тем сильнее изводил себя. Дни и недели считал, часы и минуты, а потом быстрее на поезд и уезжал, а для чего и сам не знал. Что-то такое было в здешних краях, какая-то сила магическая, чего не мог объяснить, словно душа рвалась сюда, а зачем — не знал... Бросал привычную городскую жизнь — эту развитую цивилизацию, где было всё и даже больше того, и приезжал в Васильевку, где часами мог бродить по округе или сидеть возле воды, смотреть на нее и низкие тяжелые облака, слушать осеннюю морось и думать...

Впервые попав в деревню, Акимов день-два присматривался. После города, где всё было знакомо до мелочей, где жизнь била ключом, где люди ходили в театры и музеи, где было всё, что душа пожелает, и оказаться в глухой деревне, где ничего не знаешь, в смысле деревенской жизни, — это тяжеловато, но выручал дед Евсей. И с продуктами пособил, и с печкой помог подружиться. Да и просто так заходил. На огонек, как он говорил. Бывало, допоздна засиживался. Присядет на продавленный диван или на табуретку, ладошки лодочкой сделает, сунет промеж колен, и о чем-нибудь рассказывает. Но большей частью про деревню говорил, про жителей и старую жизнь, когда народищу тут было, как листьев на березе, как он выразился. А потом, когда старик уходил, Акимов вспоминал его разговоры и понимал, что дед Евсей больше про саму жизнь рассказывал, как люди жили и о том, что было в деревне. Было и почти ничего не осталось.

— А сколько жителей в Васильевке? — как-то спросил Акимов.

— Да десятка на полтора мест на мазарках наберется, — сказал дед Евсей, взглянул в запыленное окно и замолчал. Плечики поникли, сам сгорбился, и со стороны казалось, что не старик перед ним, а совсем еще малец сидит, в чем-то провинившийся. — Архипку снесли на мазарки, Ефим ус-

нул и не поднялся, Шаргуновы друг за дружкой ушли, дед Назар за своей жинкой в тот же день отправился... Эх, милок, ежли всех перечислять, рук и ног не хватит, чтобы пальцы загибать. А вскоре и того меньше будет.

Акимов, несмотря на погоду, каждое утро поднимался, выпивал кружку чая, а потом собирался и уходил. А спроси, куда ты, зачем идешь, что или кто тебя гонит в такую непогодь, он бы не ответил. Наверное, искал свое одиночество, а может, нашел и вместе с ним неторопливо шагал вдоль извилистой речки Ветвянки, которая, то появлялась, то снова исчезала в кустах. Эта сторона, можно сказать, чистая, как бы в городе выразились. Большие поляны с пожухлой травой и редкими островками кустарника, но частыми и светлыми березовыми колками и, глядя на них, радовалась душа. А на другой стороне речушки стоит ельник. Густой ельник, непролазный. И оттуда, как казалось Петру, редкий раз ветром доносило грибной запах. Он не умел собирать грибы. А сейчас уже поздно учиться, и грибных учителей в деревне не осталось. И решил: лучше заняться рыбной ловлей, как бы совместив приятное времяпрепровождение с полезным. Тем более что речка под боком и березки, что облюбовал, тоже рядышком. Можно ушицу сварганить в своем убежище, заодно погреться возле костерка. Для ушицы вполне хватает небольшого костра. Своим убежищем называл большую яму от вывороченной бурей березы, там и обосновался. Частенько туда заглядывал, когда гулял по окрестностям, чтобы передохнуть или укрыться от нудной мороси, а то присядет на комелек, что лежал там, смотрит на бегучую воду и думает. А спроси — о чём думы твои, он даже ответить не сможет. Да обо всём. Вот сижу и жизнь свою перебираю, по полочкам раскладываю. А бывало, немного наловит мелочевки и возвращается домой, чтобы сковородку-другую пескариков да плотвичек нажарить, а если повезет и сосед угостит сметаной — у, какая радость, тогда нарежешь лук кольцами, поверх мелочевки положишь, сметаной зальешь, чуток потомишь, чтобы лук стал мягким и мелочевка пропиталась этим вкусом. Принюхаешься — у, как пахнет! И такая вкуснятина получится, язык проглотишь. Торопливо поставишь сковороду на стол, схватишь вилку или ложку, быстренько откромсаешь ломоть хлеба и за стол, а там...

Акимов невольно сглотнул, вспоминая жареных пескарей да верховок. Помнится, с отцом занимались рыбалкой. Никого не брали с собой. Не хотели, чтобы мешали. Уезжали на Соргины омута и там огромных лещей, сазанов да голавлей

выволакивали. В основном отец был добытчиком, а он помогал ему. Много лет прошло с той поры. Потребности изменились, и рыба попадалась помельче. А сейчас вполне хватало с десяток-другой верховок да пескарей, больше и не требуется. Он невольно глянул на помятый бидон из люминия, который пора на свалку выбросить, но, как сказал дед Евсей, отдавая на прокат этот бидон, что он еще совершенно новый, недавно в сельпо купил, а помятый, так это жизнь его помяла. Частенько заходил на огонек к Акимову, а бывало, приходил к нему на речку и подолгу они просиживали возле костра. Много не разговаривали. Вполне хватало кивнуть головой — и ладно. Дед Евсей присаживался на комелек, закуривал и молчал, как молчал сам Акимов, о чем-то думая. Так и просиживали допоздна. А потом старик поднимался и уходил. Петр не замечал его ухода. Он думал. О чем? Да обо всём, перебирая свою жизнь по страничкам, раскладывая по полочкам, а где больше хорошего было, он и не знал. Потому что не баловала его жизнь, не подносила богатых подарков, а может, сам не гнался за хорошей жизнью, и поэтому довольствовался малым. И сейчас довольствуется этим же...

Впервые, когда Акимов провел отпуск в Васильевке и он заканчивался, ему не захотелось возвращаться домой. Казалось бы, всего лишь две недели он пробыл в Васильевке наедине с одиночеством или был в одиночестве, а может, себя нашел в этой деревне, и часами бродил по округе или просиживал возле костерка, прислушиваясь к поздней осенней мороси, которая скрывала округу в туманной дымке. Вроде, что тут хорошего, вроде одно и то же с утра и до вечера, и в природе ничего не изменилось. Ну, разве только облетали последние листья, всё реже слышались прощальные голоса птиц, и всё чаще летела морось, а он просиживал днями возле костра в своем убежище, смотрел на серый бархат реки, на тяжелые облака, нависшие над округой, прислушивался к шороху мороси и старался заглянуть в свою душу, а еще думал. Обо всём и о жизни — тоже.

С той поры, он каждый год приезжал поздней осенью в Васильевку, когда сыпала морось вперемешку со снежной крупой, и эти последние осенние дни — лучшее время для того, чтобы вспомнить былое. Давно уж не стало деда Евсея и всё больше появилось холмиков на мазарках, как говорил старик, и всё меньше оставалось жителей в деревне. Но Акимов продолжал ездить сюда, чтобы остаться наедине с природой и думами, потому что поздняя осень для человека, прожившего жизнь, — это лучшее время, когда между ним —

человеком и засыпающей природой — много созвучного. И для этого приезжал сюда каждый год Акимов, а еще торопился к своему столь желанному одиночеству — тихому и благостному, как поздняя осень. Акимов знал, что когда придет его время, он встретит свой последний час на сыром крыльце старого дома, где в одиночестве сидел вечерами и наблюдал за птицами, которые кружились над домом, словно звали за собой в дальние края и прощально взывали с темно-серых небес. И когда придет время, вслед за птицами устремится его душа — это будет его последняя осень, и еще один холмик добавится на мазарках...

И казалось Акимову, который сидел на крыльце своего дома, что сейчас появится дед Евсей, присядет рядом, и тоже будет смотреть на ночную деревню и думать. А Петр спросит у него:

— Скажи, дед, а сколько жителей осталось в Васильевке?

Но ответом будет тишина...

г. Салават, р. Башкортостан

Александр ЛОМТЕВ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ФУТБОЛ

Это была странная игра. Одна команда в пыльно-зеленой потрепанной военной форме, а другая, разномастная, совсем не в футбольной обувке — лаптях. Неизвестно, из чего скроенный и чем набитый мяч резво летал по полю, да и азарта, как у игроков, так и у болельщиков, хватало. Шел 1916 год и это был первый футбольный матч в мордовской деревеньке Каласево, а, может быть, и на всей мордовской земле...

Среди игроков в военной форме особенной выправкой, статью и энергией отличался один.

Агафья стояла в сторонке и следила за ним большими влажными глазами. И он нет-нет, да и бросал взгляд на девушку, прислонившуюся к берёзе поодаль от галдящей толпы.

Когда военнопленных — австрийцев, немцев, венгров — привезли в мордовский Ардатов, то смотрели на них с опаской — как-никак враги. Но оказалось, ничего — люди как люди. А этот, высокий и статный, оказался ещё и механиком, до удивления рукастым парнем. Как она могла не влюбиться в такого? Влюбилась.

Не сразу, конечно, а после того, как его отпустили из ардатовской тюрьмы на вольное поселение к ним в Каласево.

Виделись каждый вечер. Уходили подальше от села, от любопытных людских глаз. Да всё равно люди знали, в деревне не утаишься.

А теперь вот этот футбол «напоследок». Скоро, совсем скоро её Иосипу уезжать. Слёзы стояли у глаз Агафьи.

— Ничего, — коверкая русскую речь, убеждал её Иосип, когда шли они после игры за околицу. — Закончится всё — приеду и заберу тебя. Никого, кроме тебя, любить не буду.

Таяло Агафьино сердце от этих неумелых слов, но и подсказывало: вряд ли этот красавец в хоть и потрёпанной, но аккуратной форме вернётся сюда. И хотелось верить...

Сколько ещё ночей осталось у них в запасе? Сколько слов и поцелуев дадут им эти ночи под щедрыми мордовскими звёздами?

И вот с котомкой за спиной идёт он в строю пленных по пыльной дороге мимо убогих домишек, оглядываясь на Агафью и снова и снова шепча: «Я вернусь»...

Не знали они, конечно, что судьба не даст им больше увидеться, что Агафья родит ему дочь, которую назовёт Нюрой, что выйдет замуж, но так до конца жизни и не забудет своего статного весёлого Иосипа. Как не забудет её и он, куда бы судьба ни забрасывала его и кем бы ни делала.

Он шёл по дороге, по-солдатски топая в такт колонне, не думая о том, что ждёт его впереди, а думая о том, как вернётся за своей мордовской любовью, за своей Агафьей.

Он шёл из ставшей ему близкой России на родину, не зная, что ждут его ещё одна война, немало испытаний и опасностей, и слава, и почести. Шёл среди мордовских лесов и полей простой военнопленный Иосип — Иосип Броз Тито...

НА АМУРЕ

Шамана звали Борис, он был стар и нетороплив. Встав на колени у самой воды, из деревянной плошки, похожей на лодочку-уточку, шаман бросал в Амур табак, черемшу и соль, что-то едва слышно бормотал и кланялся. Делал он всё это, не обращая внимания ни на толпу туристов, щелкавших фотоаппаратами, ни на матросов причалившего прямо к берегу теплохода, снующих по трапу, ни на местных подростков, посмеивающихся и цыкающих плевками в реку. Завершая обряд, Борис налил из заранее откупоренной «чекушки» водки в два гранёных зеленоватых стаканчика. Водку из одного

стаканчика он с бормотанием выплеснул в Амур, второй стаканчик опрокинул в рот.

Гомонящих туристов повели в клуб, за ними потянулись и подростки, а Борис уселся на берегу и стал смотреть на бегущую воду Амура.

Он знал, что туристам покажут национальные ульчские пляски, руководительница ансамбля будет сетовать на то, что молодые ульчи плохо знают свой язык, что проходят его факультативно, по желанию, а желают не все, больше английский хотят изучать... Многие принимают православие, и, значит, надо или крестик, или бубен выбирать. Православному же нельзя шаманский бубен в руки брать...

Амур течёт и течёт нескончаемо, и жизнь течёт, и всё становится не так, как было. И как было, уже никогда не станет.

Вскоре туристы вернулись на теплоход, и тот, коротко взвыв, отчалил, вспенив воду за кормой. Борис встал и вытащил из-под перевёрнутой лодки мешок. Достал котелок, треногу, завёрнутую в мокрую мешковину рыбу и принялся ладить костерок...

...Солнце скрылось за грядой острых верхушек елей и пихт. Отец Василий запер церковку и побрёл к берегу. Быстро темнело, и костёр ярким цветком выделялся на серо-свинцовом фоне Амура. Из котелка над огнём уже вовсю валил пар, а шаман на куске брезента, брошенного на траву, раскладывал ломти черного хлеба. Увидев спускающегося к воде священника, Борис, натянув на ладонь рукав куртки, снял котелок с огня, поставил на брезент, достал из кармана деревянные ложки. Отец Василий перекрестился, быстро опрокинул граненый стаканчик и зачерпнул ухи.

Ночь быстро опускалась на берег, звёзды высыпались на небосклон, выплыл из-за сопок месяц и повис прямо над крестом темневшей над рекой церквушки. Отец Василий отложил ложку и растянулся на принесённом с собой ватнике. Борис, сидя по-турецки, затянул потихоньку что-то по-ульчски, мерно покачиваясь, словно кланяясь воде. Отец Василий прикрыл глаза и принялся нашёптывать молитву.

Из посёлка доносились звуки телевизора. «Значит, на улице никого, — подумал отец Василий. — Все сериал смотрят...»

РЫЖИЙ БОЙ

Официально его звали Рыжий Бой. Но хозяйка в зависимости от настроения или ситуации звала то Боем, то Рыжим,

а то и просто Рыжиком. Ему исполнилось шесть лет — то есть он был взрослым солидным псом породы немецкая овчарка. Солидной была у него и работа. Каждое утро вместе с хозяйкой и несколькими бойцами он выходил на сырые декабрьские улицы полуразрушенного города и искал Зло. Зло пахло резко и неприятно, но каждый раз, обнаружив опасную железную штуку, Бой радовался, поскольку хозяйка хвалила его за это, ласкала и совала в пасть что-нибудь вкусненькое. А для собаки нет ничего радостнее, чем радость хозяина да лакомство из его рук.

Зла было много. Каждый день то в придорожных кустах, то в брошенной покрышке от автомобильного колеса, то в водосточной трубе под асфальтом пес натыкался на знакомый резкий запах.

Вечерами он лежал на подстилке подальше от горячей печки и в полудреме присматривал за хозяйкой. В небольшой закуток, что был отведен специально для них, то и дело заглядывали гости. Это были люди в такой же, как у хозяйки пятнистой одежде, в сапогах, и пахло от них так же, как от хозяйки — сапогами, порохом, сигаретами. Хозяйка как истая «собачница» не курила и в закуточке своем курить запрещала, но запах сигаретного дыма, пропитавший всю казарму, пробивался и сюда, заставляя пса порой громко чихать.

Чаще других приходил большой добродушный разведчик Володя. Он обязательно приносил для Боя кусок колбасы или немного картошки с тушенкой в алюминиевой миске. И бой не рычал на него, когда тот слишком уж льнул к хозяйке.

Они смотрели маленький телевизор, пили чай и разговаривали.

— У меня койка сломалась, — говорил Володя, и мне теперь негде спать. Можно я у тебя заночую? Выручишь?

— У прапорщика Ивановой переночуй, у нее кровать шире.

— Значит, не разрешаешь? А я-то думал мы друзья, думал на тебя можно положиться.

— Я сама решаю, кто может на меня положиться, а кто будет лежать в сторонке, — кокетничала хозяйка.

Иногда по ночам она потихоньку разговаривала с Боем. Бой не понимал слов, но чувствовал, что хозяйка грустит, он подходил и лизал ее руку, свесившуюся с постели.

— Вот ты один меня и любишь, — говорила хозяйка, ласково шевеля шкуру за собачьими ушами. — Ты один меня понимаешь... А он... Даже сюда не пишет. Она доставала из

сумки, стоявшей под койкой листочек бумаги, долго смотрела на него и из уголка ее глаза тянулась соленая дорожка.

Если бы Бой умел писать, он написал бы замечательную повесть о людях. О том, как они сбиваются в стаи и стреляют друг в друга, о том, как одни люди командуют другими, как разрушают дома, а вечерами пьют прозрачную резко пахнущую воду и тоскливо воют хором что-то протяжное о нескладной своей судьбе. О том, как видел однажды во дворе казармы отрубленную человеческую голову, которую принесли из мечети какие-то темные бородатые старики. О том, что от Зла пахнет не только смертоносной взрывчаткой, но и человеческими руками.

А жизнь текла и текла — кормёжка за кормёжкой, маршрут за маршрутом, день за днем...

В тот день с самого утра Рыжий Бой почувствовал необъяснимое беспокойство, и собачье его сердце стучало неуверенно, то быстрее, то медленнее. Что-то ныло в груди, совсем не хотелось есть, и хозяйка, заметив это, даже пощупала песий нос.

Они вышли в город, когда кое-где еще плавал бледный утренний туман. Бой повеселел и бодро бежал впереди, обнюхивая дорогу, придорожные канавы, и всё, что встречалось на пути.

Они вышли на улицу, параллельно которой шел большой многоэтажный дом. Почти все перекрытия внутри здания обрушились, и дом был похож на останки затонувшего «Титаника», пролежавшего в океане сто лет. Черные остатки обгоревших деревьев, словно кораллы, торчали вокруг, а сквозь окна и пробоины были видны пустые, выеденные временем внутренности каменного остова. И где-то там, в гулких пустотах здания, затаился чужой человек...

...Совсем рассвело. Уже пора было уходить, когда снайпер заметил на улице отряд. Его внимание сразу привлекла внимание девушка с собакой на длинном поводке. «Так-ак! — это интересно, — деловито подумал снайпер. — Это стоящая цель...» Он устроился поудобнее, и, глядя сквозь оптический прицел, задумался.

Снайпер решал задачу. У него было время только на один выстрел. Можно было застрелить или девчонку, или собаку. Он переводил перекрестье прицела то на собаку, то на хозяйку и никак не мог выбрать. Наконец, разглядев погоны на плечах девушки, и решив, что звание маловато, остановился на собаке. Но когда палец уже начал свое плавное давление на курок,

неожиданно для себя снайпер перевел прицел на девушку. Хлопнул выстрел, винтовка дернулась, и, отрываясь от окуляра прицела, снайпер успел увидеть падающую фигурку. Он бросился бежать и лишь через несколько секунд, когда уже был в относительной безопасности, услышал тарахтенье автоматов, крики и возбужденный собачий лай...

Рыжий Бой стоял над хозяйкой и лизал ее остывающее лицо. А поодаль из-за кирпичных куч и бетонных блоков солдаты в остервенении палили по пустому дому.

Уже на следующий день Боя передали другому хозяину. И Бой принял его, и снова каждый день выходил на улицы разбитого города искать Зло. Но по ночам ему иногда снилась прежняя хозяйка, он слышал ее веселый голос и чувствовал тепло рук...

ПАЛОМНИЦА

Автобус притормозил на повороте; она, покряхтывая от стреляющей боли в ногах, сошла на ледяную обочину и осмотрелась. Увидела указатель с надписью «Источник» и побрела туда, куда указывала стрелка.

Дорога оказалась ровной, укатанной, идти было довольно легко, и если бы не боль в отекших ногах, ходьба эта доставила бы ей удовольствие. Остался позади поселок, по бокам потянулся лесок, а мысли в голове приняли привычное направление. Ей немного за сорок, но любой встретивший ее на этой дороге сказал бы о ней «старуха». И что самое невыносимое, старухой она чувствовала себя и в душе. Глупым рефреном звучала в мозгу строчка «я чужая на этом празднике жизни»... И когда мимо, взвивая снежную пыль, пронеслась, поблескивая темными стеклами, машина, душа ее наполнилась привычной злобой: вот они, короли жизни, — удачливые, жирненькие, наглые человечки! Сволочи! Никогда не остановятся, не подвезут, не помогут. Умирать будешь на дороге — не заметят...

Она почувствовала, как забилось сердце и кровь прилила к голове. Пришлось остановиться и перевести дух. Эти приступы тёмной злобы на людей, на жизнь, на постоянную несправедливость всё чаще накатывали на неё, и она понимала, что это плохо, но сил бороться не было. Да и была в этом какая-то непонятная сладость, утешение, оправдание... Даже когда, поддавшись уговорам подруги, отправилась она к Серафиму, впервые за десять лет оставив Москву, злоба иногда подкатывала к сердцу. Куда ты попёрлась! Ладно бы, ис-

тинно верующая была, ладно бы, самой захотелось. С больными ногами по поездам да автостанциям. На сухомятке... Да ладно уж, заставишь тебя, если сама не захочешь... А стукнуло сердечко-то, когда к Серафимовым мощам приложилась. Стукнуло...

Дорога обогнула еще один поселок, от которого через редколесье тянуло печным дымком и навозцем, вывела из перелеска, и впереди показалось открытое пространство, а дальше берег реки и тёмная полоса леса над ним. Идти осталось всего ничего.

Она остановилась и долго смотрела на открытое пространство. Десять лет назад она захохотала бы, вздумай кто-нибудь в ее родном проклятом НИИ предсказать ей, что она вот так, согбённой паломницей, пойдет к мощам какого-то святого, а потом еще и к источнику — купаться зимой! Ах, жизнь! Что ты делаешь...

У берега реки дорога заканчивалась большой расчищенной автостоянкой. От нее змеилась тропинка. К деревянной сказочной избушке, к большой, в деревянном окладе, иконе Серафима, к игрушечной часовенке, к роднику в бревенчатом колодце и купальням. Чёрная вода масляно поблескивала в белых снежных берегах, и жутковато было думать, что сейчас придется в нее окунуться...

У тропинки стояли двое коренастых круглолицых парней. В теплых полушубках, в солдатских высоких ботинках, румяные, с реденькими русыми бородками и хитроватыми глазками. Они улыбались, притоптывали на морозце, и как только она подошла, затянули:

— Под-а-ай Христа ради...

Чёрная волна нахлынула на сердце, и она заскрипела зубами, проходя мимо и сдерживаясь, чтобы злоба не выхлестнулась в ругательства. Лбы здоровые! Да на вас пахать можно, а вы у больной старухи милостыню выпрашиваете, сволочи! Вон рожи-то сытые как на морозе разрумянились блинами, шакалы!

Она, зажмурив глаза, миновала нищих, но что-то заставило ее обернуться, и она едва не задохнулась от возмущения: парни достали из сумки большие румяные пироги с мясом и начали их аппетитно уплетать. Запах мяса и лука — вот что заставило ее оглянуться. Парни, поймав ее горящий взгляд, смутились, спрятали пироги за спину и отвернулись...

Оставшись в одной ночной рубашке и поджимая пальцы на враз озябших ногах, она вспоминала, что нужно сделать и как, и всё никак не решалась коснуться этой чёрной страшной воды.

В ту секунду, как вода сомкнулась над ее головой, белая молния ударила где-то между веками и глазным яблоком. Дыхание остановилось и остановилось сердце, и она поняла, что значит «обожгло холодом». И ничего не осталось в этой изношенной, тяжелой оболочке под названием тело. Да и в голове ничего не осталось, кроме возгласа «ох!» И второй раз, и третий, и мокрые уже горячие ступеньки из купальни, и ледяная вода из ковшика через онемевшие зубы. И горячая дрожь сквозь махровое полотенце и вдруг — зыбкое тепло волнами. И постепенно приходящее на свое место сознание, словно после обморока...

...Не торопясь, шла она по тропинке к дороге, ничего не понимая и ничего не чувствуя. Давешние нищие, увидев ее, сдержано посторонились, перестав жевать и пряча свои пироги.

И вдруг она поймала себя на мысли, что картинка эта не вызвала у нее, как давеча, того удушающего раздражения, какое вызвала бы где-нибудь в мешанине московского столпотворения. И даже подумалось как-то так, как раньше ей, городской ученой даме, и не думалось. То ли «вот охальники!», то ли «ах вы, барбосы»...

Парни, словно почувствовав ее настроение, уже не таясь, откровенно уплетали свои пироги, теряя на жидкие бородёнки белые крошки, посмеиваясь, толкаясь и притоптывая расхристанными башмаками. А она обернулась, перекрестилась еще раз на часовенку, на крутой берег и тёмную воду, на икону Серафима и легко зашагала по гладкой похрустывающей дороге. Солнце клонилось за острые верхушки елей, тренькала где-то последняя синица, из недалекой деревеньки доносился крик петуха и потявкиванье собаки. Она на ходу закрывала глаза, и казалось, что тела нет и нет боли, и нет груза прожитых лет, а есть одна только душа, легкая и омытая, которая светлым облачком плывет себе над этим русским снегом среди этой зимней красоты в звенящем морозном воздухе, и ничегошеньки ей не надо.

РАЙ

Я возвращался из Рая весь в слезах. Слёзы текли по щекам, попадали в уши и щекотали их, подушка вся промокла. Я уж и не помню, когда так рыдал. Должно быть в тот раз, в двенадцать лет, когда от чумки погиб Джек. Фотографии остроухого раздвинувшего пасть в улыбке Джека, сделанные фотоаппаратом «Смена-7», до сих пор лежат где-то в

коробке из-под ботинок, пожелтевшие, с изображением словно в тумане... Даже когда умерла бабушка я плакал не так горько...

В общем-то, Рай мне понравился — много света, очень много. Откуда исходил этот мягкий, сильный, но не ослепляющий свет, играющий иногда нежными разноцветными, словно северное сияние, сполохами, было непонятно. Вокруг разливалось сухое нежное тепло, а воздух сочился изумительным запахом, в котором было абсолютно всё, что тешит душу — запах океанского бриза, еловой хвои, антоновских яблок, тронутых ранним морозом, цветочного мёда, убежавшего и чуть подгоревшего молока, цветущей липы, щенка, поцелуя...

В Раю нет горизонта — в бесконечность уходит белое пушистое пространство, на котором из серебристого низкого тумана растут стройные кудрявые зеленые деревца, все в цвету. Каждое дерево на своем участке, вроде бы и не огороженном, но каким-то образом отделенном от других, и под каждым деревом — человек. Причем никто не уходил от «своего» дерева, и не общался с другими. Я не видел ясно их лиц, но как-то понимал, что все они разного возраста, разного цвета кожи, роста... Все чем-то непонятным мне занимались, но опять же непонятно отчего я знал, что им очень хорошо. Да и мне было необычайно легко. И душа моя переполнялась светом и силой. Эйфория, нирвана, абсолют... все эти определения не передают и малой доли того блаженства, в которое я впал.

Я вдруг понял, отчего многие, рассказывая о полете в загробную жизнь во время клинической смерти, утверждали, что не хотели возвращаться. Я плавал и плавал в этих потоках света, вдыхал эти неземные земные запахи и наполнялся радостью, поскольку понял, что смерти нет, что всё бесконечно, всё правильно, всё справедливо и гармонично, пока... Пока не обнаружил страшную вещь, заставившую меня задохнуться от горя: под одним из деревцев играла моя дочка! Имени ее я не помнил; вернее, Там имени и не было, просто это была *моя* дочка. Моя пятилетняя дочка, которой вечером я читал сказки и пел песенки. Я чувствовал, что ей хорошо, она улыбалась, играла со мной, прыгала и смеялась. Но меня охватил ужас. Она ничего не понимает! И хорошо — не надо ее пугать. Мне нужно было во что бы то ни стало вернуть ее. Я играл с ней и, играя, потихоньку уводил от деревца, но в какой-то момент она останавливалась и убегала обратно. Я вёл ее за руку, но рука выскальзывала из моей ладони, и дочка возвращалась под свое дерево, а если я пытался унести ее на руках, она впадала в такой ужас, в такую панику, что мне

приходилось отпускать ее, и она возвращалась под деревце. Отчего-то я знал, что времени у меня всё меньше и меньше, и я чувствовал, что вернуть ее мне не удастся.

Я запаниковал, сжал зубы, схвати дочку под мышку и опрометью бросился прочь от дерева, стараясь не обращать внимания на то, как она всё сильнее бьётся и рвется, как она кричит, как крик переходит в хрип и совершенно невообразимый вой; вой этот становился всё тоньше и выше, и не было сил выдерживать его. Я остановился, повернул извивающееся тельце к себе и похолодел: в руках у меня дергалась и ломалась лохматая, краснолицая, клыкастая обезьянка, она визжала и царапала мои руки длинными когтями. Я бросил ее и вдруг провалился в туман, потеряв под ногами опору...

За окном выла сигнализацией чья-то машина. Рай уплывал из памяти, уплывал свет, истончался райский запах, гасла неясная музыка небесных сфер. Уплывали стройные деревца с человеческими фигурками под ними. Уходило чувство реальности Рая... Только невыразимая печаль продолжала сосать сердце, и слёзы ручьем лились из глаз.

Стараясь не потревожить жену, я встал с постели, перевернул подушку мокрым вниз, зашел в ванную, сполоснул лицо ледяной водой и немного успокоился. Только потом с бьющимся сердцем потихоньку заглянул в детскую. Сын, отвернувшись к стенке, тихо посапывал в сладкой утренней дреме. Дочка лежала на спине и, обняв лохматую плюшевую собаку, улыбалась во сне.

МЕТРОВОЙ

Это я сейчас метровой. А когда-то давным-давно обычным домовым был. Домовой как домовой, жил себе за печкой. Печка в доме. В избе. Изба на улице, улица в посёлке пристанционном — Замшелое называется. Всё, как положено, было — печка, и радио, и сверчок, придурковатый, правда, всё невпопад свиристел; и хозяева ничего себе так...

А потом пришла какая-то Перестройка. Откуда пришла, зачем — не знаю, только вскоре хозяева мои с места снялись и уехали. А потом и почти весь поселок опустел. А потом дом загорелся, я со сна едва выскочил с бородой обгорелой.

Иду себе, иду, да и вышел на станцию. Я поездов никогда не видел, слышал только часто, как они перекрикиваются. Я их себе немного другими представлял...

Ну вот как-то стал вагонным — в скором Москва—Владивосток. В общем-то, всё то же. И печка была, только по-

меньше, и радио, сверчка только не было да народ всё время разный. А так ничего... Москва от Владивостока, как мне кажется, совсем не отличается, даром что расстояние промеж ними такое огромное. Да мне что — едешь и едешь, колёса стучат, огни мелькают... Сверчка только жалко, сгорел поди... А может, и не сгорел...

Но как-то ночью вышел погулять по перрону, зашел за какие-то вагоны, привокзальные строения, а поезд-то взял да и ушел. Конечно, настоящий вагонный дорогу в свой вагон найдет в любом уголке земли; впрочем, какие у земли углы — круглая она, это даже самая отсталая кикимора знает... В общем, добрел случайно до метро, решил покататься, и так мне это метро понравилось, что нашел незанятый вагон, да в нём и остался.

Попервоначалу к столпотворению трудно было привыкнуть, да и прятаться почти что негде, того и гляди бороду отдавят. Одно время даже в мерседесовые пойти хотел. Знакомый один гостиничный посодействовал. Однако поездил, поездил на одном, посмотрел, что за люди, — тоска взяла. Жирные дядьки да тощие тётки и всё про одно и то же — деньги, деньги, деньги. Бывает, ребятишки едут — маленькие совсем и те — про деньги. Будто кроме денег и нет ничего на свете. В общем, вернулся в метровые.

Тут, правда, тоже бывает... Иной раз войдёт — в черном, длинном, с крестом на брюхе, так ты будто быть перестаёшь, сам в себя не веришь... Но это редко, они, чёрные, тоже больше на «Мерседесах» ...

А вообще здесь народ попроще, но повеселее, поразнообразнее. То анекдот новый услышишь, то в обрывке газеты что прочтёшь. Я тут и читать-то выучился.

Только вот иногда начинает глодать какое-то беспокойство. Какое-то даже слово для этого есть. Дежавю? Нет, по-другому как-то. Во — ностальгия! По старенькому своему домику в Замшелом тоскую. По вьюге с волчьим воем, по печке и огню в ней, по сверчку бестолковому... Один старый метровой сказал мне, что это от скорости. Действительно, летишь, порой, летишь, а куда, для чего? А на перегоне Полежаевская — Октябрьское поле поезд вообще так летит, так летит, что даже тревожно становится. Всё быстрее, быстрее, быстрее, будто и вся Земля разгоняется и разгоняется. Аж голова кружиться начинает. И вот так, чтоб тревога ушла, глаза, бывает, закроешь и думаешь. Состарюсь, лет триста минет, поеду на Казанский, сяду на Москва—Владивосток, вернусь на Замшелую, может быть, сверчка найду, мог ведь он не сгореть, правда? Найдём домик какой уцелевший со

старой бабкой — и заживём, приключения молодости вспоминаючи... Другие метровые надо мною смеются, говорят, лет через сто на земле и людей-то не останется, одни китайцы будут... Ну, людей-то, может, и не останется, а Замшелая-то, я чай, сохранится, куда ей деваться-то...

ОТШЕЛЬНИК

Когда всё это произошло, я не стал выживать вместе со всеми в остатках города. Все делали вид, что ничего особенного не произошло, ходили на работу, которая теперь была никому не нужна, покупали в супермаркетах отравленную еду, разговаривали друг с другом, как ни в чём не бывало. Никто не хотел признаться даже самому себе, что катастрофа лишила нас будущего и человечество доживает свои последние годы. А может быть, даже месяцы. Все решили просто проигнорировать случившееся... Больше всего меня изумляли гаишники, которые по-прежнему стояли на улицах и штрафовали водителей! Человек неисправим, человек никогда не хотел смотреть правде в глаза, прятался за свою привычку, как за броню... Но я вдруг понял, что среди этих каменных стен, сочащихся жестким излучением, среди напитанного радиацией и химией изобилия на прилавках, в нервных метаниях остатков страшно испуганного населения, делающего вид, что всё хорошо, — стресс, излучение и химия убьют меня значительно быстрее, чем вдали от цивилизации, где-нибудь в лесной глуши.

Случившемуся я совсем не удивился и не очень-то испугался. Это должно было произойти, не могло не случиться. Человечество давно шло к чему-то подобному, с упорством маньяков лепило катастрофу собственными руками. И она произошла...

И тогда я ушел как можно дальше от умирающего, агонизирующего, притворяющегося беспечным города в сосновый бор, на берег чистой реки. Несколько дней я рубил толстые сосны, потом скатал из смолистых стволов избушку... И начал жить один. Пусть человечество догнивает без меня...

Теперь по утрам меня будит птичий гам; летом в окно плывет сосновый дух и запах черемух, зимой доносится крик чёрного ворона и завыванье метели. Осенью я брожу по березовой роще, что раскинулась на косогоре за излучиной реки. Замечал ли я, как приятен шорох желтых листьев под ногами в той, прежней жизни? Замечал ли я тот день, когда прилетал первый скворец весной, расцветал первый ландыш?..

У меня ничего нет, но мне ничего и не надо. За несколько лет я привык обходиться малым, тем, что даст возможность

добыть сама природа. Что ж, человечество исчезнет, а природа останется, она не способна убивать сама себя, как это свойственно человеку. В кроне стоящей рядом с избушкой липы свили гнездо черные вороны, под крышей поселились белки, енот иногда проходит по песчаному берегу реки и совсем меня не боится. Несколько раз к моей избушке приходили медведи... Я разговаривал с ними; они слушали меня и уходили. А я даже не знаю, остался ли еще хоть один человек в покинутом мной городе; да и существует ли еще сам город. Утром солнце по-прежнему восходит на востоке, а вечером уходит за кроны сосен на западе. Последствия катастрофы еще не сказались на природе, и я часто думаю о том, как этот мир будет выглядеть лет через триста, когда последние следы человеческой деятельности зарастут дикими лесами, джунглями, поглотятся степями и пустынями. Появятся ли двухголовые медведи-мутанты или летающие киты, вырастет ли гигантская петрушка или яблоки величиной с арбуз. После такой катастрофы ждать можно всего, чего угодно.... Правда, ждать и удивляться будет уже некому...

Мне хорошо. Несмотря на грусть о любимых когда-то людях, несмотря на печаль о гибели мира, о невозвратном, на душе моей покой. Что ж, человечество имело шанс прийти к своему золотому веку, но шансом этим не воспользовалось. Жадность, злоба, ханжество, неискоренимые пороки оказались сильнее души и разума... Что делать...

И если бы не видения, вызванные, очевидно, прогрессирующей лучевой болезнью, я был бы, пожалуй, даже счастлив. Эти видения на какое-то время лишают меня душевного равновесия, вносят диссонанс в мое простое и размеренное существование. Будь эти галлюцинации не так реалистичны, я, пожалуй, даже смирился бы с ними, не обращал бы на них внимания. Но болезнь зашла так далеко, что я уже не могу игнорировать эти видения, и они терзают мою душу. Может быть, их регулярное появление и эти бесконечные разговоры, вопросы, загадочные манипуляции — наказание за те грехи, что были допущены мной в той докатастрофной жизни... Может быть, и всех оставшихся еще в живых людей терзают подобные белые навязчивые фигуры, возникающие ниоткуда и пропадающие в никуда... Хорошо, что времени между их появлениями все-таки достаточно для того, чтобы прийти в себя... И я жду заката, когда последние оранжевые лучи солнца, пробив пёстрые кроны сосен и старой липы, упадут на пол моей избушки, жду, когда золотой квадрат света из окна начнет краснеть и тускнеть, жду угасания дня, чтобы лечь в чистую свежую постель, положить голову на

белоснежную подушку, завернуться в пахнущее крахмалом одеяло и сладко забыться. Уснуть, не ведая, удастся ли проснуться завтра, или всё наконец кончится...

— Думаете, лечение не поможет?

— Думаю, нет. Шизофрения выстроила такую стену между реальностью и его новым миром...

— Бедняга...

— Не знаю, не знаю. Иногда я думаю, что ему там гораздо лучше, чем нам здесь... Он никому ничего не должен, тихо существует себе, зная, что человечество доживает свои последние дни, и поделать с этим уже ничего нельзя... Этой решётки на окне для него не существует... Он слушает птиц, с медведями разговаривает, грустит светлой грустью, засыпает под шум ветра... Мне и самому порой кажется, что в его палате пахнет сосной, а по утрам кукуют кукушки...

ПТИЦА АЛКОНОСТ

— Обувь нужно надевать мягкую, тихую, понял? Так что пойдём прямо в тапочках. И одежду такую же — тихую, чтоб не скрипела, не шершавилась, не хрустела. Предки-то наши вообще на Алконоста голышом ходили. На неё вроде и несложно охотиться, но это только на первый взгляд. Да и мало её осталось. Она ведь почти вся в глухаря выродилась. Не зря у них повадки одинаковые. Оба, когда поют, — себя не слышат. Только глухаря ты ружьём берёшь, стрельнул — и готово дело. А в Алконоста стрелять бесполезно — эта птица особенная и не птица на самом-то деле. Существо!

Вот смотри: где она живёт и до скольких лет доживает — никто не знает, чем питается — тоже неизвестно, как размножается, если у них самцов нет, — непонятно.

— А правда, что у них голова — человеческая?

— И тут тоже дело тёмное. Кто говорит — правда, учёные бают — легенда. Её добыть — счастье одному из тысячи целого рода. Вот у меня шансов нет, прапрадед мой поймал, и всему нашему роду с тех пор везло, никто не своей смертью не умер, все мужики со всех войн не покалеченными вернулись, достаток какой-никакой всегда был, даже в самые голодные времена. А в последнее время везенье это затухать стало.

Так что мне, скорее всего, не повезёт, но ты из другого рода, значит вдвоём у нас шансов гораздо больше.

— Говорят, что Алконост — райская птица и утешает своим пением святых.

— Ага, а ещё говорят, что несёт яйца в море и делает его спокойным на семь дней, а потом вынимает и высиживает на берегу. А поёт так, что услышавший его забывает обо всём на свете. Это всё сказки бабьи.

— А какой он из себя?

— Ну, прадед как-то смутно рассказывал. Ну, птица с большими разноцветными перьями, с необычной головой, не с человечьей, конечно, но с необычной. Вот глаза, говорил, совсем человечьи. И вроде как светится вся...

— Как жар-птица, что ли?

— Что ты лепишь? Жар-птица — существо сказочное, выдуманное, а Алконост — реальная птица, сохранившаяся с древности. Она, может, древнее мамонта, может, с времён динозавров сохранилась... Старики про неё так рассказывали: Алконост близ рая пребывает, иногда и на Евфрате-реке бывает. Когда в пении глас испущает, тогда и самоё себя не ощущает. А кто вблизи тогда будет, тот всё на свете забудет: ум от него отходит и душа из тела выходит... Ну ладно, давай спать. И, как договорились: завтра на прогулку выведут, ты за санитарами внимательно следи, а я сетку за сиренью отогну и как знак дам — ты сразу незаметно ко мне. Там густо — не хватятся. А дальше дорога мне известная... Спи.

ДЕД

Дед постоянно кричал по ночам. И нельзя сказать, чтобы слишком громко или надрывно. Просто слабым, почти детским голосом затягивал — «Аааааа, ааааааааа». И лишь временами вскрикивал чуть громче — «Ойё-ёййй». Но сон у больных был чуткий, и многие просыпались от этих криков и потом долго не могли заснуть.

Утром в столовой не обходилось без обсуждений. Где-то между результатами УЗИ, диетой от рака и тонкостями поведения на эндоскопии (дышать надо не носом, как советуют врачи, а ртом! И шёпотом: «Да что они понимают, врачи эти...») обязательно кто-нибудь говорил:

— Опять дед хулиганил!

Тут же кто-то окликался:

— Ой, всю ночь из-за него глаз не сомкнула, когда же это кончится.

Особенно злился низенький лысоватый толстяк, которого все на этаже звали Палыч. Когда-то Палыч был большим начальником, а теперь стал заурядным пенсионером, к тому же обремененным язвой желудка.

— Это безобразие! — кипел Палыч. — Куда только медики смотрят, весь этаж из-за этого деда не спит...

— Вы, Николай Палыч, в медицинском учреждении находитесь, — вежливо осаживала его медсестра, — и здесь свои порядки. Не кляп же ему вставлять.

— Да куда денешься, человек старый, может, и нам такая же участь суждена, — заискивающе резонировал молодой парень с гастритом. — Он за себя ответить не может.

— Зато ты отвечаешь, — огрызался бывший начальник. — Вот наша бабушка, когда почуяла, что время её вышло, ушла так тихо, что никто и не заметил. — Палыч вздохнул, погладил себя по лысеющей голове. — Вечером ещё кур кормила, а утром не проснулась. И всё. И даже умерла летом — никаких проблем с могилой нам не доставила.

Днём дед спал. Просыпался только на еду, да когда приходили навестить дети-внуки. А ночью из его палаты снова доносилось потустороннее «Аааааааа, ааааааа...»

— Не помогает, — жаловался утром хмурый Палыч, вынимая из ушей беруши, — всё равно слышно.

И вдруг дед затих. Поначалу палата даже подумала, что старик скончался. Но Палыч заглянул к деду и убедился, что тот спокойно ест овсянку.

— Батюшку к нему приводили, — разъяснила ситуацию нагрянувшая с уколами медсестра. — Соборовали его, вот он и успокоился.

— Да он же коммунист заядлый, непримиримый атеист! — вскинулся Палыч, и сам не чуждый идеалов социальной справедливости. — Он же в горкоме работал, бабок в религиозные праздники с серафимовских родников гонял! Да что бабки, говорят, он купола в церкви в Васьковке сносил, чтоб под цех её приспособить.

— Вот именно, — многозначительно посмотрела на Палыча медсестра. — А то с чего бы это его так корёжило?

— Да ладно, — скептически махнул пухлой ладошкой отчего-то раздражённый Палыч. — Ладно...

— Теперь ладно, — всё так же многозначительно улыбаясь, ответила медсестра. — Теперь он вам мешать не будет.

И правда, не мешал. Умер дня через три, тихо и незаметно.

г. Саров Нижегородской обл.

Татьяна КИБАРДИНА

ДВА САПОГА — ПАРА

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Шёл разгар войны. Прохор второй год нещадно бьёт врага. Как мужик из сказки Салтыкова-Щедрина, ко всему привыкший, он стойко и беспрекословно принимает то, что ему преподносит жизнь. Крестьянская сноровка и хватка не раз оказывала ему службу. Многие его боевые товарищи не выдерживали долгой окопной жизни. Холод, сырость, голод, вши беспощадные доводили до отчаяния, и некоторые — эх! была не была! — шли в атаку, зная, что она последняя...

Вот и сегодня трое его новых товарищей не уберегли себя во время боя. Нет, Прохор за спинами не прятался, в окопе не отсиживался, но он понимал, что погибнуть от пули каждый сможет легко, а вот бить врага и остаться в живых — тут нужны сноровка, умения!

И скольких уж он потерял за это время! Вот Витёк, почти что земляк, рванул на вражеский танк. И танк не подбил, и сам погиб. Э-эх! А надо было чуток выдержать: подпустить поближе, схорониться, а потом только кинуть гранату. Что уж теперь говорить... Даст Бог, выживет Прохор, найдёт он се-

мью Витьки, расскажет о боевом подвиге товарища. А как же вы думаете? Здесь каждый из них герой!

Сегодня опять живот крутит. Третий день враг не даёт покоя, и полевая кухня не может накормить голодных и уставших воинов. Сухпаёк, конечно, имеется в вещмешке; в редкую свободную минуту солдат быстрым движением достаёт сухарик и медленно обсасывает во рту, но расслабляться некогда: или кушаешь ты, или тебя «съест» вражеская пуля.

Недалеко от линии обороны расположился немецкий полк. В минуты затишья до ушей Прохора доносился глухой шум ругани и командные выкрики офицеров. «Эх, — думал Прохор, — кто же вас звал сюда! Сидели бы дома, землю бы пахали...» При мысли о земле закралась в сердце сорокалетнего мужика тоска по родимой стороне. Сейчас конец августа, аккурат время связывать хлеба в снопы. Как же там, дома, без мужиков справляются? Из писем сестры Прохор знал, что все мало-мальски здоровые мужики, кто добровольно, кто по призыву, воюют на фронтах с фашистской вражиной, и вся тяжесть крестьянского труда легла на плечи женщин, детей да стариков.

Началась перестрелка. Командир, молодой лейтенант Равашов, дал приказ приготовиться к бою. Прохор весь собрался; он чувствовал, как каждый нерв, каждая жила приготовилась к чёткому выполнению указаний комвзвода. Ну что ж, враг, держись!

Вдруг рядом с Прохором взорвался снаряд, и осколком пронзило ногу. В боевой суматохе не обратил внимания солдат на истекающую кровью рану, только когда закончился бой — подкосило его тут же. Не видел и не чувствовал он, как спасали его боевые товарищи, как вывозили ночью в тыловой госпиталь, как посреди ночи разбудили врача, больше двух суток до этого стоявшего у операционного стола.

Тот бой для воина стал последним. Ох, и ругал себя потом Прохор за бесполезность, за то, что «там воюют братья, а он лежит тут, на кровати, харчи проедает почём зря!»

Долго провалялся солдат в госпитале. Как ни умолял сурового врача-хирурга сохранить ногу, её пришлось ампутировать. «Как же я без ноги-то воевать буду?» — слёзно спрашивал он. Врач только исподлобья смотрел на чудаковатого больного: ему бы выжить, а он — о передовой!

Операция, по словам медсестрички, прошла успешно, даже очень хорошо — вон как быстро раны заживают! Хорошо хоть, что колено живое. Это очень важно, ведь на колено можно встать, опереться, колено — это всё-таки полноги!

Подавленное состояние постепенно сменилось уверенным желанием жить дальше.

Прохор мастер был сказывать различные байки. И в госпитале — что лежать, бока отлёживать? Вон братья как мучаются. И стал он рассказывать истории разные из довоенной жизни или небылицы о фрицах. Весёлый нрав Прохора пришёлся по душе всем больным не только в палате, где он лежал, но к этому балагуру ходячие подтягивались и из других палат, да ещё и пересказывали лежачим. Хохот стоял такой, что медсёстрам приходилось усмирять шутника — не дай бог, швы у оперированных разойдутся!

Сегодня его выписывают. Военврач распорядился выдать «нашему герою» одежду, костыли. Вместе с обмундированием выдали ему провиант и почти что новые кирзовые сапоги. Пару. Там, в окопе, о таких только мечтали. Комендант госпиталя, вручая ему сапоги, сказал: «Бери, дружище, тому, кто в них к нам прибыл, уже не надеть. Не боись, сняты с живого ещё». «Героя сапоги, значит», — глухим голосом проговорил Прохор. Взгрустнулось ему, что вторую не надеть. Что же с этим сапогом делать? Хотел вернуть за ненадобностью ему, а вот кому-то может пригодиться. Но что-то не дало ему воротиться назад (в крестьянском хозяйстве всё сгодится), и он, аккуратно завернув второй сапог, засунул в свою котомку.

В родные края, Удмуртию, демобилизованный по ранению ефрейтор Прохор Кузнецов вернулся только в конце октября. Поезд в родную сторонушку только через пару дней, и, чтобы скоротать время, направился он на Сенную площадь. И вот в толкотне Ижевского рынка, наполненного гулом людских голосов и карканьем голодного воронья, с трудом переставляя костыли, упорно движется Прохор вперёд, хоть и нелегко даётся ему каждый шаг. «Но надо! Надо! Нечего раскисать, как эта грязь под ногами», — сам себе даёт команды. Промозглый ветер срывает последние листья с деревьев, судорожно державшиеся за ветки, и безжалостно кидает их в лужи. И тут Прохор остановился, обомлённый. Навстречу ему, опираясь на костыли, шла молодая женщина... На одной ноге! Взгляд мужчины моментально скользнул на её ноги. Обута была её нога в прохудившиеся стоптанные ботинки, чулок то и дело сползал вниз, и ей приходилось время от времени останавливаться и стыдливо его подправлять. В сутолоке базара никто и не замечал её неловких движений, не видел её голодного взгляда и боли, которую испытывала она при каждом шаге. Прохору стало нестерпимо жаль незнакомку. Бедняжка... ей бы на танцах с кавалерами крутить, а она всю жизнь будет стыдиться своей неполноценно-

сти. Превозмогая боль, подошёл солдат к женщине и остановился напротив. Она, испуганная, остановилась тоже.

— Здравствуй, милая, — почему-то именно это слово — «милая» — вырвалось у Прохора.

Женщина опустила глаза. Видно было, что ей горько от мысли, что только такой — увечный, безногий — может с ней заговорить.

— У тебя обувь прохудилась, — сказал Прохор.

— А Вам-то что? — почти с вызовом ответила она вопросом на вопрос.

— Знаешь, у меня в мешке завалялся сапог. Новенький, мне абсолютно ненужный. Может, примеришь?

— Отойдите, гражданин, у меня всё равно нет денег.

— Да и не беда! А вот обувь негодная — вот это беда! Не бойся, деньги не прошу — задаром отдам.

— Это как же? — не поверила женщина. — Совсем без ничего?

— Ну не совсем. Ты мне скажи, как тебя зовут и куда направляешься?

— Знаете что? Мне совсем не к чему заводить знакомство. Видите, какая я?

— Вижу. Сам такой. Только у меня нет левой ноги, а у тебя правой. Так что моя пара сапог как раз нам и пригодилась, — весело подмигнул ей. — Ну что, примеришь, барышня?

Прохор снял со спины вещмешок, ловко развязал и достал блестящий чёрный сапог.

— Он тебе, правда, будет великоват немножко, но это лучше, чем ничего.

Женщина недоверчиво взяла сапог в руки, нежно погладила голенище. Даже до войны ей не пришлось носить такие сапоги. На лице её затеплилась улыбка.

— Вы из госпиталя вышли?

— Так точно.

— И куда направляетесь?

— Домой, в деревню, на Каму родимую.

— Далеко это?

— Да уж пешком не близко.

— А поезд до вас есть?

— Аккурат послезавтра. Станция Сарапул — слыхала? А там до моего села рукой подать — шесть вёрст проковылять остаётся, — со смехом сказал он. «Вот ведь, искалеченный, а шутит», — с грустью подумала она, а вслух неожиданно для себя спросила:

— А где ночевать собираетесь?

— На вокзале, где ж ещё! Я привычный к лишениям, мне не будет трудно.

— Не подумайте ничего плохого обо мне, но что скажете, если я вам — за сапог ваш — предложу у нас переночевать? Живу я тут недалеко с мамой и дочкой.

— Что ж не идти-то? С удовольствием приму такое предложение.

Они поковыляли вместе в том направлении, куда указала женщина. Оба шли, стараясь не поскользнуться и не упасть.

— А ты что, недавно ногу потеряла? — не удержался Прохор.

— Второй вот месяц пытаюсь ходить, да всё никак не привыкну, — ответила она.

— Прости меня за вопрос, но не задать я тоже не могу: сестричкой служила на фронте?

— Если бы! — воскликнула она. — Фронтовым искалеченным хоть как-то помогают, а с нами не считаются вовсе. На лесозаготовке я была. Лес для балезинской железной дороги валила. Там и ногу сломала, а в результате — вот, вовсе отрезали. Уже не плачу. Поначалу тяжко было. Ничего не могла делать по дому. А сколько падала — не счесть! На улицу боялась выходить, да только деваться некуда — мамка заболела, картошка закончилась. Ну вот мы и пришли.

Они остановились возле неказистой избёнки. Ворота просевшие, окна, что во двор смотрят, покосились, и большая щель между стеклом и рамой была заткнута каким-то тряпьём. Сметливый глаз Прохора сразу определил, что тут нужны мужские руки. Ну что ж, не мужик, что ли, он? Лишь бы были инструменты, за два дня он сможет хоть чем-то помочь.

— А мы так и не познакомились. Прохор меня зовут, Прохор Игнатьич, — со смехом представился он.

— Варвара я, — скромно назвалась она.

— Ну что ж, Варварушка, — показывай, где у тебя топор да гвозди, да другие инструменты?

— Вам бы отдохнуть, — предложила она.

— А что мне отдыхать? Наотдыхался я, два месяца бока пролёживал в госпитале. Руки по работе соскучились.

— И в дом не войдёте разве?

— Успеется. А ты как раз чайку подогреешь, — вновь подмигнул он ей.

— Простите, Прохор, а как же вы без ноги-то справитесь?

— Без ноги не без руки! И потом — кто нам поможет, если не мы сами?

С этими словами он остался на одном костыле и, подпрыгивая, направился в сторону сарая, ещё более печального с виду. Меж тем Варвара у крылечка ему говорила, где топор и пила. А про другие инструменты она и не знает, у

мамки спросит. С этими словами Варвара зашла в дом. Лицо её сияло, в душе была какая-то неведомая ей радость. После похоронки на мужа она и забыла, когда улыбалась. Дочка её, четырёхлетняя Маруська, грелась с бабушкой под одеялом.

Мама заметила, что Варя не такая, как обычно, и тихо, чтобы не разбудить спящую внучку, спросила:

— Я слышала голоса во дворе. К нам кто-то заходил?

— Да, мамочка. Ты прости, но я пригласила к нам переждать поезд одного фронтовика, демобилизованного. Прохор Игнатьевич его зовут.

— Что ж он в избу-то не зайдёт?

— Мама, он инструменты спрашивает, что-то подправить у нас хочет.

Мама внимательно посмотрела на дочь, но ничего не сказала, а только лишь пальцем в сторону печи указала:

— Вон там что-то есть, в подпечье, за дровами глянь.

С трудом встав на одно колено, Варвара выгребла дрова из-под печи и нашарила руками небольшой ящичек. Там были какие-то железки, кованые гвозди, скобы. Вытащила ящик, с трудом выпрямилась. Теперь надо его до Прохора донести. Но как? На глаза Варвары выступили слёзы бессилия. «И вот всегда так, — с обидой подумала она. — Раньше и проблемы бы не было никакой — ящичек и не тяжёлый вовсе. А теперь... И что, всегда так?»

Мама, видя, как дочь пытается управиться, хотела уже встать с кровати, но Варя вовремя взяла себя в руки:

— Мама, лежи, я сама! Я должна справиться, мамочка. Ведь это навсегда, — и улыбнулась матери.

Слова вырвались сами собой, и Варя даже удивилась, с какой уверенностью она это сказала. Да, ей надо быть сильной. Мать совсем слаба стала, больше, конечно, от переживаний за Варечку. Но она ещё так помогает Варе с Марусей, да и по дому теперь почти всё ложится на неё. Господи, представить даже страшно, что было бы с дочуркой, если бы не мама! Превозмогая свои боли, сама голодая, она последнее несла на рынок, чтобы внучку прокормить.

Передав Прохору ящик с инструментами, Варя робко попросила дать ей сапог на примерку. В ответ он передал ей свой вещмешок — вот, мол, там и найдёшь.

Зайдя в дом, Варвара прошла в кухню и достала сапоги, выбрала левый. Ещё раз погладила голенище, приложила к своей ноге. Затем нашла на печке шерстяной носок, надела его и натянула сапог. Попробовала сделать несколько шагов. Что ж, неплохо, хотя и великовато немножко. И прав

Прохор Игнатьич — это лучше, чем её стоптанные ботиночки, которым уже Бог весть сколько лет!

— Мамочка, смотри! — вышла она к матери.

Матрёна Ивановна ахнула и с некоторым чувством тревоги спросила:

— Где ты его раздобыла? Ты купила? На что?

— Нет, мамочка! Представляешь, Прохор Игнатьевич тоже одноногий. И он подарил мне второй сапог.

Тревогу на мамином лице сменило недоверчивое изумление:

— Вона как! Ну, посмотрим... А пока сними, дочь.

— Мама, он сказал, что он ему не нужен!

— Я поняла, Варенька, только... сними пока... Мало ли что.

Варвара послушно сняла сапог, пожила рядом с вещмешком солдата. Но в душе была уверена, что теперь это её сапог!

Прошло два дня. Прохор помог хозяйке Матрёне Ивановне выправить оконный косяк, так что в щель уже не дуло. В сенцах поменял прогнившую доску, и ворота подпер шестом, выдернутым из забора. Но самое главное — на стол из своего пайка Прохор выложил всё: буханку хлеба, две банки тушёнки, плитку шоколада, горсточку кускового сахара. Надо было видеть глаза девочки! Маруся не отходила от стола и всё смотрела то на маму, то на бабушку, то на доброго дядьку. Не по годам смышлёная, она знала, что сегодняшнюю порцию она уже съела, но а вдруг? Вдруг ещё можно? Варя нежно обнимала дочь и объясняла, что на сегодня хватит, иначе на завтра ничего не останется. Девочка отходила от стола, отвлекалась на свои неказистые игрушки, но всё равно время от времени поглядывала на прикрытое полотенцем сокровище на столе. Она знала, что завтра ей снова дадут кусочек сладкого сахара. И душистый хлебушек...

Матрёна Ивановна на радостях и болеть перестала и всё про себя вздыхала: вот остался бы у них жить, и Варечке бы легче было — мужчина как-никак! Но вслух только благодарила и говорила: «Сам Господь Бог Вас, Прохор Игнатьич, послал к нам». Варвара же исподтишка всё поглядывала на него и мысленно молилась, чтобы поезда не было.

Но билет был в кармане, и до отъезда оставалось шесть часов. Прохор засобирался. Он низко поклонился Матрёне Ивановне, поблагодарил за приют, столование. Подошёл к Варваре:

— Ну, а ты, Варвара, в следующий раз сапоги тоже выбирай с расчётом на меня.

Варвара улыбнулась, шутка грустная, но она давала какую-то надежду.

— Непременно, Прохор Игнатьич. Но... как же я найду вас?

— Не грусти, я сам тебя найду. Вот съезжу я до своего села, посмотрю на своё жильё, да и приеду за тобой и дочкой. И матушку твою заберу.

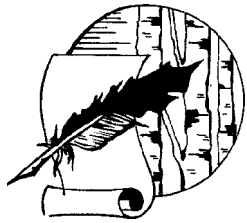
От этих слов вспыхнула Варвара ярким румянцем, сказать ничего не смогла, только глаза опустила. «Полюбила, значит», — подумал Прохор, а вслух сказал:

— Я обязательно приеду за тобой. Душа у тебя добрая. Да и потом ведь мы два сапога — пара!

Так и ковыляли они вместе всю оставшуюся жизнь. Обувь, даже когда жизнь после войны стала налаживаться, покупали непременно одну на двоих. Заботился Прохор о своей Варварушке: и протез сам для неё смастерил, да не просто смастерил, а каждый раз совершенствовал своё изобретение, чтоб было удобно и не больно. А себе, понятное дело, тоже сам изготавливал. Жаловаться на жизнь было некому, да и не к чему, поэтому сноровились они всё делать сами. Да и Матрёна Ивановна, пока жива была, старалась всё делать по дому. А там и Маруська подросла, заботилась о своих родителях и младших братике и сестрёнке.

И не было для Прохора человека ближе и надёжней, чем его Варварушка, а для неё — сильного и заботливого мужа, потому как они — два сапога пара.

г. Можга, Удмуртская Республика



Нина ПОПОВА

НАД ИЗРАНЕННОЙ ПЛОТЬЮ ЗЕМЛИ

Я СЛУШАЛА ВОЙНУ

Я слушала бойца, не прерывая...
Набросила потёртый камуфляж,
И перебежкой правда фронтовая
Вела меня в прокуренный блиндаж.

И я — отныне ко всему причастна! —
Тревожным сердцем слышу каждый крик:
«Вперёд... давай! — и чуть попозже: — Баста!»
Я видела на небе светлый лик.

И ветер выл, как сиплый волк неистов,
Седая степь взбегала на бугор,
А за спиной, ощерясь зло и мглисто,
Смотрел чужой и целился в упор.

Мы залпом поминали павших братьев,
Туманы выползали из болот,
И, непокорный вражьему проклятью,
Вгрызался в землю поредевший взвод.

Мы боль свою выхаркивали матом...
Усталая солдатская душа
Затеплила больничную палату,
Сама в скорбях едва-едва дыша.

Не на войне была я, а — войною.
Бойцам России — кровная, своя.
Была сестрой, солдаткою, вдовою...
Но и победой тоже буду я!

ПИСЬМА НА ФРОНТ

Когда на чаше у весов вселенских
Война лежит немилосердной глыбой,
Ты не спасал себя в посёлках энских,
Ты сделал выбор!

Коротких эс-эм-эс мне очень мало,
Но благодарна и за это чудо!
Сейчас роптать, родной мой, не пристало.
И я — не буду!

Но я нашла единственное средство,
Целительное от разлучной боли —
Пишу я письма, чтобы в них согреться
Твоей любовью!

Сама пишу, сама и отвечаю —
Бегут слова по замкнутому кругу...
Но полночь входит не гонцом печали —
Моей подругой.

И не нужна премудрость мне другая,
Я только сердцем любящим ведома:
Пишу я письма, в них оберегая
Дорогу к дому!

ЧЕСТЬ

Нескончаема эта война,
Словно вся преисподня явилась,
Чтоб остаться на все времена...
Дай нам, Господи, силу и милость!

Негасимый Божественный свет
Светит всем, но особенно — смелым.
Мы просторы великих побед
Защищаем и словом, и делом.

Пусть не дрогнет средь битвы рука
И смертельными раны не будут.
Слёз людских многоводна река,
Но не дай, Боже, сердцу остуды.

В поднебесье молитва плывёт
(Ей земное перечить не смеет!),

Чтоб у смерти не множился счёт,
Чтобы жизнь оказалась сильнее.

Не даётся победа легко,
Рукопашная — мат и проклятья.
Но над боем парят высоко
Душ солдатских Небесные рати.

Спросят строго, взыскуя о нас —
Полуправды и кривды не примут! —
Ты исполнил Отчизны наказ?
Ты прославил отцовское имя?

Незакатной высокой звездой
Над полями взойдёт пращур-воин,
Чтобы в битве светить над тобой,
Если ты этой чести достоин!

НЕБЕСНОЕ ВОИНСТВО

Опять война уносит жизни
И горе не проходит мимо.
Лампадки поминальной тризны
В домах горят неугасимо.

Сыновний долг с времён извечных:
«За мать! За Родину! За други!»
А кто-то спрятался за печку
И даже там дрожит в испуге.

Ушли достойные до срока,
Когда война кромсает время,
Они становятся уроком
В заглавной для Отчизны теме.

И вновь, в годину лихолетья,
Подняв хоругви и знамёна,
Выходит строем из бессмертья
Небесных воинов колонна.

УЗОР ПОБЕДЫ

Неуклонно силу обретая,
Неизбежно набирая высь,

Многоцветьем молодого мая
Расцветала на Донбассе жизнь.

На печали времени не тратя,
Путь Победы помня наизусть,
Расшивала алым шёлком платье
Девушка, забывшая про грусть.

Не ведя пустые разговоры,
Схожая и с жизнью, и с весной,
Мастерила новые узоры
Над небесно яркою каймой.

...Праздничное зарево салюта
На мощёных гулких площадях —
Эта долгожданная минута
Сокрушит и смерть, и боль, и страх.

Пусть проходит мастерица эта
По священной площади страны,
В платьице победное одета,
Возвещая торжество весны!

МУЖЕСТВО

Проталинка неба в больничном окне.
Мир дышит свободой, а я в тишине,
Пытаясь развеять тревогу и грусть,
Мечтаю, что больше сюда не вернусь.

Мечтаю, что всё это — тягостный сон
И утром развеется облачком он...
Утешусь, что это — этапы пути,
Которые нужно достойно пройти.

Припомнится притча, что всё, что стряслось,
Лишь к лучшему... Ах, этот русский авось!
Но лишь в небеса воспарила мечта,
Как с лёту подбила её маета...

Вдруг вспомнился парень — солдатик без ног,
Кому-то — любимый, кому-то — сынок,
И сердце моё задохнулось виной:
Да разве беда — что случилось со мной?!

Мальчишка, что, ноги в бою потеряв,
В душе сохранил несгибаемый нрав,
Стихи о любви попросил почитать,
Про дом, про деревню родную, про мать...

Мы с ним говорили, про время забыв,
О том, как не сдаться — всему супротив,
О том, что хрупка, переменчива жизнь,
И он напоследок сказал мне: «Держись!»

И вспомнив про это, с уныньем борясь,
Я выткала слов победительных вязь
И в бой снаряжала колонны столбцов —
За право писать для таких вот бойцов!

СОЛДАТСКИЕ МАТЕРИ

Вновь грозою объят горизонт,
Вновь пылают багровые зори.
Держат русские воины фронт,
Держат матери плач на затворе.

Усмиряя заботою страх,
Исцеляя унынье молитвой,
Прячут слёзы в тревожных глазах,
Укрепляя сынов перед битвой.

В сеть вплетя камуфляжный лоскут,
Боль врачуя, свечу отливая,
Дня победы с надеждою ждут —
Век от века... от края до края...

Неразрывна родимая нить,
Что с рожденья свивается мамой:
Жизнь дарить и любовью хранить
До последней секундочки самой.

БЕЛОГОРЬЕ

Стелется реченька по бережкам,
Но в непогоду бывает бурлива,
Здесь я узнала по первым шажкам
Тропку над белым высоким обрывом.

Над Белогорьем орёл воспарил,
Небо сшивая невидимой стёжкой.
Здесь обрела я таинственный мир,
В мамину юбку вцепившись ладошкой...

Взгорьев родных богоданный удел,
Я ли тебе не песчинка родная?
Благословенно ты в сердце созрел
Белой строкой белгородского края.

Правила отчих просторов просты —
Жизнь преподаст и проверит уроки,
Вешки извечной Засечной черты
Мне проложив напрямик через строки.

О, Белогорье, в беде не смолчим —
В тьме непроглядной мы выстоим смело,
И не померкнет в ненастной ночи
Всё, что веками звенело и пело!

* * *

Вслед тебе рванулись занавески,
Ты ушёл с рассветом в никуда...
Ласк твоих отчаянные всплески
Унесла студёная вода.

Таяли капельной баламутью
Чёрточки любимого лица
И всё то, что было самой сутью,
Мною не раскрытой до конца.

Не сложить судьбы головоломку,
Две тропинки не соединить.
Треплет ветер занавески кромку,
Ворошит оборванную нить...

* * *

Не моё ли счастье затерялось
В пасмурный осенний листопад?
Лист рябины — даже эта малость! –
С ветром покидает тихий сад.

Не моя ли звёздочка упала,
Отгорев надеждами дотла?..
На полночном небе звёзд немало,
Лишь одна бесценной стать смогла.

Не моя ли нежность отзвенела
Струнами завьюженной тоски
И витает лёгким снегом белым
Над изгибом ледяной реки?

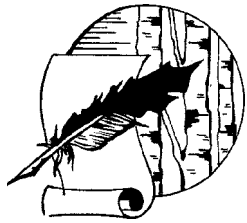
...Но луна восходит золотая,
И летят лебяжьей стаей сны –
Не моя ли радость расцветает
Звонкой песней молодой весны?

* * *

Пирамидки домов
по откосу спускаются к речке,
В затуманенной пойме
небесные звуки гостят.
И взыскует Господь:
«Отчего ты так слеп, человече,
Предаваясь грехам
столько долгих столетий подряд?»

Загрустят соловьи,
заступаясь за падшие души,
И обронит упрёк
мудрый филин в угрюмой дали,
Ну а больше никто
тишину под луной не нарушит,
Лишь горюет Господь
над израненной плотью земли...

г. Москва



Ольга КОЗЛОВЦЕВА

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

МОЛЮСЬ ЗА РОССИЮ

Отче наш, спаси Россию!
Русь Святую сбереги!
Милосердно отпусти ей
Все великие грехи.
Упадем мы на колени,
Вскинем взор на образа —
След жестоких поколений
Смоет чистая слеза.
Миром будем мы молиться
От зари и до зари:
— О, Небесная Царица,
Благодатью озари!
Ты своим Святым Покровом
Всю Россию защити,
Помоги нам путь суровый
С верой в Господа пройти!

БАТЯ

Опять нацисты поднимают ставки,
Кровь на Донбассе льется много лет.
Расправил плечи офицер в отставке —
Он в руки взял военный свой билет.

И смело, не раздумывая слишком,
Пошел Отчизну защищать свою.

А рядом необстрелянный парнишка
С ним оказался в боевом строю.

Как на отца, глядел он на старлея,
Неодолимый страх едва скрывал,
А Батя Михаил его, жалея,
Приемышем шутливо называл.

Стал офицер опорою для многих,
Всё повторял: «Такие, брат, дела».
Он заставлял тереть их снегом ноги,
Чтоб ни одна зараза не взяла.

В окопе все равны. Какие ранги?
Здесь общая задача — бить врагов.
А Батя, словно Михаил Архангел,
Бойцов от смерти заслонить готов.

За Родину, за каждого солдата
Он днем и ночью жертвует собой,
И благодарны Господу ребята
За то, что Батя есть у них такой.

СОСЕД УЕХАЛ НА ДОНБАСС

Сосед уехал на Донбасс
За Правду воевать,
За Русский мир, за всех за нас,
За дочку и за мать.
Не плачет, держится жена,
Стараясь быть сильней —
Да будет проклята война
И Запад —
вместе с ней!
Да будет вечно жить Донбасс
И русский наш народ!..
Свою дочурку в первый класс
Сосед не поведет.
У дочки новенький портфель,
Кудряшки ниже плеч,
И папин спрятала портрет
Она —
в «Родную речь».

«БЕЛЫЙ»

Николаю Белову

Сильный мой сосед и смелый,
В бой идти всегда готов.
Позывной он выбрал — «Белый»
В честь фамилии Белов.
Раньше был обычный парень,
А теперь сосед — герой.
Третий раз на фронте ранен.
Слава Богу, что живой!
После госпиталя дома
Он спешит набраться сил.
Во дворе парней знакомых
— Как живется вам? —
спросил.
Те стоят, судьбой довольны,
Всё по-прежнему у них.
И подумал с грустью воин:
— Я чужой среди своих.
Не поймут они солдата,
Что остался он один,
Что ему роднее брата
Был погибший командир.
Снятся ночи роковые,
Он идет на смертный бой:
С ним товарищи — живые,
Командир его — живой...

* * *

Флаг России на моем окне,
«Не красиво», — кто-то скажет мне.
Я не знаю, друг ты или враг,
Но в душе моей Российский флаг!
Мы с Россией — целое одно,
И с надеждой я гляжу в окно,
А за ним — березы кружева,
Это значит, Русь моя жива!
Белым снегом в небе облака,
Вьется синей ленточкой река,
Земляника рдеет на лугах —
За моим окном России флаг!

* * *

Гранат и дольки мандарина
Лежат на краешке стола —
Какая грустная картина...
Сегодня вечером Марина
На бал с подругой не пошла.

Она одна в пустой квартире
Встречает этот Новый год,
Ведь самый лучший парень в мире,
Пока ликуют все в эфире,
Возможно, в смертный бой идет.

— Любимый мой, какая доля
Тебя в херсонских ждет степях?..
И мандариновые дольки,
Как счастья хрупкого осколки,
В девичьих теплятся руках.

Когда же стихнет канонада
На том, днепровском берегу?..
А зёрна спелого граната
Мерцают, словно кровь солдата,
На скатерти, как на снегу.

* * *

Мы все теперь мобилизованы:
И днем, и ночью на войне,
Как будто все сердца спрессованы
И закаляются в огне.
Друг к другу стали мы внимательней,
Добрее стали и сильней —
Мы все теперь отцы и матери
Всея России сыновей.

* * *

Идет война добра со злом —
Вселенская война,
Как будто хочет на излом
Мир испытать она.

Сраженье света против тьмы
И правды против лжи
За наши души и умы —
За будущую Жизнь.

ПОД ЛУГАНСКОМ

В деревеньке под Луганском
Вперемешку с пеплом снег.
Здесь навеки жизнь угасла —
Не найти бойцам ночлег.
От домов одни руины,
Не деревня, а погост.
Неуклюже сгорбил спину
Над оврагом старый мост.
Вон виднеется крылечко,
Уцелело пол-избы.
Разжигает воин печку,
Дым струится из трубы.
Отыскал в углу дровишки,
В топку жаркую кладет,
Из-под снега чьи-то книжки
И тетрадки достает.
А потом нашел красивый
Голубой фотоальбом.
Смотрит молча, через силу —
Подкатился к горлу ком.
В том альбоме жизнь деревни:
Ребятишки у реки,
На скамейке у деревьев
Отдыхают старики.
Вот стоят молодожены,
У невесты ясный взгляд,
А жених-то напряженный,
Словно он не очень рад.
Где теперь воюет парень?
Знать, на вражьей стороне.
Жив ли он, а может, ранен?
Чтоб не сгинул на войне,
Вразуми его, Спаситель,
Пусть бросает воевать,
Что делить ему с Россией?
Ждут его жена и мать...

Вдалеке снаряды воют,
Воет черная пурга —
Под Луганском русский воин
Бога молит за врага.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Они сошлись на поле брани,
Вдвоем, лицом к лицу стоят:
Один — десантник из Рязани,
Другой — из Харькова солдат.

Своя у каждого присяга,
Своя у каждого страна,
И пусть у них два разных стяга —
Земля славянская одна.

Домой вернутся ли из боя
Сыны страдальческой Руси?
Зачем им биться меж собою? —
Помилуй, Господи, обоих,
Обоих, Господи, спаси!

Нацисты — про́клятая нечисть —
Да сгибнут, сгинут пусть в веках!
Бесславье ждет их и бесчестье... —
На них вина кровавой сечи,
Невинных кровь — на их руках!

г. Ряжск Рязанской обл.

Олег ПЛАТОНОВ

ВЕЛИКАЯ МИССИЯ РУССКОГО МИРА

Англосаксонское, романо-германское влияние и хазарский фактор в западнорусских землях привели к значительной деформации всего Русского мира, особенно в части его правящего слоя, возжелавшего следовать враждебным традициям англосаксов и романо-германцев. В XVIII веке в дворянской среде складывается традиция искать себе зарубежных предков, ибо отечественные считались недостаточно почтенными. Дворяне с усердием сочиняют себе родословные, нередко легендарные (а попросту говоря, липовые), в которых выискивают себе родственников если не из самого Рима, то обязательно откуда-то из Европы.

Если русский дворянин еще в конце XVII века по формам культуры, мировоззрению и воспитанию (преимущественно церковному) ничем не отличается от крестьянина и городского ремесленника (различие состояло только в богатстве и количестве слуг), то дворянин XVIII века стремится отгородиться от простого народа. Он ориентируется на культуру, черпает оттуда образование, язык, одежду и уже к концу XVIII века становится для своих простых соотечественников иностранцем. Конечно,

Окончание. Начало в №4 за 2025 г.

были и исключения, но не они определяли тонус дворянского сословия. Дворяне продолжали оставаться на службе России, но ее интересы начинали понимать весьма своеобразно — как интересы своего сословия. Возникает влиятельный слой, живущий с оглядкой на Европу и культурно связанный больше с ней, чем с Россией, которая оставалась для них преимущественно местом службы и доходов и которую они охотно покидали, по мере возможности проводя многие годы за границей.

«Как ни близко знал я своих земляков — крепостных рязанских крестьян, — писал П.П. Семенов-Тян-Шанский, — как ни доверчиво относились они к своему барину, но все-таки в беседах об их быте и мировоззрениях, в заявлениях об их нуждах было что-то недоговоренное и несвободное, и всегда ощущался предел их искренности». Русские же крестьяне смотрели на своих господ как на чужаков, и зачастую весьма недружелюбно».

Границы русской общины становятся тем естественным бастионом, за которым русский крестьянин пытался сохранить свою национальную культуру. Естественно, в условиях противостояния, защиты своего национального уклада крестьянин, по словам Герцена, видел «в полицейском и в судье — врага, в помещике — грубую силу, с которой ничего не может поделать».

Значительная часть российского дворянства и интеллигенции, противопоставляющие себя национальной России и громадному большинству ее народа, была лишена национального сознания и безразлична к национальным интересам России. По формам своей культуры и образованию она была ближе к европейскому обывателю, чем к Русскому народу. Понятие «европейски образованный человек» они воспринимали как похвалу, как критерий личного достоинства. Воспитанные на понятиях западноевропейской культуры, они в значительной степени не понимали многих ценностей национальной русской культуры, оставались глухи к национальным нуждам народа. Точнее и справедливее сказать, российская интеллигенция эти народные нужды воспринимала слишком общо, через абстрактные и общечеловеческие представления (скроенные по западноевропейской мерке). Трудно назвать другую страну, где разрыв между великой народной культурой и культурой значительной части дворянства и интеллигенции был так резок и глубок, как в России. Кстати говоря, великие представители русской интеллигенции — Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский — этот разрыв остро ощущали. Хотя, конечно, их самих нельзя обвинить в отрыве от народа. Вели-

кие русские писатели всегда противостояли интеллигентской «массовке», жадно глядящей на Запад, протестовали против бессмысленного разрушения национальной культуры именем европейской цивилизации.

«Вы говорите, что спасение России в европейской цивилизации, — писал Н.В. Гоголь Белинскому. — Но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы Вы определи, что такое нужно разуметь под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстерьен, и красный, и всякий, и все готовы друг друга съесть, и все носят разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация?»

Вместе с тем не следует считать, что русское образованное общество полностью порвало с ценностями русской цивилизации. Это невозможно хотя бы в силу генетической заданности, которую нельзя свести на нет даже в течение нескольких поколений нигилизма. Подспудно многие представители интеллигенции при всем западном воспитании не ощущали себя внутренне людьми западной культуры, ибо на уровне бессознательного обладали другим психологическим стереотипом. Этот стереотип включал в себя такие характеристики, как обостренное восприятие понятий добра и зла, правды и справедливости, высших целей бытия. Но то, что для коренного национально мыслящего человека было органично и естественно, выражаясь в стройном православном мировоззрении добротолюбия и соборности, у интеллигента, лишенного национального сознания, выражалось максималистски, абстрактно, с жаждой разрушения, не соразмеряясь с действительностью. Да, этого интеллигента тоже интересовало понятие добра и зла, но у него они превращались в абстракции, отталкиваясь от которых, он, на основе западных представлений, делил людей на хороших и плохих исходя из западного критерия прогрессивности и реакционности. Правду и справедливость он тоже воспринимал категорически, отталкиваясь от этого же критерия, но без национальной конкретности. И наконец, лишенный национальной почвы, высшие цели бытия он воспринимал по схеме западноевропейского прогресса, как почти автоматический переход от отсталых форм к передовым. По существу, из всего богатства духовных ценностей русской цивилизации русский интеллигент сохранял только нравственный настрой (и то не всегда), а в остальном жил идеями западной цивилизации. Это предопределяло его внутреннюю раздвоенность, отсутствие цельности и определенности жизненных позиций,

его постоянную внутреннюю неудовлетворенность своей жизнью и всем окружающим, ибо нравственный настрой требовал от него других мыслей и поступков. Русский интеллигент не мог быть духовным вождем своего народа, а потому объединял вокруг себя только себе подобных. Оторванный от национальных корней, русский интеллигент нередко воображает себя свободным и сильным, но это только иллюзия. На самом деле он раб своих беспочвенных идей, освободиться от которых не может из-за отсутствия национальной опоры. В своем выдуманном своеволии он мечется как рыба, выброшенная на берег, обреченная после ряда судорог погибнуть.

Свобода, как возможность жить полноценной национальной жизнью во всем богатстве ее проявлений, превращается для него в свободу в понимании разбойника — как возможность грабить и убивать, творить любой произвол. Именно такой свободы желали «бесы» Достоевского, именно к такой свободе для себя привели Россию большевики. Рабство человека вне национального бытия — худшее из рабств. Его свобода потенциально преступна для всех других. В таком духе живут сегодня люди, именуемые иностранными агентами, в частности Ходорковский.

Лучше всего деградацию личности, избравшей такую свободу, показал Ф.М. Достоевский: убийство старушки-процентщицы русским интеллигентом ради «великой цели» явилось как бы прообразом миллионов преступлений в застенках большевистской Чека. Достоевский показал саморазрушение свободы вне национального бытия. *«Упорство в своем самоопределении и самоутверждении отрывает человека от преданий и от среды и тем самым его обессиливает. В беспочвенности Достоевский открывает духовную опасность. В одиночестве и обособлении угрожает разрыв с действительностью. «Скиталец» способен только мечтать, он не может выйти из мира призраков, в который его своевольное воображение как-то магически обращает мир живой. Мечтатель становится «подпольным человеком», начинается жуткое разложение личности. Одинокая свобода оборачивается одержимостью, мечтатель в плену у своей мечты. Достоевский видит и изображает этот мистический распад самодовлеющего дерзновения, вырождающегося в дерзость и даже мистическое озорство. Показывает, как пустая свобода ввергает в рабство — страстям или идеям. И кто покушается на чужую свободу, тот и сам погибает»* (Г. Флоровский).

Достоевский предсказал модель поведения русского интеллигента, лишенного национального сознания, ставшего

«подпольным человеком» и могущим объединяться с другими людьми только по принципу подпольности. «Подпольные» люди объединяются друг с другом, чтобы бороться против русских людей, живущих согласно национальному сознанию. «Подпольные» люди ненавидят настоящих людей и готовы на всё, чтобы их уничтожить.

«Длительным будничным трудом, — писал И.А. Бунин, — мы (интеллигенция. — **О.П.**) брезговали, белоручки были, в сущности, страшные. А вот отсюда, между прочим, и идеализм наш, в сущности, очень барский, наша вечная оппозиционность, критика всего и всех: критиковать-то ведь гораздо легче, чем работать...»

С болью в сердце пишет Бунин об оторванности значительной части интеллигенции от народа, о ее безразличии к народным нуждам. Ибо им, *«в сущности, было совершенно наплевать на народ — если только он не был поводом для проявления их прекрасных чувств — и которого они не только не знали и не желали знать, но даже просто не замечали лиц извозчиков, на которых ездили в какое-нибудь Вольно-экономическое общество. Мне Скабичевский признался однажды:*

— Я никогда в жизни не видел, как растет рожь. То есть, может, и видел, да не обратил внимания.

А мужика, как отдельного человека, он видел? Он знал только «народ», «человечество». Даже знаменитая «помощь голодающим» происходила у нас как-то литературно, только из жажды лишний раз лягнуть правительство, подвести под него лишний подкоп. Страшно сказать, но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы прямо несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чём кричать и писать? А без этого и жизнь не в жизнь была».

В конце XIX века в глазах многих представителей российской интеллигенции деревня представляется в безнадежно черном цвете как царство темноты, невежества, отсталости, а крестьяне — как какие-то непонятные существа. Наиболее характерным примером непонимания крестьянской культуры может служить изображение деревни в рассказе А.П. Чехова «Мужики». Здесь крестьяне наделены самыми отрицательными чертами, какие можно найти в человеческой природе.

Рассказы, подобные чеховским «Мужикам», вызывали резкий протест в русском обществе. Лев Толстой оценивал рассказ Чехова «Мужики» как *«грех перед народом. Он (Чехов) не знает народа». «Из ста двадцати миллионов русских мужиков Чехов взял только темные черты. Если бы русские мужики были действительно таковы, то все мы давно перестали бы существовать»*.

Нигилизм заразил, конечно, не всю русскую интеллигенцию. Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, тысячи других истинно русских людей открещивались от этой духовной чумы. Тогда их объявляли «противниками прогресса». Удивительно актуально читаются сегодня слова Ф.М. Достоевского: «Не против прогресса мы, Боже сохрани, но дело в том, что в прогресс-то идут стертые пятиалтынные люди, люди без предания, с ненавистью, а ненависть есть явление ненормальное».

Особую роль в разрушении Русского мира играл хазарский фактор. Наследникам идеологии Хазарского каганата, евреям-ашкеназам, жившим тогда преимущественно в западнорусских землях и постепенно проникавшим в главные города России, были абсолютно чужды ценности Русского мира. Более того, в силу исторических особенностей национального развития им были более близки ценности западного мира, чего они, впрочем, никогда и не скрывали. Мироощущение и мировосприятие Русского народа были совершенно иными, чем мировосприятие евреев, это отмечал еще в XI веке митрополит Иларион.

Черта оседлости, установленная в XVIII веке русскими царями для евреев, носила не дискриминационный, а национально охранительный характер. Русское правительство не ставило своей целью ущемлять права евреев, а защищало права абсолютного большинства простого русского крестьянства, воспитанного на иных нравственных началах и поэтому беззащитного перед буржуазным духом, который, по справедливому замечанию К. Маркса, несла в себе значительная часть еврейства. Правительство как бы разводило границы разных миров, стремясь избежать их противостояния.

Какие бы враждебные силы ни противостояли Русскому миру, все они были рождены или инициированы на Западе. Нажим на Россию был естественным проявлением развития западной цивилизации, представители которой смотрели на нашу страну глазами голодного хищника. Этот образ зверя, нависшего над Русью, постоянно тревожит сознание русского человека с XV—XVI веков, выражаясь в разных литературных произведениях.

Западной экспансии противостояли прежде всего простой Русский народ (в основном крестьянство) и часть священства и купечества.

В конце XVIII — первой половине XIX века процессу разрушения ценностей Русского мира противостоит подъем духовной жизни, возрождение идеалов Святой Руси, яркими выразителями которого стали святитель Тихон Задонский и

старец Паисий Величковский, издавший на русском языке «Добротолюбие». Именно с этого времени получает развитие оптинское старчество, ставшее одним из духовных центров национального возрождения России и притягивающее к себе Гоголя, Достоевского, Толстого.

В середине XIX века духовные ценности Святой Руси находят поддержку и в среде некоторой части дворянской интеллигенции. Славянофилы И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский и еще целый ряд русских мыслителей стали последовательными защитниками национальных основ жизни, творчески трактуя формулу исторической России — «Православие. Самодержавие. Народность». Общинность и артельность, по их мнению, являются основой государственного и общественного строя России. Община гарантирует равенство жизненных условий массе народа, земледелец является и землевладельцем. В то время как Запад обманывает низшие классы призраком формальной свободы, Россия обеспечивает их лучше, а именно фактической свободой и самостоятельностью в рамках традиций и обычаев самоуправляемой общины. Так как Русский народ, благодаря общине, навеки обеспечил себя землею, то в противоположность разъедаемым социальной болезнью западноевропейским народам он является юным носителем будущего. Община — самое ценное наследие, удержанное Русским миром от истории. С ним народ вступил на мировую сцену, чтобы выполнить свою историческую миссию: установить общественную организацию на место общественной анархии, которую оставит сходящая со сцены Европа.

Главная заслуга славянофилов в том, что они с полной определенностью поставили вопрос об использовании национальных особенностей и самобытности народа, выражаемых в его традициях, обычаях и идеалах, как об обязательном условии успешного культурного и социально-экономического развития страны.

XX век в истории Русского народа начинается со стремительного возвышения России во всех областях жизни. Никогда еще страна не знала такого бурного роста населения, уровня жизни, темпов экономического развития. Непревзойденных высот достиг расцвет литературы, искусства и науки. Многие русские и иностранные ученые предсказывали России великое будущее и резкое усиление ее роли в мировом сообществе.

Крушение Российской державы в 1917 году было неожиданным и вызвало резкое разочарование. Даже некоторые добросовестные историки заговорили о внутренней слабос-

ти России, ставшей причиной ее гибели, имевшей якобы неизбежный характер. Заблуждение это бытует и до сих пор.

Однако непредвзятое изучение исторических источников, и прежде всего ранее недоступных архивов, в том числе масонских, позволяет полностью опровергнуть это заблуждение. Россия пала не потому, что была слаба и сильны были ее враги, а от удара в спину в результате заговора многочисленных антирусских сил как во вне, так и внутри страны. Заговор этот был инициирован западными странами, с глубоким беспокойством наблюдавшими за возвышением России, видевшими в ней угрозу своим национальным интересам и колониальной политике. «К самым примечательным явлениям момента, — писал в 1902 германский канцлер Бюлов, — принадлежит постепенное выявление антирусского течения даже там, где это меньше всего ожидаешь. Для меня растущая русофобия — установленный факт, в достаточной мере объясняющийся событиями последней четверти века». Как мы убедимся в дальнейшем, вся западная политика XX века проходила под знаком русофобии. Причем речь здесь шла не о каком-то конъюнктурном моменте, а о глубочайшей закономерности мировой истории. Противоборство между Россией и Западом было неразрешимым противоречием двух разных миров: русского — духовного, христианского, и западного — агрессивно-потребительского, антихристианского, ориентированного на эксплуатацию других народов. К концу XIX века среди великих цивилизаций (индийской, китайской, арабской и др.) только Россия удерживала свои независимые позиции как в части сохранения уникальной духовной культуры Русского народа, так и в части политической и экономической независимости от западного мира.

Шестая часть Земли, наделенная от Бога огромными богатствами, уже давно стала объектом вожделения западных государств. Многочисленные попытки завоевать ее завершались полным поражением. Однако в течение веков в стране образовалась своего рода пятая колонна, состоявшая из некоторой части дворянства, чиновников и интеллигенции, лишенных национального сознания, предпочитавших русским народным основам жизни формы и представления, заимствованные из Западной Европы и США. Представители пятой колонны хотели жить в России так же, как на Западе, не осознавая, что материальное благополучие западного обывателя основано на эксплуатации других народов. Если еще в конце XVIII века пятая колонна в России была незначительной величиной, то к началу XX века становится влиятельной силой, приобретая опасный для Русского государ-

ства характер. Отказывая России в праве на собственный путь развития, западнически настроенные дворянство и интеллигенция оценивают русскую жизнь по западноевропейской шкале ценностей и решительным образом отвергают ее самобытные черты, предлагая заменить их формами западной цивилизации. Предложения эти носили явно антирусский характер, т.е. предусматривали уничтожение всех исторических устоев России: народной монархии, Православия, богатейшей народной духовности, самобытных форм организации жизни, труда и хозяйства, которые Русский народ пронес через тысячелетия, построив на их основе могучую державу и великую культуру.

Война против Русского мира за его ресурсы и «жизненное пространство» в начале XX века начинается с агрессии Германской и Австро-Венгерской империи против славянских народов. Агрессоры планировали захват малороссийских, белорусских, польских и прибалтийских земель, находившихся в составе Российской Империи. В этой войне германцы использовали свои традиционные методы геноцида против неугодных народов, применяли ядовитые газы и другое оружие массового уничтожения, осуществляли массовые расстрелы мирного населения. В целях подрыва боеспособности российского государства германские спецслужбы в 1916—1917 годах направили на подкуп российских оппозиционных партий и пятой колонны огромные денежные средства, большая часть из которых попала в руки Ленина и большевиков. На немецкие деньги большевики устроили в Петрограде беспорядки, организовали бандгруппы по убийству полицейских и государственных служащих. Так начиналась «цветная» революция 1917-го, организованная по планам германского генштаба, но впоследствии поддержанная Англией, Францией и Италией для ослабления и разрушения Русского мира и захвата его ресурсов.

К 1917 году был нарушен баланс сил между национальной Россией и антирусскими силами, составляющими значительную часть образованного и правящего слоя страны. Под влиянием войны и при активной подрывной деятельности левых партий, с привлечением денежных средств немцев и масонских лож, произошел трагический прорыв в «плотине» национальной России.

«Цветная» революция 1917 года имела не социальный, а национальный антирусский характер. Она была направлена против Русского мира. В этой революции хорошо организованные антирусские силы Запада дали бой национальной России подрывным, предательским путем, предварительно

уничтожив (развалив изнутри) ее главные национальные центры. «Цветная» революция 1917 имела два этапа: либеральный (масонский) и большевистский. Причем на первом этапе были созданы окончательные условия для развития второго. Погром национальной России был начат масонским правительством Львова — Керенского. В течение нескольких месяцев это правительство сделало всё по разрушению Русской армии и государственного аппарата, расчистив путь для большевистского погрома. Почему же стал возможен большевистский режим?

Во-первых, большевикам благоприятствовало напряжение в обществе, главная суть которого состояла в недоверии большей части народа к правящему слою и интеллигенции, ибо для народа они были чужаками, людьми другой культуры, несправедливыми и лукавыми. В глазах народа абсолютен был только авторитет царя и царской власти, остальная же часть правящей системы полным доверием не пользовалась. После дискредитации и свержения царя правящий режим потерял всякое оправдание своего существования. Без имени царя он стал просто чужим для большинства русских людей. Большевики очень хорошо сумели использовать это настроение.

Во-вторых, большевики имели возможность черпать кадры из среды бывших чиновников и интеллигенции, лишенной национального сознания. Все интеллигенты, сотрудничавшие с большевиками, военспецы из числа офицеров, служащие из числа чиновников предали Россию и ее национальные интересы.

При большевистском режиме образованное общество трансформируется, его антирусский характер становится абсолютным. Внутри него уничтожается всё национально мыслящее, а само национальное сознание относится к разряду самых опасных государственных преступлений, караемых смертной казнью.

С 1917 года в России воцаряется космополитический режим, вождями которого становятся наследники идеологии Хазарского каганата — еврейские большевики, организовавшие планомерный погром Русского мира и Православной Церкви, расчленение русских территорий и создание на них псевдогосударств, массовые убийства всех несогласных с большевизмом.

Осмысливая причины, по которым большевикам удалось удержаться у власти и, более того, несколько десятилетий управлять страной, прежде всего следует отметить, что террор и насилие, несмотря на их ужасный и глобальный характер, были не главными и даже не первостепенными условия-

ми укрепления их господства над великой страной. Главное состояло в том, что им удалось осуществить кощунственную подмену истинных святых ориентиров духовной жизни ложными. Сознательно или бессознательно большевики сумели найти отклик в душах определенной части русских людей, эксплуатируя, а точнее — паразитируя на многих светлых чувствах, на духовных ценностях Русского мира, и прежде всего добротолюбии, любви к Родине, психологическом неприятии зла и желании активно бороться с ним. Страшное кощунство состояло в том, что большевики предлагали осуществление этих светлых чувств вне Бога, вне православных традиций, более того, в борьбе с Богом.

Недолгое правление масонского Временного правительства лживой пропагандой осквернило одну из главных святынь русского человека — веру в царя, а вместе с ней была глубоко дискредитирована и Русская Церковь. Кампании против «попов» впервые начали именно масоны. Конечно, они не могли уничтожить Православие. Однако в сознании многих простых людей отказ правящих слоев от веры и глумление над нею стали глубокой кровоточащей раной. Продолжив вслед за Временным правительством дискредитацию и разрушение Православия и осквернив многие национальные святыни, большевики вместе с тем не смогли поколебать фундамент русской национальной психологии, существовавшей не одно тысячелетие. Этим фундаментом были народные представления о добротолюбии, борьбе с мировым злом, любви к Родине (к своей почве) и вера в ее особое предназначение.

То, что впоследствии объявлялось принципами коммунизма (как, например, кодекс строителя коммунизма), было во многом созвучно народным представлениям о добре и зле. Жупел капитала (капитализма, капиталистов) и враждебного капиталистического окружения в народном сознании ассоциировался с представлениями о мировом зле, с которым, согласно русской психологии, следует бороться до конца. Образ капиталиста представлялся именно в таком виде, в каком он был отвратителен психологии русского человека: злобный стяжатель, жадный корыстолюбец, стремящийся жить за счет других и презиравший трудового человека. Даже Гражданская война подавалась русскому человеку как борьба с неким мировым злом (в существовании которого у русского человека не было сомнения). А мирный период рассматривался как передышка, за которой последует всемирное сражение за душу человека.

Государством, которое бросило вызов всем силам мирового зла, можно гордиться, за него можно с честью постоять,

ибо оно где-то выражает те же ценности, которые волновали русского и до и после принятия христианства. Идет борьба трудового человека с миром злобного стяжательства, жадности, паразитизма. Речи идеологов большевизма в чем-то пробуждали глубинные идеалы и верование, гордость за особую миссию своей Родины в борьбе со злом.

Антирусский заговор, революции и Гражданская война уничтожили национальных руководителей и большую часть национальной инфраструктуры России. Проявление русского национального сознания считалось контрреволюционным преступлением. Положительно воспринимались только отрицательные отзывы о русской истории и характере русских. Национальная культура, литература, искусство, являвшиеся отражением русского сознания, подверглись невиданному в истории погрому, на некоторое время замерли, затаились, ушли в подполье или были вытеснены на периферию общественной жизни. На освобожденном месте начинает возникать новый культурный феномен (имевший ростки еще до 1917 г.) — культура, литература, искусство «малого народа» (основу которого составляли евреи). Однако духовные ценности Русского мира хотя и были сильно разрушены, но не погибли. Так, начиная с 1917 года параллельно друг с другом, даже переплетаясь, развиваются две культуры: собственно русская и псевдокультура «малого народа». Последняя, конечно, не могла утолить духовную жажду русских людей и существовала как эрзац духовности, проявление деятельности духов тьмы.

В 30-е годы в рядах правящей партии возникает русское государственное течение, возглавляемое И.В. Сталиным. Между космополитами и государственниками завязывается жестокая борьба, закончившаяся решительной победой сторонников Сталина и физическим уничтожением преступной верхушки наследников хазар. Русскому народу отчасти возвращается роль организующего и руководящего ядра государства, восстанавливаются границы великой России, возрождаются русское национальное сознание, Православная Церковь, отечественные традиции и обычаи.

Весь XX век Запад не прекращает свои попытки подчинить себе Русский мир, присвоить его огромные территории и богатства. Фашистские традиции англосаксов и романогерманцев проявляются в это время с особым зверством и нечеловеческой жестокостью. Их отличает геноцид целых народов (прежде всего славян), массовое убийство мирных жителей, повальные грабежи и насилия. В 1941—1945 годах с войной на Русский мир выступает Германия, сплотившая в

своих фашистских ордах миллионы представителей стран Западной Европы. В результате этой войны Русский мир потерял 30 млн. человек, причем большую часть погибших составили мирные, безоружные жители.

Из 10 млн. германских завоевателей и их пособников, вторгнувшихся в Русский мир, большая (около 8 млн. человек) часть была зарыта в землю на его территории. Так Русский мир освобождал человечество от фашистских традиций Запада! От западного влияния были освобождены многие славянские страны. Победа над фашистской Германией усилила Русский мир. Этому способствовала политика Сталина.

После смерти Сталина в СССР вновь устанавливается космополитический режим, возобновивший преследование Русской Церкви, закрытие православных храмов. Отстранение Хрущева несколько улучшило положение. В партийном и советском руководстве начинают параллельно сосуществовать две противоположные силы: русско-государственная и космополитическая. Приход к власти Андропова, а затем Горбачева, при активной роли «малого народа», резко изменил баланс этих двух противоположных сил в пользу сторонников Запада и наследников хазар, которые к концу 80-х сумели захватить власть в стране и при поддержке США и западных режимов, расчленить Великую Россию — СССР.

Космополитический режим Ельцина стал ширмой, прикрываясь которой мировая закулиса руками мафиозно-предпринимательских авторитетов, теневых дельцов и коррумпированных чиновников пыталась управлять Россией. Преступная конспирация этих сил принесла нашей стране огромный урон, однако не сумела достичь главного — полностью расчленить Россию и поработить Русский народ. Всё сильнее и увереннее проявлялись национальные процессы, которые ставленники мировой закулисы не могли остановить. Стала резко возрастать роль Русской Церкви, широко пробуждалось национальное сознание, усиливалось национально-освободительное движение русских людей в государственном аппарате, среди предпринимателей, в сфере культуры, науки и искусства. Ширилось число людей, мыслящих категориями национальных интересов России. Православная Россия по сей день остается главным духовным оппонентом западного мира. Очень закономерно признание известного сатаниста, секретаря Трехсторонней комиссии мирового масонского правительства З. Бжезинского: «После разрушения коммунизма главным врагом Америки осталось русское православие».

После распада СССР англосаксы и романо-германские народы не прекращали своих попыток окончательно подчинить себе Русский мир, расчленить и ограбить его. Как орудие борьбы с Россией использовались и продолжают использоваться псевдогосударства, созданные в советское время на тех территориях, на которых никогда не существовало государственности. Главная ставка делалась на Украину, земли которой всегда были частью Россию. Из этого псевдогосударства западные кураторы решили создать инструмент по ослаблению и разрушению Русского мира — анти-Россию. Англосаксы и германо-романские страны разрабатывали проекты по изменению сознания жителей Малороссии и Новороссии. Полностью переписывалась история этих регионов. Сочинялись фантастические учебники истории, в которых Малороссия представляется извечным врагом России. Новыми героями становятся изменники и предатели типа Мазепы, масоны и агенты германских спецслужб вроде Грушевского и Петлюры, пособники немецких фашистов вроде Бандеры и Коновальца.

В 1991—2010 годах США и западноевропейские страны выделяют на эти цели десятки миллиардов долларов, большая часть которых идет на организацию пропагандистских антирусских акций, оплату литературы и проведения шествий под флагами фашистских формирований. В результате за 20 лет на Украине возникает новая порода людей, ненавидящих Русский мир и призывающих резать «русню». Именно из этой части украинцев западные кураторы создают боевые отряды против России.

На 2022 год планировалось нападение на нашу страну. Россия упредила эту агрессию. Началась специальная военная операция. Несмотря на огромную помощь Запада, киевский режим понес огромные потери в живой силе и технике. Логика истории диктует нам, что Русский мир должен вернуть в свои границы земли, которые всегда принадлежали ему. Иное решение вопроса приведет к новой войне в будущем.

Надо помнить, что Русский мир всегда является одним из главных удерживающих факторов для всех мировых агрессоров, прежде всего США и их сателлитов по НАТО. Россия являет свое духовное превосходство над странами Запада, сохраняющими в себе фашистские традиции и продолжающими совершать военные преступления против человечества. Война с Западом продолжается. Победить его может только Русский мир.

Михаил КУЛЕШОВ

РУССКИЙ СМЫСЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

В последние месяцы в фокусе внимания русской национал-патриотической общественности находится проблема повсеместной и системной выдачи жилищных сертификатов и денежных средств на покупку жилья семьям недавно натурализованных мигрантов. Новые «граждане», недавно, по сравнению с коренными местными жителями, вставшие в очередь на улучшение жилищных условий по воле местной бюрократии, стремительно преодолевают десятки позиций очереди и оказываются фаворитами в гонке за предоставляемые государственные блага. Широкий общественный резонанс и волны протестного возмущения коренных жителей заставляют бюрократов избирать стратегии практической обороны и идейного оправдания своих действий, радикально враждебных русскому и другим коренным народам России.

Некоторые чиновники старательно ликвидируют документальные доказательства своих деяний, очищая информационное пространство от фотографий и видеороликов, на которых они запечатлены в момент раздачи жилья и денег на его приобретение «новым гражданам». Другие, руководствуясь извест-

ной максимой о нападении как лучшем виде защиты, в хамском тоне угрожают протестующим против произвола судебными расправами в рамках борьбы с экстремизмом.

Но есть и те, кто находит идейные оправдания своим вопиющим актам поддержки федеральной политики замещающей миграции. Особо настораживает тот факт, что одним из аргументов является спекуляция на теме великой Победы. Так, глава администрации Скопинского района Рязанской области Михаил Ромодин оправдал выдачу жилищного сертификата узбекским мигрантам тем, что 80 лет назад народы СССР (узбеки в том числе) вместе с русскими единым фронтом отражали гитлеровскую агрессию. Фактически Великая Победа в монологе Ромодина превратилась в индульгенцию для любых форм русофобской бюрократической активности. Ссылкой на Великую Победу Ромодин оправдывает не только сам акт выдачи мигрантам жилья, но и всю политику массового завоза в Россию чужеродного элемента с его последующей паспортизацией и фактической постановкой в привилегированное положение в сравнении с коренным населением.

Можно просто возмущаться столь наглыми спекуляциями, однако гораздо эффективнее проанализировать современный идейно-политический контекст их возникновения. Национально-патриотическая общественность привыкла высмеивать невежество современных американских и китайских политических лидеров, часто заявляющих о решающем вкладе их стран в победу над нацистской Германией и милитаристской Японией. Однако в самой России все последние годы происходит тектонический сдвиг в восприятии Великой Войны и Победы, который практически не привлекает внимания патриотических ученых и публицистов. Современная трактовка Войны и Победы в академической науке, системе образования, культуре и писаниях провластных аналитиков и экспертов, радикально отличается от той, которая сформировалась и была распространена в сталинскую эпоху и, в общем, достаточно верно отражала подлинные исторические реалии.

Со времени издания в 1943 году известного труда видного историка академика Н. Державина о многовековом противостоянии германства и славянства «Вековая борьба славян с немецкими захватчиками», Война рассматривалась как кульминационный момент натиска воинственного германизма на славян, олицетворяемых в то время русским народом в его историческом триединстве (великороссы, малороссы и белорусы). Этнополитический и геополитический смысл

Войны сводился к решающей схватке славян с немцами, то есть к смертельному противоборству немцев и русских. Вполне логично, что в данном контексте Победа воспринималась как достижение, прежде всего и по преимуществу русского народа, положившего конец многовековой этнополитической и геополитической экспансии германизма. Этот смысл Победы отразил в своем знаменитом тосте и Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, публично признавший **отдельный и наиболее выдающийся вклад русского народа** в разгром гитлеризма. Известное обращение Сталина к гражданам СССР в начале Войны, было преимущественно обращением к русскому народу. Известная форма обращения «братья и сестры» явно рассчитана на коллективный подсознательный архетип русского народа и ничего не могла сказать глубинам подсознания нерусских народов. На пробуждение исторической памяти именно русского народа нацелено и перечисление национальных героев, пример которых должен вдохновлять современные поколения. Названные Сталиным персонажи — герои национально-освободительных войн русского народа, значимые исключительно для русской коллективной памяти. Вся сталинская культурная реставрация, вернувшая русскому народу гордость за величие и подвиги предков, была рассчитана именно на пробуждение русского национального самосознания и русской исторической памяти перед лицом нараставшей германской угрозы. Историки и публицисты до сих пор не пришли к окончательному выводу об искренности и прагматичности мотивов сталинского консервативного идеологического поворота. Однако для нашей темы принципиально другое — Сталин понимал, что грядет смертельная схватка русского народа с немцами за возможность продолжить собственное независимое бытие в истории. Поэтому максимум усилий было направлено на возрождение русского национального чувства и самосознания.

Важен и другой факт. В 1941 году Сталин просто не имел и не мог иметь другого исторического субъекта обращения, кроме русского народа, поскольку практически до середины 30-х годов вся советская национальная политика заключалась в теоретическом отрицании необходимости интеграционных практик правительства Российской Империи под предлогом пагубности «великорусского державного шовинизма» и практическом создании в рамках якобы единого государства множества новых нерусских наций с последующим их наделением всеми атрибутами государственного суверенитета (собственные территории, правительства, искусственно созданные языки).

Наиболее характерной чертой описанной политики являлась так называемая «коренизация», то есть дискриминация русских кадров и русского языка и создание преимущественного и привилигированного положения для «титульных» народов. Об этой политике существует прекрасное исследование Т. Мартина «Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР. 1923—1939». Следует сказать о не совсем верном переводе названия в русском издании. Речь в монографии идет не о «положительной деятельности», а о «позитивной дискриминации» русского народа в раннем СССР. Данный термин используется в современной науке для описания официальной политики угнетения и дискриминации белого большинства в современных США в пользу расовых меньшинств. В таком же положении находился и русский народ в первые десятилетия советской власти. Логично поэтому, что никакой общегражданской идентичности к моменту начала Великой Войны не существовало, поскольку ранние большевики не только уничтожили все имперские институции, нацеленные на интеграцию Империи в единое культурное и гражданско-правовое пространство, но и создали идеальные условия для зарождения местных национализмов и сильнейших центробежных тенденций. Поэтому Сталин вполне логично аппелировал к единственному народу, имевшему общегосударственное чувство и сохранившему представление об общегосударственном интересе.

Однако в дальнейшем на смену описанному логичному и ясному пониманию роли русского народа в Войне, пришла концепция Победы, одержанной «советским народом». Советская послесталинская бюрократия ничего не могла поделать с постепенно укоренявшимся в национальных республиках этнократизмом и встала на позицию полного игнорирования нарастающих межнациональных противоречий.

Вместо реальных мер по борьбе с возрастающими националистическими тенденциями, для самоуспокоения и прикрытия собственной некомпетентности в законодательство было введено положение о «советском народе как новой исторической общности». Реальное наличие или отсутствие этой общности до сих пор является дискуссионным среди ученых и публицистов. Для нашей темы важно, что вместо трактовки Победы как подвига, прежде всего и преимущественно русского народа с посильным участием других народов, утвердилась трактовка Победы как подвига советского народа. Эта трактовка по существу лишила смысла попытки выяснения реального вклада разных народов в Победу и постановку вопроса о решающей роли русского народа в Великой

Победе. Тезис о Победе советского народа до сих пор является ключевым и основополагающим для российской академической науки. Для доказательства достаточно привести название пршедшей 26 марта сего года в РАН научной сессии к юбилею Победы — «Великая Победа советского народа: История и память». Таким образом, решающий вклад русского народа в Великую Победу стал фигурой умолчания и своеобразным табу для исследователей.

Трактовка Победы как подвига советского (но не русского народа), как видно из названия широко освещаемой в прессе научной сессии РАН, благополучно пережила перестройку и с новой силой актуализируется в современном идейно-политическом, научном и образовательном пространствах. Однако аморфность формулировок наиболее авторитетных ученых России вполне логично корректируется на более низких уровнях академической науки и в информационном потоке, рассчитанном на рядового обывателя. На этих уровнях «Победа советского народа» приняла теперь облик «Победы многонационального советского народа».

Можно найти множество научных и студенческих конференций за последние годы, в которых встречается указанное режущее слух любому здравомыслящему русскому человеку словосочетание. Для примера отметим крупную международную конференцию в Хабаровске осенью 2022 года с названием «Победа советского многонационального народа во Второй мировой войне». Упомянем здесь и крупный информационно-просветительский проект московских властей, носящий неудобоваримое название «Многонациональная Победа», рассчитанный на трансляцию вышеназванных научных концептов в широкую обывательскую среду. Таким образом, по сравнению с советским временем в концепцию Победы советского народа добавилось понятие «многонациональный народ», которое непосредственно связано с современной порочной и губительной для русского народа государственной национальной и миграционной политикой. На современном этапе описанная трансформация дает повод исследователям, провластным экспертам, политикам, журналистам, деятелям культуры и образования не просто игнорировать заслуги русского народа в Войне, но и сознательно преувеличивать и переоценивать роль нерусских народов в достижении Победы.

Ситуация игнорирования заслуг русского народа и преувеличения заслуг нерусских народов в достижении Победы вполне логично именно в современной РФ достигла своего пика и кульминации. Понятие «советского народа» подра-

зумевало сложившуюся в СССР новую историческую общность и не требовало особого акцентирования на вкладе в Победу конкретных народов. Таким образом, хотя и был забыт и убран с глаз решающий вклад русского народа в Победу, не было политико-идеологической мотивации и к чрезмерному акцентированию вклада нерусских народов. Однако по своему содержанию понятие «советского народа» пусто в силу полного игнорирования реальных фактов национального разнообразия и этнических противоречий. Это понятие отражало временный баланс влияния между вернувшим себе державную роль во время Войны русским народом и временно затаившимися союзными этнократами всех мастей. Поэтому понятие «советского народа» должно было с крушением СССР трансформироваться либо по формуле «русский государствообразующий народ и другие коренные народы России» при политическом первенстве русского народа в случае утверждения в РФ национально-патриотического режима, либо по формуле «многонациональный народ России» при политическом доминировании объединенных национальных меньшинств в случае утверждения в РФ режима либерально-космополитического. Осуществившийся второй вариант был еще и отягощен целенаправленно введённым в Конституцию антинаучным понятием «многонационального народа», не вводящим принципиальной разницы между коренными народами России и народами, имеющими за пределами РФ собственную государственность. В итоге был осуществлен идейный и практический реванш национальных меньшинств в этнополитической борьбе за влияние с русским народом, а национальная политика РФ стала идейным и практическим клоном раннего большевизма. Затем вполне логично историческая правда о Войне была принесена в жертву — сначала необходимости идейного оправдания многоаспектного неравноправного положения русского народа в РФ по сравнению с другими коренными народами, а затем и необходимости оправдания открытия границ и запуска процессов замещающей миграции.

Итак, мы вплотную подошли к ситуации, когда повсеместно с высоких трибун бюрократы просто объявляют о том, что Победа достигнута благодаря «многонационалам». Вместе с этой тенденцией и в соответствии с ней, растут претензии самих «многонационалов», которые собираются жить на русской земле вместо нас, а для этого им надо убедить русский народ в том, что и Войну они вместо нас выиграли. Изданный ИНИОНом РАН в 2024 году аналитический обзор «Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветс-

кого Востока, Китая», вызвавший широкий негативный резонанс в русской национал-патриотической среде, при всей своей беглости и поверхностности, указывает на некоторые характерные тенденции в освещении Великой Войны. Так, в Таджикистане уделяют особое внимание участию «таджиков в крупнейших сражениях различных этапов Великой Отечественной войны... в партизанских и антифашистских движениях, освобождении Европы». Таким образом, говоря простым языком, в таджикских учебниках делается особый акцент на роль таджиков во время военных действий. Как можно понять, о роли русского и других народов СССР таджикским учащимся специально и отдельно не сообщают. Такой подход в перспективе вполне может привести к претензиям таджиков на особый статус по итогам Войны, поскольку им не сообщается о том, что все их отдельные подвиги (мы не ставим пока вопрос об объективности трактовки военных действий таджикскими учеными) стали возможными только благодаря массовому и постоянному героизму русских солдат советской армии, в составе которой они воевали. В Узбекистане делают акцент на своей роли в сохранении промышленного и научно-образовательного потенциала русского народа, поскольку «в регион была эвакуирована большая часть населения из Центра, а также промышленные предприятия. В частности, из 308 эвакуированных в Среднюю Азию и Казахстан предприятий более 100 были размещены в Узбекистане. Подчеркивается роль Узбекистана в сохранении интеллектуальной элиты России, Белоруссии и Украины. В этот период из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Воронежа и других городов были эвакуированы 31 высшее учебное заведение и 7 военных академий». Узбекские историки, видимо, сознательно умалчивают о количестве оставшихся в России предприятий и учебных заведений. Однако даже если признать значимость приведенных цифр, остаются не проясненными два принципиальных момента. Во-первых, эвакуация предприятий и образовательных учреждений в Узбекистан вовсе не означает, что узбекский народ внес существенный вклад в их функционирование. Во-вторых, в принципе эвакуация могла быть осуществлена в любое другое место азиатской части России. Таким образом, проблема места расположения эвакуированных предприятий и учреждений вторична по отношению к тому факту, что их функционирование обеспечивалось русскими кадрами. Настораживает своеобразный мессианский тон узбекских учебников, в которых учащимся внушается особая роль узбеков в спасении русской интеллектуальной элиты. Понятно, какие мас-

штабные претензии узбеков на наследие Победы могут последовать из таких трактовок и интерпретаций. Учитывая русофобское сознание нынешней российской бюрократии, современное скорбное состояние российской исторической науки и удручающий уровень массового сознания современного русского общества, национально-патриотическая общественность не сможет ничего противопоставить указанным претензиям. Почва для приватизации Победы «многонационалами» в идейном и практическом отношении уже подготовлена русофобствующей бюрократией. Самое неприятное то, что в описанной выше трактовке, исключающей русский народ как главного исторического актора Победы, уже заложено оправдание массового переселения нерусских народов в Россию и вытеснения русского народа с его исконных земель. В описанной схеме Победу завоевали «многонационалы», они и должны пользоваться благами, полагающимися победителям.

Оправдание теории и практики замещающей миграции Святым Образом Великой Победы недопустимо. Победа должна быть возвращена русскому народу как главный исторический предмет гордости, пробуждающий национальную энергетику и стремление к сохранению себя как суверенного политического субъекта внутри России и на международной арене.

Должна быть снова создана и признана каждым, претендующим на звание русского национально-патриотического мыслителя и деятеля, приемлемая для русского народа трактовка Победы. Вариант такой трактовки может выглядеть следующим образом. **Русский народ при участии других народов СССР, не носящем принципиального и решающего значения, одержал Победу над воинственным германизмом, своим многовековым этнополитическим конкурентом и соперником.**

Разумеется, такая трактовка должна быть подтверждена эмпирическими фактами и доказана. Благодаря немногим оставшимся честными и объективными историкам, фактические выкладки и общие выводы которых просто замалчиваются высшей научной бюрократией, у нас есть такая возможность. Воспользуемся данными А. Безугольного из его монографии о национальном составе советской армии «Национальный состав Красной армии. 1918—1945. Историко-статистическое исследование». Доля великороссов в составе советской армии составляла в процентах от общего числа военнослужащих от 56,39% в 1941 году до 61,83% в 1945 году. Максимальный процент численности великороссов зафиксирован на июль 1943 года — 70,17% от общей численности воюющих советских солдат. В численном выражении это 8 104

749 человек. Минимальная численность великороссов за годы Войны зафиксирована на январь 1943 года — 6 395 994 человека. Присовокупим данные по украинцам (как их именовали коммунисты и продолжает именовать Безугольный), то есть в нашем понимании — малороссам. Точные данные об их численности известны с 1943 года. Доля малороссов в процентах от общего числа колебалась от 10,87% в 1943 году до 20,44% в 1945 году. Максимальный процент численности малороссов зафиксирован на июль 1943 года 21,17%. В численном выражении это 2 534 519 человек. Минимальная численность малороссов зафиксирована на январь 1943 года — 995 784 человек. Подсчет численности малороссов в составе советской армии в первые военные годы осложнен стремительной оккупацией малороссийских земель гитлеровцами, однако до войны численность малороссов в советской армии стабильно держалась на уровне 25%.

Возьмем теперь для примера некоторые, особо обласканные Кремлем народы, которые получают в России все мыслимые и немыслимые блага, видимо, и за свой «великий» «многонациональный» вклад в Победу. Начнем с особо привилегированных таджиков. Итак, процент таджиков от общего количества воинов советской армии колебался от 0,47% в 1941 году до 0,19% в 1945 году. Для наглядности сравнения — максимум численности таджиков в советской армии зафиксирован в 1943 году — 55 929 человек. Минимум зафиксирован в 1941 году — 16 885. Собственно, цифры сами подскажут каждому здравомыслящему русскому человеку, соразмерен ли вклад таджиков в Победу с тем исключительным положением, которое они занимают в РФ. Об исключительности их положения свидетельствует как процент таджиков, проживающих в РФ от общей их численности (по самым минимальным оценкам при номинальной численности населения Таджикистана около 10 млн. человек, в России проживает около 3 млн. таджиков, то есть треть таджиков переехала в РФ), так и соглашения о двойном гражданстве, обеспечивающие им возможности материального паразитирования на русском народе. Не забудем и известный из разнообразных открытых источников процент ВВП самого Таджикистана, формируемый проживающими в России мигрантами — по различным оценкам за 2022—2023 годы он составляет от 48,2% до 50,95%, то есть, как минимум, половину ВВП.

Другой народ, имеющий, колоссальные финансовые ресурсы (на 2020 год совокупный капитал азербайджанского лобби в России составлял 50 млрд. долларов), активно осваивающий русское жизненное пространство (на тот же 2020

год численность азербайджанской диаспоры оценивалась в 3—3,5 млн. человек) и широкие возможности политического давления на органы власти, — азербайджанцы. В процентном отношении их численность в составе вооруженных сил колебалась от 1,09% в 1941 году до 0,46% в 1945 году. В численном выражении максимум азербайджанцев наблюдался в 1942 году — 112 983 человек, минимум в 1945 году — 55 336 человек. Снова сравниваем приведенные цифры с процентом и абсолютной численностью русских воинов — и снова здравый смысл подсказывает, насколько реальный вклад азербайджанцев в Победу соответствует современному влиянию азербайджанской диаспоры в РФ.

Скажем и об узбеках, поскольку выдачу жилья именно узбекам рязанский чиновник оправдал оскорбительной ссылкой на Великую Победу. Максимум процентной численности узбеков в составе советской армии — 2,45% в 1941 году, минимум — 0,91% в 1945 году. В численном выражении максимум наблюдается в июле 1943 года — 265 336 человек, минимум в 1941 году — 88 368 человек. Вклад узбеков, как видно, превышает показатели таджиков и азербайджанцев, но и он по сравнению с вкладом русского народа малосущественен и незначителен. Тем более что максимальная процентная численность узбеков в советской армии совпадает по времени с минимумом в численном выражении. Таким образом, максимум численности узбекских военнослужащих пришелся на июль 1943 года, когда число только великороссов в советской армии составило более 8 млн. человек, а число малороссов выросло до 2,5 млн. человек. Добавим, что узбеки перевели из РФ в Узбекистан только за 2024 год 14,8 млрд. долларов, а численность узбекской диаспоры по самым минимальным оценкам составляет порядка 1 млн. человек.

Начатое сравнение можно продолжать по многим направлениям. Можно высчитывать процент военнослужащих в соотнесении с общим процентом определенного народа в составе населения СССР, процент убитых и раненых к общему числу воевавших представителей определенного народа (выявляя тем самым степень реального героизма и жертвенности того или иного народа), можно ставить важнейший вопрос о качестве боевой силы, поставляемой в войска разными народами. Данные для освещения поставленных вопросов имеются. Академическая наука и политики не хотят предавать их широкой огласке потому, что соотношение в подавляющем большинстве факторов и рассчитываемых переменных будет в пользу русского народа, а не «многонационалов».

В приведенных цифрах — **весь русский смысл Великой Победы: нерусские народы не внесли в нее принципиального и определяющего вклада ни вместе, ни порознь. Другими словами, русский народ — единственный народ, без участия которого Великая Победа не могла быть достигнута. Ни про какой другой народ СССР этого сказать нельзя. В то же время, на уровне современных научных данных, можно заявить о том, что без участия некоторых народов Великая Война завершилась бы приблизительно в те же сроки и с тем же результатом.** Разумеется, данный вывод совершенно не означает умаления роли нерусских народов и их отдельных представителей во время Великой Войны, а просто задает верную систему координат, позволяющую достоверно установить весомость вклада каждого народа в Победу. В нашем случае такие расчеты приводят к очень простым выводам: **русский народ (великороссы, малороссы и белорусы) был государствообразующим народом СССР и по численности и по уровню развития человеческого потенциала. Не будем забывать, что триединый русский народ составлял (по данным, приведенным в классическом учебнике Истории СССР профессора МГУ А. Вдовина) на 1939 год округленно 135 млн. человек из приблизительно 170 миллионов общей численности населения СССР. Таким образом, к началу войны СССР был мононациональным государством триединого русского народа. Вполне естественно, что он и вынес на себе основную тяжесть военного времени. А. Безугольный в означенном исследовании констатирует: «Несмотря на значительное представительство в Красной армии различных этносов, анализ статистических данных показывает, что основная нагрузка легла в основном на плечи русского народа, чье абсолютное и удельное представительство в войсках с начала войны резко выросло. С января 1941 г. по январь 1943 г. удельный вес русских среди всех народов СССР в рядах Красной армии поднялся с 56,4 до 71,1%, то есть на 14,7%. в абсолютном значении этот прирост выразился цифрой 4 млн. 389 тыс. человек. За два года относительный прирост составил 230,6% (с 2 млн. 33,8 тыс. человек до 6 млн. 722,8 тыс. человек)». При этом роль национальных меньшинств была ни в коей мере не решающей, а всего лишь подсобной.**

Великая Война по существу являлась национально-освободительной войной русского народа, которую он вел, имея в виду лучшее будущее последующих поколений русских людей. **Учитывая приведенные цифры и факты, Россия, претендующая на правопреемство от СССР, должна реализовать право на достойную наследников победителей жизнь, прежде всего для русского народа. Проще говоря, на всей территории Рос-**

сии, включая так называемые «титульные республики», должны быть, в первую очередь, решены все проблемы нуждающихся русских людей. Это должно стать важнейшим практическим следствием выявления реального вклада каждого народа СССР в Победу. Затем должны быть удовлетворены потребности коренных народов России, сообразно их значимости для государства российского в истории и современности.

Отдельно следует сказать о среднеазиатских и закавказских народах. Разрушение СССР повлекло за собой установление в их государствах русофобских этнократических режимов, которые устами политиков и ученых осудили свое прошлое в составе СССР и Российской Империи, повели политику этноцида в отношении русского населения и в ряде случаев запятнали себя тяжкими насильственными преступлениями против русских. Всем этим комплексом действий народы Средней Азии и Закавказья вполне очевидно исключили себя из числа наследников Победы. Если для военного поколения этих народов Война, возможно, и имела смысл как общее дело с русским народом (хотя и этот вопрос проблематичен и не решен окончательно в исторической науке), для современных поколений она превратилась в средство заработка символического (и вполне реального) капитала на своих сильно преувеличенных заслугах. Сама Победа ценностью для этих народов не является, поскольку не является ценностью совместная с русским народом история пребывания в едином государстве. Для иллюстрации этого важного тезиса обратимся снова к обзору исторических учебников в современных среднеазиатских и закавказских государствах. Заканчивая обзор учебников истории Азербайджана, авторы делают следующий вывод: «В учебниках истории для общеобразовательных учреждений Азербайджана представлен образ России как колониальной империи. Вся история России описывается как захваты и оккупации земель с дальнейшей эксплуатацией местного населения. При этом важно отметить, что подобный антиколониальный дискурс особо усиливается в новых учебниках. История России освещается непрерывной линией без разделения на имперский и советский периоды. В период существования СССР авторы четко разделяют Россию и Азербайджанскую ССР, как будто они не были частью единого государства. Жизнь Азербайджанской ССР в этих учебниках истории идет своим чередом, где центральная власть создает беды республике, а местная проводит индустриализацию, поднимает уровень жизни и т.д.»

В разделе обзора, посвященном учебникам истории Таджикистана, рассмотрены всего два учебника с во многом различа-

ющейся трактовкой исторических событий. Заметим при этом, что первый из реферируемых учебников написан представителем уходящего советского поколения ученых. Второй, на котором мы акцентируем свое внимание, написан историком, вошедшим в науку после развала СССР. Надо понимать, что именно его точка зрения является наиболее перспективной в современном Таджикистане, и очень скоро она станет безальтернативной. В учебнике сообщается, что «при русских завоевателях и их преемниках-большевиках... завершилось насильственное отторжение таджиков от исламского мира и его культуры и началось его приобщение через Россию к западным техногенным ценностям... Царская Россия покорила тело, а марксизм-ленинизм большевиков овладел умами таджиков, но сердце осталось непокоренным (т.е. ислам не был низвергнут, а ушел в подполье)... В этом (XX) веке таджики были насильно приобщены к мировым процессам под руководством большевиков, которые наряду с промышленной модернизацией Таджикской Советской Социалистической республики, провели духовный геноцид, исковеркав менталитет народа и искусственно разделив его... на антагонистические классы, что привело к духовному кризису и расколу общества».

В узбекских учебниках истории «время, когда среднеазиатские республики входили в состав Российской империи, а позже СССР, характеризуются как урон национальной идентичности, а также начало экономического и политического кризиса. Редким исключением является признание положительных последствий, таких как строительство заводов и фабрик, открытие школ и вузов... Период советской власти в основном описывается как время гегемонии. Во многих параграфах говорится скорее о негативных последствиях советских преобразований, чем о положительных. Авторы отмечают, что население выступало против нововведений и организовывало освободительное движение. Лишь в нескольких абзацах упоминается о том, что Советский Союз развивал в республике промышленность, науку и образование».

Приведенные прямые цитаты в особенных комментариях не нуждаются. Следует сказать, что перед нами прошли те идеи, которыми индоктринированы (заражены) современные нам представители народов, осваивающих русское жизненное пространство. Этот факт нужно понимать и, исходя из него, не позволять диаспорам и отдельным представителям этих народов под предлогом их заслуг в Войне оттеснять русских граждан от государственных благ.

В итоге следует сказать о необходимости срочного пересмотра навязываемой властными мультикультуралистами и

различными «многонационалами» трактовки Великой Победы. Для этого русская национально-патриотическая общественность должна прежде всего отказаться от господствующей сегодня в описаниях Великой Войны терминологии. Национал-патриоты должны бойкотировать такие концепты, как «Победа многонационального советского народа», «Многонациональная Победа» и т.п., поскольку именно они подпирают собой и оправдывают современную национальную и миграционную политику, лишающую русский народ исторического будущего. Фактически речь идет о том, что у русского народа при его молчаливом согласии и равнодушии публично и открыто на идейно-мировоззренческом уровне отбирают самый грандиозный подвиг в его истории и передают его другим народам. Вполне логичным следствием этого процесса является и практическая передача материальных благ, по праву принадлежащих русским как наследникам русского народа-победителя другим народам в лице их все умножающихся представителей. Причем речь идет уже даже не о незаконной приватизации самых прибыльных активов российской экономики, а о перераспределении скудных бюджетных средств русской провинции в пользу мигрантов. Для исправления ситуации необходимо создать альтернативную национал-патриотическую трактовку Победы и всеми имеющимися ресурсами внедрять ее в русское общественное самосознание, излечивая его от равнодушия. В перспективе необходимо объединение усилий национал-патриотических ученых и создание объективной истории Великой Войны с подробным описанием и обоснованием роли каждого народа в достижении Победы. В современную эпоху острейшей этнополитической борьбы за постоянно оскудевающие ресурсы вклад каждого народа в Победу не только может, но и должен быть подсчитан и обнародован. Это деяние покажет русскому народу обоснованность претензий каждого народа бывшего СССР на русское историческое наследие и избавит русское общество от необходимости постоянно платить по несуществующим долгам. Неприемлема ситуация, когда русский народ, спасший все народы СССР от порабощения гитлеризмом, находится в неравноправном, зависимом и униженном положении перед теми, кого он спас ценой миллионов жизней своих лучших сынов. Необходимо начать борьбу за возвращение Победы ее настоящим и полноправным владельцам. Успех в этой борьбе автоматически позволит в корне изменить порочную национальную и миграционную политику современной РФ.

Андрей КОСТЕРИН

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ. ОПЯТЬ...

Предпобедные дни юбилейного года 80-летия Победы вновь и вновь возвращают нас к тем незабываемым дням, вновь и вновь позволяют пережить радость со слезами на глазах от освобождения очередного города от нацистов. 4 апреля 2025 года мы отмечали сразу два героических события — 80-летие освобождения Братиславы и освобождения Венгрии.

4 апреля 1945 года Красная армия в ходе Братиславско-Брновской наступательной операции освободила столицу Словакии. Войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Родиона Малиновского на подступах к Братиславе разгромили крупную группировку вермахта из состава группы армий «Юг». Одна из последних крупных операций на Восточном фронте имела важнейшее стратегическое значение, создав возможность стремительного наступления на Прагу и Вену и ускорив окончательное поражение нацистской Германии.

В 1944 году, когда поражение Германии стало очевидным, в Словакии (тогда союзнице третьего рейха) созрел антифашистский заговор. В августе он перерос в восстание с участием военных. Однако лидеры заговора дей-

ствовали медленно и нерешительно, поэтому вермахту и войскам СС удалось подавить мятеж. За несколько дней они вырезали несколько десятков тысяч словаков, в том числе 25 тысяч мирных граждан. Всю власть в стране взяли в руки немецкие нацисты, а Словацкая республика вплоть до ее освобождения существовала лишь формально. Красная армия попыталась оказать помощь повстанцам, но пробиться к району восстания советские части не успели. Только к концу 1944 года советские войска освободили значительную часть южной и юго-восточной Словакии. К февралю 1945 года соединения 4-го и правого крыла 2-го Украинских фронтов разгромили части вермахта в Западных Карпатах и вышли на подступы к Моравска-Остравскому району и на рубеж реки Грон.

В марте 1945 года ставка Верховного главнокомандования приказала командующему 2-го Украинского фронта маршалу Советского Союза Родиону Малиновскому нанести удары в направлениях Брно и Братиславы. Основной целью операции был захват промышленных районов в этих городах. Кроме того, Братислава имела существенное стратегическое значение, поскольку, владея городом, можно было контролировать движение судов по Дунаю.

Вермахт, а также словацкие и венгерские фашисты планировали удержать Братиславу, превратив город в неприступную крепость. На подступах к городу они оборудовали противотанковые рвы и минные поля, противопехотные и противотанковые препятствия. Особенно сильно были укреплены восточные окраины Братиславы. Город прикрывали три линии траншей с многочисленными железобетонными огневыми точками. Также Братислава имела природную защиту: с юга — реки Малый Дунай и Дунай, с севера — горы Малые Карпаты.

Советское командование, в первую очередь командующий 2-м Украинским фронтом маршал Советского Союза Родион Малиновский, решило наступать сразу с нескольких направлений, не используя крупнокалиберные орудия. Со стороны реки действовала Дунайская флотилия. Через горы рвались казаки героя Советского Союза Иссы Плиева, наводившие ужас на врага внезапными прорывами.

Глубокий и неожиданный обходной маневр Дунайской флотилии, высадившей десант морской пехоты в районе моста, дезорганизовал хорошо оборудованную оборону врага, заставив его распылять свои силы. Несмотря на ожесточенное и упорное сопротивление, штурм города был настолько хорошо скоординированным и стремительным, что неприс-

тупная крепость была взята за 2 дня! Гитлеровцы даже не успели взорвать заминированные дома и мосты, что сохранило много жизней и архитектуру города.

Также 4 апреля 1945 года советские войска завершили освобождение Венгрии и развернули наступление на Вену. Бои за освобождение Венгрии продолжались почти полгода, более 200 тысяч советских воинов отдали жизни на ее территории. Особенно кровопролитным и длительным (108 дней!) было сражение за Будапешт. Нацисты отчаянно держались за важные в экономическом отношении Венгрию и Восточную Австрию, где размещалось большое количество военных заводов и находилось два источника нефти, в которой вермахт испытывал острую потребность.

Прорвав вражескую оборону от города Гант до озера Балатон, к 25 марта советские войска преодолели горы Баконьский Лес, вышли на линию Веспрем, Девечер, озеро Балатон и начали преследование противника, отходившего на укрепленный рубеж австро-венгерской границы. 17 марта перешли в наступление в направлении Дад, Дьер войска левого крыла 2-го Украинского фронта. Они к 25 марта завершили окружение и к 27 марта полностью уничтожили до четырех вражеских пехотных дивизий севернее города Товарош. Войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Малиновского, неотступно преследуя врага, 4 апреля 1945 года полностью завершили освобождение Венгрии.

Вот и сейчас, спустя 80 лет, мы с таким же вниманием читаем военные сводки о сражениях на полях СВО. Как и в победном 45-м, мы всё чаще слышим об освобожденных городах и селах, героизме и воинском таланте российских войск. Словно стрела времени замкнулась в петлю, заставляя Россию освобождать Украину и Европу от фашистской нечисти. Опять. В самом деле, не напоминает ли прорыв по трубе в Судже прорыв флотилии по Дунаю?

Освобождение Словакии и Венгрии в один день символично и тем, что тогдашние союзницы Германии теперь наши если не союзницы, то по крайней мере страны, сохраняющие стойкий нейтралитет. Это уже подвиг и почти союзные отношения. В Венгрии и Словакии до сих пор бережно относятся к советским памятникам и захоронениям воинов, заплативших жизнями за их свободу.

Нынешний словацкий премьер Роберт Фицо не раз заявлял, что ни одного словацкого солдата не будет на «восточном фронте» (как называют войну на Украине в ЕС — еще один красноречивый символизм), а после покушения, совершённого проукраинским фанатиком, Фицо стал еще более

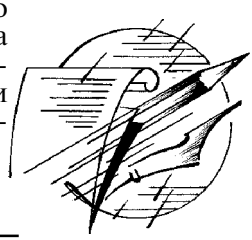
категоричным: «Откуда свобода пришла в Словакию? Она что, пришла из Норвегии? Или из Африки? Или пришла с Запада? Свобода пришла в Словакию с Востока, и все народы, воевавшие в составе Красной армии, понесли невероятные потери. Я понимаю, кто сыграл решающую роль во Второй мировой войне: без бывшего Советского Союза Гитлер никогда бы не потерпел поражения».

Урок 80-летней давности Европе не пошел впрок. Мы вновь наблюдаем картину «Похищение Европы» — похищение русофобскими силами, отчаянно жаждущими реванша. Что ж, за похищением Европы всегда следует «Освобождение Европы», заканчивающееся то в Париже, то в Берлине. В какой столице Европы случится очередное освобождение Европы?

Валентин КАТАСОНОВ

МАСК НАЧАЛ «ИСПРАВЛЯТЬСЯ»

Миллиардер Илон Маск считается самым богатым человеком на планете. В конце прошлого года его состояние оценивалось в 447 млрд. долларов. Это даже больше, чем федеральный бюджет России за прошлый год. А с этого года Маск не только бизнесмен, но также и государственный человек: Дональдом Трампом, 47-м президентом США, он назначен главой нового департамента эффективности правительства. Задача департамента — борьба с бюрократией и реформирование правительства для снижения административно-управленческих расходов. Планируется, что департамент начнет действовать с середины текущего года. Маск обещает, что сумеет сократить расходы правительства на два триллиона долларов. А это почти треть всех бюджетных расходов 2023 года. Упомянутый департамент будет иметь особый статус: он не будет входить в состав правительства и не будет финансироваться из федерального бюджета, но при этом будет иметь выход на хозяина Белого дома и представлять ему свои предложения по повышению эффективности правительства. Одним словом, департа-



мент будет максимально независимым от государственных бюрократов.

Полномочия Маска как главы департамента эксперты пытаются сравнивать с полномочиями традиционных министров и чиновников иных традиционных ведомств и приходят к выводу, что Маск может стать самым влиятельным человеком в окружении 47-го президента США. Раньше Маск всех интересовал как бизнесмен и миллиардер. Как владелец компаний SpaceX, Tesla, Boring, Neuralink, OpenAI, X (бывшая Twitter). Но теперь стал проявляться повышенный интерес к биографии Маска, его связям, увлечениям, семейной жизни, политическим и религиозным взглядам и т.д.

Бегло отмечу, что у Маска было три законных брака. Но с последней своей супругой он расстался в 2021 году. Детей, родившихся от законных жён, у Маска девять. Есть еще внебрачные дети.

Что касается религиозности Маска, то об этом сообщается, что в детстве он был крещен в англиканской церкви. Но уже во взрослом состоянии он стал заявлять, что в традиционном смысле не религиозен. Он не верит в Бога Библии. Отвечая на вопросы о религиозности, он обычно говорит, что принадлежит к «научной школе мысли».

Однако сейчас я хотел бы остановиться на одном очень интересном аспекте жизни Маска, который поможет понять, что эта жизнь очень непростая. И что ему как человеку, очень уважающему логику, порой приходится менять свои убеждения и публично соглашаться с тем, что дважды два — три или пять. То есть он оказывается примерно в том же положении, в каком оказался главный герой романа Джорджа Оруэлла «1984» Уинстон Смит, которого пытали в застенках «Министерства любви». Выясняется, что обладание сотнями миллиардов долларов отнюдь не делает человека свободным. Скорее наоборот, лишает его свободы. То есть через Илона Маска мы можем лучше понять тот мир, в котором живет миллиардер.

Маск, конечно, не являет собой пример совсем уж совершенного, идеального человека. Но определенные признаки милосердия, чувства справедливости, сочувствия к гонимым и убиваемым, неприятия жестокости он время от времени демонстрировал. Причем эти свои чувства он проявлял к людям независимо от их расы, национальности и вероисповедания. Но, как выясняется, не всегда проявления таких чувств кое-кем воспринимается с пониманием и одобрением. Иногда реакция бывает крайне негативной. Нередко эта

негативная реакция сопровождалась обвинениями Маска в так называемом «антисемитизме».

Судите сами. 9 марта 2023 года Илон Маск приобрел социальную сеть Twitter, которая получила новое название — X. С самого начала существования сети X в ней уже было много материалов, посвященных ситуации на Ближнем Востоке, особенно вокруг Израиля. Уже тогда кое-кому стало казаться, что Маск недостаточно внимательно следит за тем, что говорится и пишется об Израиле и его соседях. Мол, симпатии многих комментаторов скорее на стороне соседей Израиля, а не на стороне еврейского государства. А это уже попахивает попустительством со стороны Маска и даже антисемитизмом.

Вскоре после начавшегося 7 октября 2023 года арабо-израильского конфликта Маск сделал предположение, что конфликт может перерасти в третью мировую войну. Миллиардер признал, что в этом отчасти виноваты и американцы. «США поддерживают Израиль, чем провоцируют Иран», — отметил миллиардер в интервью телеканалу Fox News. Соцсеть X, по мнению некоторых ревнителей интересов Израиля, стала еще более «субъективно» освещать события на Ближнем Востоке, а самого Маска обвинили в сочувствии палестинцам.

Спустя некоторое время Маск решил оказать помощь беженцам в районе Газа. 27 октября миллиардер заявил, что его спутниковая система Starlink предоставит услуги связи международно признанным организациям для оказания помощи в секторе Газа. То есть даже не палестинским беженцам напрямую, а тем, кто оказывает этим беженцам помощь. Дело в том, что в результате бомбардировок со стороны Израиля в Газе были выведены из строя все телекоммуникационные системы. «Перед включением терминалов будет проведена проверка безопасности совместно с властями США и Израиля», — уточнил миллиардер (т.е. гарантировалось, что связь будет предоставлена только проверенным пользователям). Реакция Израиля была очень быстрой и жесткой. Министр связи Шломо Кархи заявил, что Маск собирается оказывать помощь палестинским террористам, и от имени израильского правительства пригрозил миллиардеру полным бойкотом.

В ноябре позапрошлого года Илон Маск заявил, что доходы соцсети X, «полученные от контента, связанного с войной в секторе Газа», направит в больницы Израиля, а также отделению Красного Креста, работающему в секторе Газа, и другим международным гуманитарным организациям. Кстати, в своей инициативе оказывать гуманитарную помощь жерт-

вам военного конфликта на Ближнем Востоке Маск был не одинок. Таких инициатив по Америке были тысячи. Против подобных инициатив в СМИ Америки и в социальных сетях зазвучали возражения. Например, такое: а где гарантия, что гуманитарная помощь не попадет в руки ХАМАС? Но Илону Маску, наверное, перепало больше, чем многим другим американским «гуманистам». Миллиардеру прилепили клеймо «антисемита».

И тон этой обвинительной кампании задавала всем хорошо известная в Америке Антидиффамационная лига (АДЛ) — организация, основанная еврейской организацией «Бнай-Брит» в 1913 году для борьбы с антисемитизмом и другими формами нетерпимости по отношению к евреям. АДЛ более чем за вековую историю своего существования стала мощнейшей организацией, которая следит за соблюдением прав евреев во всех сферах жизни. Причем не только самих США, но также зарубежных стран.

Когда я бывал в США, то неоднократно слышал от американцев такую характеристику АДЛ: «охранка», «инквизиция», «гестапо». Кстати, английский журналист Дуглас Рид в своей известной книге «Спор о Сионе» также отмечает: «В национальных кругах Америки АДЛ именуется не иначе, как *еврейским гестапо*». И осенью позапрошлого года Маск попал под прицел этого «гестапо».

До полного бешенства АДЛ довела запись Маска в социальных сетях, сделанная 17 ноября 2023 года. Миллиардер публично поддержал пост, где говорилось, что еврейские сообщества «распространяют ненависть к белым людям». Комментарием Маска были следующие слова: «Вы говорите правду».

В ответ на выпады со стороны АДЛ Маск стал раскрывать подлую сущность этой организации. Она, по мнению миллиардера, «пропагандирует расизм в отношении белых людей». И это действительно так: под видом борьбы с нетерпимостью к евреям АДЛ культивирует нетерпимость к белым американцам и в конечном счете провоцирует напряженность в американском обществе. Примечательно, что в конфликте Маска с АДЛ многие корпорации предпочли встать на сторону лиги. Такие компании, как Walt Disney, Warner Bros. Discovery, Paramount, Sony Pictures, Apple и другие прекратили в конце 2023 года размещение рекламы в сети X. Кампанию по бойкоту указанной сети развернула организация Media Matters, которая себя позиционирует как некоммерческий «прогрессивный исследовательский и информационный центр, занимающийся всесторонним мониторингом,

анализом и исправлением консервативной дезинформации в средствах массовой информации США». Media Matters обвинила Маска в поддержке «пагубной антисемитской теории заговора». Миллиардер, в свою очередь, назвал обвинения в антисемитизме в свой адрес «далекими от реальности» и подал, как он выразился, «термоядерный» судебный иск против Media Matters. Удивительно, но в открытых источниках не было сообщения, чем закончилось это судебное выяснение отношений.

По всей видимости, Маск устал от постоянных обвинений в антисемитизме. И решил сделать ход конем. То есть от обороны перейти в наступление. А именно: продемонстрировать всему миру, в том числе и АДЛ, что он не только не «антисемит», а, наоборот, «филосемит» или даже «юдофил», т.е. тот, кто евреев не просто любит, а очень сильно любит. Маск не хочет отставать от Трампа, который не устает повторять, что он любит евреев и Израиль (см. статью: «Царь иудейский?» в №4 «Молодой гвардии» за 2025 г.).

Маск, как и Трамп, в первую очередь — бизнесмен, а уже во вторую — политик. А потому как бизнесмен он не желает нести убытки на канале X из-за бойкота со стороны тех, кто действует по команде «дирижера» — АДЛ.

Уже в конце сентября 2023 года Илон Маск дал интервью известному еврейскому журналисту Бену Шапиро. Основная тема разговора — несправедливые (с точки зрения Маска) обвинения миллиардера в распространении так называемых «антисемитских» материалов в сети X. Ход конем заключался в том, что миллиардер назвал себя «честолюбивым евреем». Вот этот интересный фрагмент полуторачасового интервью: «На самом деле я ходил в еврейский детский сад... Я не знаю, еврей ли я генетически, может быть, <...> но я бы сказал, что я честолюбивый еврей. Мой отец отвез меня в Израиль, когда мне было 13 лет. Я ходил к Стене Плача, ходил в Масаду (древняя крепость. — **В.К.**), я был в Масаде дважды, я не знаю, много ли людей могут это сказать».

Для справки: генеалогию Илона Маска пытливые исследователи уже прокопали глубоко и выяснили, что он на 1/2 — англичанин и на 1/2 — немец. Неужели Илон Маск с его пытливым умом этого не знает? Значит, ум миллиардера не только пытлив, но и лукав.

Но, видимо, «Остапа понесло». В январе 2024 года Илон Маск сделал еще один ход конем. Он посетил Европу и участвовал в конференции, проводимой Европейской еврейской ассоциацией (Краков, Польша). В рамках программы мероприятия он также посетил музей Освенцима. И в пря-

мом эфире с Беном Шапиро миллиардер признался, что был «наивен» в отношении антисемитизма. А также сообщил: «У меня в два раза больше друзей-евреев, чем друзей-неевреев». И, наконец, Маск «признался», что он «еврей по ассоциации», то есть по своему самоощущению.

Миллиардер усиленно над собой работает. Он хочет стать юдофилом. Но получается не всегда хорошо. Как говорится, «шаг вперед, два шага назад». Так, на инаугурации Дональда Трампа Маск вскинул руку в нацистском приветствии... «По наивности» он полагал, что это всего лишь жест победы...

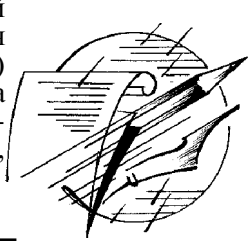
Владимир БОЛЬШАКОВ

ЖДУНЫ

В наше время термин «ждун» обрел новое значение и смысл. Это та самая пятая колонна, участники которой никак себя не проявляют до тех пор, пока не получат команды действовать. Так, в ожидании возврата ельцинского безвременья и беспредела под псевдонимом «Ждун» пишет свои комментарии в Сети бывший помощник президента РФ Ельцина Владислав Сурков. И он далеко не единственный «бывший» в этой категории ждунов.

Термин «ждун» нередко использовался еще в годы Великой Отечественной войны. Так называли тех пособников гитлеровцев, которые ожидали прихода оккупантов, как, к примеру, прошлые укронацики в Киеве в 1941 году.

В наше время понятие «ждун», распространенное в Рунете, связано с названием скульптуры (изначальное наименование Homunculus loxodontus — гомункул слоноподобный), созданной в мае 2016 года голландской художницей Маргрит ван Бреворт для Лейденского университета (Нидерланды) и ставшей интернет-мемом. Скульптура изображает безногое существо серого цвета с головой северного морского слона,



телом гигантской личинки и руками человека, которое сидит на стуле в комнате ожидания.

Сейчас никто в либеральной оппозиции не рискнет выйти на улицу с плакатом «Россия без Путина!», знают, что не стражи порядка, а прохожие побьют. А ведь совсем недавно толпами ходили с такими плакатиками по Москве. В наши дни именно затаившиеся либералы-демократы составляют основную массу ждунов в России.

Первый канал вырезал песни «Русские» в исполнении певицы Юты и «Небо славян» из праздничного концерта, приуроченного к Дню защитника Отечества, — сообщает «Блокнот». До этого НТВ поведало, что постоянный член жюри Грушинского фестиваля бардовской песни Галина Хомчик запретила участнику СВО спеть со сцены патриотическую песню.

На новых территориях России — в Крыму, Донбассе, Запорожской области — ждунами называют местных жителей, которые не согласились с российскими реалиями и до сих пор ждут возвращения в состав Украины. Их немного, но тем не менее они есть. Кто-то из них ждёт молча, а кто-то весьма активно, публикуя антироссийские посты в интернете или даже вербуясь в украинские диверсанты. Увы, имеются ждуны и на старых российских территориях...

Нет, они, конечно же, не ожидают прихода украинской армии, им порой вообще Украина как таковая не интересна. Они отчаянно ждут другого — возвращения к положению, которое существовало до февраля 2022 года, а еще лучше — до 2014 года. Это когда российские верхи «дружили» с Западом, без проблем передвигались по миру и жили исключительно законами потребительского общества. Словом, это типичные западники, которые сегодня оказались фактически отрезанными от столь любимого ими мира...

Неудивительно, что эти люди, зачастую имеющие высокий общественный статус, сегодня пребывают в настоящем шоке, не зная, как им быть дальше. Поэтому порой совершают поступки, которые балансируют на грани предательства...

Недавно покинул Россию модный столичный блогер, бывший протодиакон Русской Православной Церкви Андрей Кураев, который не смог смириться с тем, что «разрушился его московский мир»... Речь о том, что сильно сузилась интернет-аудитория, которая, судя по числу подписчиков на блог Кураева, приносила ему неплохой личный доход. А аудитория эта — радикально-либеральная по своим убеждениям...

Впрочем, я бы поостерегся называть Кураева либералом-западником, ибо его политические убеждения до сих пор составляют большую тайну. Кем он только не был и какие только взгляды не проповедовал! В 90-е годы молодой священник Андрей Кураев — страстный и убежденный сторонник политики сращивания Русской Православной Церкви и государства, чуть ли не по примеру Священного Синода эпохи Российской Империи. Но потом Кураев, коего направили заниматься миссионерской деятельностью в российскую провинцию, стал громко говорить о том, что провинциальные верующие — люди неграмотные, плохо образованные и даже юродивые. Поэтому лично ему общаться с ними очень не хочется, ему гораздо уютней в столице, где люди и приятней и интересней. Наверное, за такое хамство священнослужителя следовало бы как следует наказать, потому что именно такое высокомерие со стороны представителей РПЦ подрывает доверие к самому институту Церкви. Однако Кураева лишь мягко пожурили, а потом отправили служить в московские храмы — в 2009 году даже возвели в сан протодиакона. После чего протодиакон, очевидно, решил стать духовником для столичной либеральной публики и махровым оппозиционером. Кураев завел блог в интернете и стал постоянным автором в таком рупоре либералов, как «Эхо Москвы». Начал он с мягкой критики РПЦ, а потом... Стал обвинять руководство Церкви во всевозможных прегрешениях, выступил с критикой присоединения Крыма к России, стал открыто поддерживать киевский бандеровский режим... А сегодня, когда стало ясно, что прежняя радикальная «оппозиционность» подпадает под статьи УК, он принял решение покинуть Россию. Скатертью дорога...

По словам самого Кураева, он собрался в Прагу, куда его якобы пригласили некие друзья. Что это за «друзья», догадаться несложно: скорее всего, деятели из обосновавшегося в Праге антироссийского информационного центра ЦРУ «Свобода» — «Свободная Европа», который при помощи попа-расстриги будет клеветать на РПЦ как на «идеологическую основу путинского режима». То есть Кураева явно ждет перспектива получения статуса очередного иностранного агента. Но никакого иного способа для своего существования он, видимо, просто не мыслит.

Да, реальный Кураев вовсе не красный, не белый, не патриот, не либерал. Очевидно, будучи обласканным при Патриархе Алексии II, Кураев явно не вписался в церковную систему при Патриархе Кирилле, что вызвало у него жгучую обиду. Кураев выбрал себе путь виртуального шоумена, чье

бесконечное самолюбование на страницах Всемирной сети и откровенное заигрывание с сомнительной столичной общественностью довели до предательства Родины... Что ж, каждый свою судьбу выбирает сам...

Впрочем, в России имеются и более откровенные ждуны, которые преклоняются перед нашими врагами. Так, в первых числах сентября историческое сообщество активно обсуждало увольнение директора Института США и Канады Академии наук РФ Валерия Гарбузова. Причины увольнения официально не назывались, но мало кто сомневался, что поводом стала статья Гарбузова в «Независимой газете», где он резко раскритиковал внешнюю политику России. Гарбузов, в частности, обвинил нашу страну в том, что она испокон веков якобы занималась грубой внешней экспансией, не исключая и сегодняшнее время, хотя уже не имеет на это ни сил, ни ресурсов. А вот США, в отличие от России, доминируют в этом мире якобы вполне заслуженно и по праву, потому что сумели хорошо выстроить свою военную, экономическую и культурную политику. Поэтому идти против Америки — это все равно что против ветра плевать.

Неудивительно, что Гарбузов выразил недовольство антизападными настроениями в России. По его словам, резкое отторжение от «западных ценностей» и «псевдопатриотическое безумство» в стране «породили новые мифы и создали утопическое видение современности». Гарбузов даже считает, что в России якобы происходит «ползучая реставрация сталинизма»... Наверное, в иное время реакция на его опус вполне могла ограничиться полемикой в публичной сфере, но сегодня со стороны руководителя государственного учреждения такие словеса явно выглядят предательством, за что Гарбузов и «получил по шапке». Тут, кстати, всё вполне логично и объяснимо.

Много лет этот человек плотно «сидел» на американских и европейских денежных грантах, несчетное количество раз ездил за границу, зачастую за счет принимающей стороны. А тут — спецоперация, санкции, граница на замке, да еще и западные друзья явно требуют определиться с политической позицией. И директор института выбрал Запад в явной надежде перебраться туда на ПМЖ. А чтобы выглядело всё «прилично», решил громко хлопнуть дверью через публикацию в «Независимой газете».

Большинство ждунов всё же предпочитают действовать более тонко, например, как известный российский писатель Алексей Иванов, действительно один из лучших современных прозаиков. Его романы «Географ глобус пропил», «Серд-

це Пармы», «Тобол», «Ненастье» и другие написаны мастерски и интересно. Мало того, большинство его произведений сегодня экранизированы. То есть это не только популярный писатель, но и вполне материально благополучный человек! Однако совсем недавно на одной из встреч с читателями он вдруг заявил, что наша страна живет убого, а главное, без какого-либо просвета: «Я смотрю, как живет Россия. Хреново живет, плохо живет, убого живет Россия. А самое главное, она потеряла надежду жить лучше, смирилась. У нас и так всё было не очень хорошо, а сейчас стало еще хуже». Писатель косвенно выразил и свое отношение к СВО. С его точки зрения, Россия вовсе не защищает русских людей на Украине, а лишь решает свои проблемы насилием. И какой же выход видит Иванов? А вот тут писатель наговорил кучу банальностей: мол, нужно строить более разумное общество, перестраивать свое отношение к окружающим странам и т.д. То есть надо быть за всё хорошее против всего плохого.

Многие из поклонников Иванова оказались в недоумении от такой позиции. Одни пишут, что он всегда был демократических убеждений, другие, что он, как и Кураев, просто хочет нравиться столичной оппозиционной тусовке и потому угодливо пытается подстроиться под эти настроения. Но мне кажется, что лучше всего об Иванове отозвался известный российский писатель Юрий Поляков: «По моим наблюдениям, политических взглядов у него просто нет. Это — прагматик. Раньше он себе делал популярность, благодаря антисоветской риторике. Теперь у него новая методичка, связанная со спецоперацией. Сейчас определенные деятели культуры выполняют команды, которые приходят с Запада. Прошла команда: «Хватит ругать советскую власть, сосредоточьтесь на пороках новой России. Если у вас хорошо получится — будем вас переводить, устраивать лекционные турне, давать гранты». Они манят писателей морковкой Нобелевской премии. А дальше уже — на что назлословят в адрес нашей страны: на грант или на перевод».

То есть Алексей Иванов явно хочет быть популярным не только в России, но и на Западе, вплоть до перспектив получения Нобелевской премии. Но тут надо очень постараться и желательно на линии антироссийского идеологического фронта... Такое в нашей истории уже было, причем не так давно...

Во время перестройки в Советском Союзе объявился целый круг писателей, которые вдруг стали активными антисоветчиками. Один из них Виктор Петрович Астафьев, писатель-фронтовик, лауреат сразу трех Государственных со-

ветских премий и, по свидетельству его земляков, писателей из Красноярска, собутыльник трех генеральных секретарей ЦК КПСС. А еще приспособленец, ловко ориентировавшийся в складывающейся властной конъюнктуре. Когда надо было — славил «руководящую и направляющую роль партии», а потом, при новых установках, стал эту партию ругать самыми последними словами. А еще, как говорят знающие люди, ему пообещали Нобелевскую премию, но при следующих условиях: жесткая критика советского строя и безусловная поддержка «общечеловеческих ценностей». И Астафьев, очевидно, клюнул на эту наживку.

В начале 90-х он написал роман «Прокляты и убиты», где буквально оплевал подвиг нашего народа в годы Великой Отечественной войны — писал явно под Нобелевку и «общечеловеческие ценности». Но просчитался... К тому времени Советский Союз был уничтожен, и Запад надолго утратил к нашей стране интерес. Поэтому творение Астафьева в Нобелевском комитете даже не стали рассматривать. Говорят, что для самолюбия Виктора Петровича это стало сильным ударом. Он буквально заперся в своей деревне под Красноярском и до самой смерти, за очень редким исключением, перестал общаться с внешним миром...

Неужто Алексей Иванов надеется, что его судьба в погоне за заветным западным признанием будет лучше? Ну-ну, как говорится, мечтать не вредно... А еще ему и ему подобным надо уяснить одну простую истину: с Западом мы сегодня ведем новую холодную войну, и продлится это противостояние еще очень долго. Поэтому рано или поздно нашим ждунам надо будет делать вполне конкретный выбор. Сидеть на нескольких политических стульях одновременно, как это было раньше, уже точно не получится.

Филипп ЛЕБЕДЬ

НЕ ОРДА, А ТРЕТИЙ РИМ!

Еще не смолкло эхо недавних скандалов вокруг Духовного управления мусульман (ДУМ), представители которого проповедуют ревизионистский взгляд на историю России без центральной роли Руси и Русского народа, тем более несмотря на общественное возмущение, вразумительных объяснений и извинений так и не последовало, а ДУМ РФ вновь привлекает к себе внимание в связи с теперь уже уволенным заместителем муфтия Ставропольского края Шахабуддином Гусейновым, который активно поддержал новую власть в Сирии. Однако и вне контекста деятельности данной организации поднятая в связи с ней тема неоордынства не покидает информационного поля.

Эта концепция, нередко выступающая как становой хребет современной евразийской идеологии, и раньше регулярно всплывала в риторике разных политологов и общественных деятелей, причем не только пантюркистов и туранцев, а русских людей, нередко считающих себя патриотами России. Сегодня на фоне обострения противостояния с Западом некоторые политтехнологи, идеологи, публицисты, блогеры и прочие «лидеры обществен-

ного мнения», как принято обобщенно называть тех, кто располагает достаточно обширной аудиторией, с особым рвением распространяют идею о зарождении России в Великой Степи, о славных временах Золотой Орды и ее богатом наследии и т.д. Эти конструкции чаще всего переплетаются с ярой критикой династии Романовых, которой ставится в вину как «онемечивание» России, так и кровная связь с Гольштейн-Готторпской линией в целом и восхвалением большевиков, «освободивших» народ от «немцев Романовых» и порвавших с европейской традицией вообще.

Казалось бы, это не ново, и обладательница европейской внешности Наталия Белохвостикова еще в 1970 году декламировала с телеэкрана знаменитые строчки, написанные А. Блоком в 1918 году: «Да, азиаты мы, //С раскосыми и жадными очами!» А В.И. Ульянов (Ленин) в записках к вопросу о национальностях и автономизации призывал «защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника» или от «от истинно русского держиморды», глубоко переживая, что советский рабочий потонет в «море шовинистической великорусской швали».

Перманентной борьбой с «великорусским шовинизмом» объяснялось то, как при устройстве Страны Советов В.И. Ленин с Л.Б. Розенфельдом (Каменевым), выписав из Русского народа белорусов и малороссов, на государственном уровне понижали в правах великороссов. Сегодня отголоски «вождя мирового пролетариата» слышатся в речах многочисленных ораторов на телевидении и интернет-площадках, озабоченных подъемом национального сознания великороссов в России, поэтому пугающих впечатлительную публику «националистическим майданом» и прочими нелепыми прогнозами. Среди этих тоскующих по худшим формам интернационализма персон пользуется популярностью миф о справедливом Улусе Джучи, который якобы сплотил народы и оставил все свои лучшие черты в наследство Москве. Можно было бы игнорировать эти псевдоисторические фантазии, если бы не напористость их носителей и заметная информационная поддержка на разных уровнях, указывающая на наличие определенного запроса на внедрение этой не просто антиисторичной, но и враждебной концепции в текущую повестку.

Можно понять евразийство как направление мысли, развившееся в узких кругах белой эмиграции, пытавшихся крушение национальной России объяснить некоей предопределенностью. Оно могло бы занимать свою нишу параллельно

с увлечением трудами Е.П. Блаватской и другими мистическими учениями, переключающими от катастрофы на Каховском плацдарме в 1920 году к условной Гиперборейской Руси 30-тысячелетней давности и Велесовой книге. Однако евразийство обрело черты политического движения с активным левым ответвлением, ищущим примирения с советской властью. Некоторые по возвращении в СССР поплатились за самонадеянность жизнью.

Евразийство новой волны пришло на закате советской эпохи, и его старые идеологемы ныне ожили в еще более гротескных формах. Например, традиционное противопоставление евразийского пространства романо-германскому миру, в рамках которого Золотая Орда выставляется для русской культуры и Православия гарантом сохранности перед экспансией Запада, выливается в парадоксальные конструкции вроде «романо-германского ига», якобы длившегося с эпохи Петра Великого до падения монархии в России. Несмотря на абсурдность формулировки, современные философы и влившиеся в их струю публицисты упорствуют в ее внедрении в политический дискурс. Параллельно они тиражируют тезисы об оскорбительности определения русской культуры как европейской, а России — как европейского государства. Кроме того, насаждают мысль о степном и даже туранском характере русской пассионарности.

Несмотря на публичную активность сторонников, евразийство остается лишь теорией, строящейся на вольной и тенденциозной интерпретации исторических событий и геополитических процессов. Едва ли удастся найти реальные примеры созидательного соединения разных этносов и культур в границах пресловутого жизненного пространства Евразии какой-то сверхидеей не в рамках российской государственности. Не терпят критики попытки подвести под эталон веротерпимости и эффективного управления огромными пространствами с полиэтническим национальным составом империю Чингисхана (отчасти резонирующие с апологией Хазарского каганата, с которого уже не первое десятилетие предлагают нам вести отсчет российской государственности). Немало панегиристов империи Чингисхана выстраивают свою аргументацию вокруг несторианства как объединительного духовного наполнения ее пространства. Это учение, действительно, охватывало огромные территории от Леванта до Средней Азии и Китая, соседствуя с зороастризмом и буддизмом, пока ислам не вытеснил их, но оно не тождественно Православию, в котором происходило становление российской государственности.

Возможно, единственным практиком евразийства в XX веке, сам того не ожидая, стал барон Р.Ф. Унгерн (при рождении — Роберт Николаус Максимилиан фон Унгерн-Штернберг), объединивший под знаменем со Спасом Нерукотворным, буддийской свастикой и вензелем Великого князя Михаила Александровича не только российских казаков и бурятов, но и монголов, маньчжуров, японцев, а также сербов и других бывших австрийских военнопленных, чтобы не просто освободить Россию от большевиков, но на азиатских штыках вернуть в безбожную революционную Европу монархию и Традицию, восстановив божественный порядок. Однако методы Белого барона не понравились не только советской власти, казнившей его, но и современному российскому правосудию, отказавшему в его реабилитации. И в любом случае освободивший монгольскую Ургу от китайцев «бог войны» Унгерн не превращается в ордынца, а остается российским немцем — пусть мистиком, но потомком рыцарей, частью старинного дворянского рода.

Сторонники неоордынства часто ссылаются на Льва Гумилева — личность, действительно, незаурядную и обогатившую мировую науку множеством новаторских идей, однако идей историософских, зачастую расходящихся с исторической наукой. Тем не менее его утверждение об унии Московии и Орды, об их взаимовыгодном партнерстве возводятся в ранг аксиомы. Апологетикам Орды и борцам с «романо-германским игом» стоило бы напомнить, что Л.Н. Гумилев также разделял славян и русов, отождествляя последних с германским племенем ругов и утверждая, что именно от этнонима воинственного германского этноса и возникло название Русь.

Тем же, кто пытается выписать великороссов из европейских народов, привить им степную закваску и туранский менталитет, придется смириться с историческим фактом: русские сформировались как белый европейский этнос, а Древняя Русь не только своими чертами была схожа с другими средневековыми государствами северо-востока Европы, но и существовала в системе европейских дипломатических и династических связей. Дробление Руси, сопротивление католической экспансии и как раз-таки монголо-татарское иго, лишившее русских субъектности, выбило русских из европейского культурного пространства, но это не превратило русских в часть Востока. Да, западная цивилизация заняла враждебную позицию в отношении России, но русские стали тем уникальным европейским народом, который на базе своей культуры создал собственное цивилизационное пространство, объединившее множество разных этносов и ос-

новные мировые религии. Это отнюдь не ордынское наследие, а собственный национальный гений. Наше истинное наследие в духовной сфере и государственной модели — Рим. И не нужно обращаться к бездушному термину западных историков «Византия», редуцирующему и нивелирующему значение Империи ромеев, от которой мы приняли Слово Божие и самодержавный идеал, воплощавшийся в симфонии власти церковной и власти светской. От Второго Рима — величайшего города своей эпохи — Константинополя с этим идеалом мы приняли и свою миссию, и на благодатной почве взросла Тысячелетняя Россия.

Странно объяснять абсурдность термина «романо-германское иго», если никто из романских и германских народов Россию не завоевывал и не подчинял. Напротив, Российская Империя завоевала густонаселенные земли Прибалтики и Финляндию, где издавна жили немцы и шведы, но, став российскими подданными, они прекрасно служили русским царям, преумножая российскую славу. А вот ордынское иго — это сожженные города, зверски вырезанное мужское население, сотни тысяч угнанных в плен и проданных в рабство женщин и детей. Это постоянные поборы населения, национальное унижение и упивающаяся кровью дикость ханских карателей. Пытаться исказить нашу историю, поменяв всё местами — значит, закрыть глаза на все жертвы и лишения нашего народа, а также обесценить подвиг русских войск на Куликовом поле и всех, кто впоследствии отвоевал нашу свободу, проложив путь к величию России.

Андрей СОШЕНКО

СТРАТЕГИЯ ВЫМИРАНИЯ

1

Пять лет назад я писал об указе президента от 21 июля 2020 года «О национальных целях развития России до 2030 года». Вообще-то, по-хорошему, этот указ должен был быть базовым для государства. Одно название-то какое — «Национальные цели до 2030 года»!

Но имеем то, что имеем. Стиль и направленность документа, как всегда до этого, словно исходили из всё того же правительства Медведева, хотя премьером уже был Мишустин. Одни пустые декларации, красивые словеса, либеральный «птичий язык». Где в указе определение действительно принципиальных и крупномасштабных векторов развития? Где планы по реальному совершенствованию государственного устройства? Где меры по решению кричащей миграционной проблемы? Где, например, хоть намёк на изменения в региональной политике с переориентации развития исключительно мегаполисов на поддержку малых и средних городов, сельских поселений? Это, кстати, и одна из мер решения демографической проблемы, ибо снижение рождаемости связано с урбанизацией (дети в небольших городах и сельских поселениях — помощники в хозяйстве).

Где постановка целей в сферах национальной культуры и народного образования? Где пункт, предусматривающий хотя бы частичную национализацию экономики, для начала — национализацию компаний, имеющих для государства стратегическое значение, запрет на новую приватизацию компаний? Где перечень прорывных научных направлений и промышленных технологий? «Цифровая трансформация» — это ни о чём. Где задачи по освоению космоса? Нигде.

Кто писал этот указ президента о национальных целях развития до 2030 года? Всё те же лица, которые писали указы «о национальных целях и стратегических задачах развития до 2024 года» и все подобные «стратегические планы» Те, кто писал и утверждал концепции и программы «этнокультурного развития», согласно которым осуществляется помощь всем народам в России, кроме государствообразующего русского. А на ключевых позициях во власти до сих пор Греф, Набиуллина, Силуанов, Кудрин, ряд подобных «крупных деятелей» либерализма и откровенных врагов России. Презентовал, кстати, указ президента пять лет назад Максим Орешкин, тогда помощник президента, сейчас — замруководителя администрации президента, в недавнем прошлом «славный» министр экономического развития в правительстве Медведева.

Ничего не изменилось с тех пор в кадровом вопросе. Разве что немного задвинули Кудрина, но продолжает блистать его фаворит Силуанов. И Чубайс теперь отдыхает то ли в Англии, то ли в Израиле, оттуда продолжает гадить России.

Каков толк, что в 2022 году был принят указ президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»? Если продолжения основных мыслей по укреплению традиционных скреп в иных государственных документах не содержится.

В январе 2025 года правительство России, как сообщил «Царьград», утвердило очередной документик: «Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Он включает всевозможные программы, отраслевые и региональные стратегии, дорожные карты. И, как выяснили журналисты отдела расследований «Первого русского», всё это время за семейную и демографическую политику будет отвечать та самая «стратегия вымирания» Минтруда и Института демографии РАН. В этой «стратегии» ставятся такие планки по общему коэффициенту рождаемости, что это трудно назвать приростом населения. Скорее — вымиранием. Потому что в ней так же,

как и в Едином плане правительства, значится достижение коэффициента 1,6 к 2030 году и 1,8 — к 2036 году. В самой концепции практически ничего не говорится об ограничении искусственного прерывания беременности либо же о полном запрете этой процедуры. В документе слово «аборт» встречается только во вступлении, где констатируется, что их число якобы год за годом падает... (???) А о профилактике — ни слова.

Как предположил кандидат политических наук, доцент РАНХиГС Михаил Бурда, возможно, те, кто писал эту «стратегию», просто не заинтересованы в сохранении нашего народа. Институт демографии по каким-то причинам не видит проблемы абортов и считает её несущественной. Куда ведёт нас такой путь? В никуда!

Как известно, глава Института демографических исследований РАН Марина Храмова год назад поведала, как может измениться народ России через 20-30 лет. По ее словам, россиян ждёт «определенная корректировка», а за мигрантов России нужно бороться, продолжать наполнять русские просторы «многонационалами» и «тожероссиянами». Я тогда говорил по поводу этих слов «учёной»: «Что касается органов государственной власти и относящихся к демографической политике институтов, то удивляет отсутствие элементарной воли к действию. Все занимаются статистикой ухудшения демографии русского народа и под эгидой того, что нам нужна якобы дешёвая рабочая сила, привлечением новых и новых потоков мигрантов. Иными словами, одними и теми же идеологами создана порочная основа, а теперь обосновывается продолжение разрушения государства посредством миграционных потоков».

Теперь же, как отдельно пишет «Первый русский», правительство всё же утвердило Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики. Курировать исполнение программы будет вице-премьер по соцвопросам Татьяна Голикова. Если детально изучить документ, то становится ясно, что это самая настоящая «стратегия вымирания России», где о русском государствообразующем народе ни слова, зато есть слова о «важности» миграционного фактора. Слова о «важности» миграционного фактора в преодолении естественной убыли населения выглядят кощунственными.

Ответы нужно искать в профильном научном центре — Институте демографии, поскольку именно он выполняет заказы в этой области от органов исполнительной власти. Что касается главных разработчиков этого «плана», то обеими структурами — и департаментом семейной и демографичес-

кой политики Минтруда и Институтом демографических исследований (ИДИ) РАН руководят люди, которые ранее либо вовсе не имели к вопросам демографии никакого отношения, либо имели, но очень специфическое.

К примеру, Андрей Галкин, 43-летний руководитель «семейно-демографического» департамента Министерства труда и соцзащиты. Ранее он трудился в Минэкономразвития. И никаких работ по вопросам демографии или семьи в его «портфеле» не обнаружено. По информации источников, Марина Храмова, глава Института демографических исследований РАН, ранее преподавала в НИУ ВШЭ. В её профиле указано, что она прошла курсы повышения квалификации в Институте социальных наук им. Лейбница в Кёльне в 2019 году.

За последние несколько лет к Министерству труда и соцзащиты накопилось немало вопросов. Чего только стоит реализация программ Международной организации миграции (МОМ) по завозу на западные деньги в Россию жителей Средней Азии. Глава ведомства Антон Котяков попадал под жёсткую критику со стороны спикера Госдумы Вячеслава Володина, который фактически назвал его ответственным за навязывание мигрантов России.

Между тем именно Минтруд через подчинённый ему Роструд фактически ответственен за всю политику открытых дверей в отношении мигрантов, которая реализуется уже более 15 лет. В одном из расследований «Царьграда» обращалось внимание на Международную организацию миграции (МОМ), которая на деньги западных правительств и частных НКО реализует в России целый ворох проектов по организации миграции из государств Средней Азии и Закавказья в нашу страну. Также донорами, обеспечивавшими миграцию в Россию, являлись: Евросоюз, Агентство по международному развитию (USAID (признанное нежелательным в России), МИД Норвегии, МИД Дании, правительство Японии, Бюро по международным делам по борьбе с наркотиками и обеспечению правопорядка Госдепа США и целый ряд других.

Итак, кто пишет такие федеральные «планы» стратегии деградации? Кто причастен к изложению вышеназванных документов, направленных в никуда? Имена, впрочем, в неисчерпывающем составе указаны здесь выше.

2

ДУМ (Духовное управление мусульман) России вновь оказался в центре скандала. Историк и публицист, научный сотрудник Института российской истории РАН Александр

Дюков обратил внимание на картину, которая висит на почетном месте в кабинете зампредседателя ДУМ Дамира Мухетдинова. Это картина художника Ильдара Акжигитова «Калка», написанная специально к 800-летию битвы на Калке. «Картина с русскими князьями, умирающими под настилом, на котором пируют ордынцы. Дружба народов по-ордынски. Сразу и про историю, и про современность. И про будущее, если не будут предприняты защитные меры», — отметил Дюков. Пишут, что на холсте виден стяг с ликом Христа, который используют вместо ковра, а один из ордынцев поставил на него ногу. По словам Дюкова, на фоне картины часто позируют члены делегаций региональных подразделений ДУМ России.

Информационное агентство «EADaily» в своем материале приводит абсолютно верное заключение координатора движения «Русский Союз» Алексея Кочеткова: «Заместитель руководителя печально известного ДУМ, «прославившегося» недавно фетвой, разрешающей российским мусульманам многоженство, Дамир Мухетдинов оказался махровым русофобом... Налицо абсолютно осознанный акт русофобии. А то, что второе лицо в ДУМ повесило эту картину рядом с другим историческим полотном, посвященным принятию ислама Ордой через сто лет после битвы при Калке, делает посыл максимально прозрачным. Что бы сейчас ДУМовцы не пели про то, что их не так поняли, сигнал понятен: результатом битвы и поражения русских при Калке, убийства их князей и попрания христианских святынь стал триумф хана Узбека и принятие ислама. «Резали русню тогда, будем резать и в будущем. Так победим». Особую пикантность этой истории придает тот факт, что изображенные на скандальной картине монголы ни к современным татарам, ни к исламу никакого отношения не имеют. Булгар, предков современных татар, монголы резали с не меньшим усердием и удовольствием, чем русских. И это лишний раз подтверждает вполне очевидное предположение, что в картине мира Дамира Мухетдинова русофобия играет ключевую, базовую роль, а ислам, как и татарский национализм, вполне себе прикладную и второстепенную. Позиция Мухетдинова полностью соответствует общей линии Духовного управления мусульман России... Российские мусульмане, представители коренных народов России открыто говорят, что их практически «выдавливают» из своих мечетей всё прибывающие и прибывающие из-за рубежа молодчики. И ДУМ такая ситуация вполне устраивает, так как растет армия их сторонников... А может, все-таки такой ДУМ нам в России не нужен? Ни му-

сульманам, ни православным не нужен, никому, для кого Россия — единственный и родной дом...»

Поначалу в Духовном управлении мусульман дерзко и витиевато отказались снимать эту картину с поверженными русскими воинами. Но скандал усиливался, и в ДУМ пообещали убрать антирусское творчество из кабинета Мухетдинова и заменить его полотном о Великой Отечественной Войне. Но игры продолжились. Глава ДУМ отказался снимать вторую богохульную и русофобскую картину.

Руководитель правозащитного центра Всемирного Русского Народного Собора Роман Силантьев отмечает: «У Мухетдинова две оскорбительные картины. Он снял одну, но у него же еще одна есть, как минимум. Вот на одной картине там попранный стяг со Спасом Нерукотворным, а вторая картина — там лежит в грязи знамя с Богородицей. Про эту картину он ничего не сказал. Там все картины, судя по всему, в определенной стилистике написаны. Причем он их заказывал. Это не копии известных картин, он определял их сюжет. Это картины свежие, буквально им по 2-3 года. Он сознательно это всё сделал, это оригиналы картин».

При этом исламовед Силантьев считает, что русофобская трактовка отечественной истории — это не личная позиция Мухетдинова, а отражение идеологического курса всего Духовного управления мусульман: «Это турецкая организация. У них нет своей политики. Они на данный момент транслируют то, что транслирует Эрдоган...»

В своих материалах я неоднократно указывал на тлетворную русофобскую деятельность ДУМ России, ссылаясь в том числе и на квалифицированные заключения Романа Силантьева. В частности, на то, что Силантьев просил председателя СК РФ Александра Бастрыкина инициировать запрет Совета муфтиев России (СМР) и Духовного управления мусульман (ДУМ) РФ. По его словам, СМР и ДУМ чаще других мусульманских организаций фигурируют в скандалах и криминальной хронике, хотя контролируют не более 9% зарегистрированных и не более 7% реально действующих мусульманских общин России. А муфтий Гайнутдин не раз высказывался в поддержку ваххабизма и протестовал против запрета этого движения, а также лоббировал деятельность лидеров турецкого экстремистского движения «Нурджулар» (экстремистская организация, деятельность которой запрещена в РФ. — **Ред**.).

Повторим вопрос Алексея Кочеткова: «Может, все-таки такой ДУМ нам в России не нужен?».

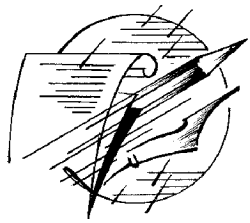
Валентин КАТАСОНОВ

«ИЗБРАННЫЕ» ВСЕМИРНОЙ ИМПЕРИИ

Трудно найти грамотного человека, который бы не слышал о книге Джона Колемана «Комитет Трёхсот». Уверен, что многие не только слышали, но и читали эту книгу. Впервые книга увидела свет на английском языке в 1991 году. Многократно переиздавалась (в том числе с дополнениями автора), переводилась на многие языки, в том числе на русский.

Джон Колеман (1935 года рождения) — американец, многие годы служил в британской разведке МИ-6. Последние примерно сорок лет пишет статьи и книги, из которых «Комитет Трёхсот», наверное, самая важная и известная. Она написана с учетом опыта службы автора в МИ-6 и на основе той информации, которая недоступна для простых смертных. «Комитет Трехсот» — название тайной группы людей, которые составляют мировую элиту и которые пытаются управлять миром.

«Комитет Трехсот» возник примерно полтора столетия назад; он стал преемником «Совета 300» — главных акционеров Британской Ост-Индской компании (БОИК). Компания была учреждена английской королевой Елизаветой I



в 1600 году и упразднена в 1874 году. К моменту упразднения БОИК ее главные акционеры (составляющие «Совет 300») уже успели установить контроль над экономиками многих стран и мировыми рынками многих товаров, создать банки и компании в самых разных отраслях. «Комитет Трёхсот», принявший эстафету от «Совета 300», уже контролировал значительную часть мира. Это была британская колониальная империя, в которой проживала четверть населения Земли и над которой «никогда не заходило солнце». Еще хозяева БОИК уже стремились установить власть над всем миром, они решили эту задачу частично; «Комитет Трёхсот» продолжил решение этой задачи, и он решает ее вплоть до сегодняшнего дня. Конечная цель — создание Единого мирового государства с Единым мировым правительством. Во главе этого государства и правительства встанет «Комитет Трехсот».

Для достижения вожделенной цели «Комитет Трёхсот» использует широкий арсенал средств: деньги, военную силу, СМИ, наркотики, культуру (точнее — антикультуру или контркультуру), религию (точнее — псевдорелигию и даже откровенный сатанизм), спецслужбы (ту же разведку МИ-6) и т.д. Для захвата власти «Комитет Трёхсот» продвигает своих людей на ключевые позиции в государстве. А для эффективного управления миллионами простых людей «перезагружает» их сознание с помощью СМИ, языческих культов, сексуального разврата, наркотиков и прочих средств контркультуры.

Впрочем, всё это известно тем, кто читал книгу Колемана. И сейчас я хотел бы обратить внимание на то, что автор книги — не бесстрастный наблюдатель происходившего и происходящего в мире. Судя по многим его ремаркам, он — христианин, который понимает, что «Комитет Трёхсот» — сборище сатанистов. И члены этой сатанинской секты знают, что главным препятствием на пути к достижению их вожделенной цели является христианство. Поэтому его надо уничтожить, в том числе путем его замещения разного рода оккультными подделками. Колеман опасается и за христианство, и за всё человечество (большую часть которого неомальтузианцы из «Комитета Трёхсот» планируют просто уничтожить физически).

Но, кроме всего, Колеман как американский гражданин переживает за судьбу своей родины — США. Чувствуется, что он настоящий патриот Америки. Многие эксперты, привыкшие оценивать слова, решения и действия американских президентов, признают, что хозяевам Белого дома часто приходится учитывать какие-то «внешние обстоятельства». Т.е. с точки зрения интересов США и американского народа

им следовало бы поступить так-то и так. А в реальной жизни некоторые решения и действия оказываются «далеко не самыми лучшими» для США и американского народа. Иногда по причине ошибок президентов. Но чаще по причине каких-то «внешних обстоятельств».

Джон Колеман гораздо более категоричен в своих суждениях по данному вопросу. Он на многочисленных примерах показывает, что американские президенты принимают решения и действуют в интересах отнюдь не США и американского народа, а исключительно по командам и в интересах «Комитета Трёхсот». По крайней мере, это касается американских президентов последнего столетия.

До этого были президенты, которых действительно можно назвать «американскими», «национальными», «патриотичными». Например, таким был Эндрю Джексон, седьмой американский президент (1829—1837), не допустивший создания в США Центрального банка, через который банкиры-члены «Совета 300» рассчитывали управлять Америкой. На него было организовано несколько покушений, но все они провалились; Эндрю Джексон ушел из жизни своей смертью. Против банкиров-членов «Совета 300» действовал и 16-й президент Авраам Линкольн, но был убит в 1865 году (естественно, по заказу тех самых банкиров).

А вот в XX веке большинство американских президентов были уже полностью послушны мировой элите (теперь это уже был «Комитет 300»). Так, в главе 3 Колеман ссылается на другого американского патриота — Линдона Ларуша (1921—2019). Он приводит слова Ларуша о двух президентах, которые окончательно поставили Америку под контроль «Комитета 300» — Теодоре Рузвельте и Вудро Вильсоне: *»С помощью своих послушных орудий — Тедди Рузвельта и президента Вудро Вильсона — они протолкнули Акт о федеральном резерве. Они контролируют ведущие университеты в США, ведущие либеральные средства массовой информации, основные развлекательные программы и большинство издательств. Они — это «либеральный истеблишмент Востока США», отождествляемый с американским отделением организации «Лондонский круглый стол», впервые основанным как «Национальная гражданская федерация». Сегодня эта организация представлена в США Нью-Йоркским «Советом по международным отношениям». Именно их президент Франклин Рузвельт порой называл «экономическими роялистами». Иногда их называют «патрициями», а сами они довольно часто нанимают писателей для создания книг и статей, живописующих их в образе патрициев древнего Рима, людей с «голубой» кровью, «семей», составляю-*

щих благополучие американской «аристократии». Они «олигархи» в строгом смысле этого слона…»

Джон Колеман проводит интересную мысль: власти США не особенно скрывают того, что они участвуют в создании нового мирового порядка и что конечным результатом этого станет создание Единого мирового государства и Единого мирового правительства. Но при этом они создают у американского обывателя представление, что бенефициаром этого проекта будут все американцы. Ведь Америка — «впереди планеты всей» по экономической мощи. Америка, мол, станет держателем «контрольного пакета» «всемирной империи». Мол, «всемирная империя» — это Pax Americana».

Но это, по мнению Колемана, опасная иллюзия, создаваемая ради того, чтобы в Америке не было оппозиции планам «Комитета 300». На самом деле, как отмечает Колеман, бенефициарами проекта «всемирная империя» будут лишь «избранные», т.е. члены «Комитета 300» и их самые приближенные. А простых американцев просто «кинут». Они либо вообще окажутся «лишними людьми» на планете (подлежащими «утилизации»), либо станут рабами хозяев «всемирной империи».

«Римский клуб» — международная организация, учреждённая одним из видных членов «Комитета 300» Дэвидом Рокфеллером, озвучивает некоторые «рекомендации» государствам, которые, в конечном счете, должны ускорить реализацию проекта построения Единого мирового государства. Такие «рекомендации», как сдерживание демографического роста, а затем и сокращение численности населения. Также остановка промышленного развития (под видом перехода к «постиндустриальному обществу» — согласно идеям Збигнева Бжезинского, изложенным в его книге «Технотронная эра» (1969 г.). Далее — ослабление национальных государств путем постепенной передачи функций частному капиталу (приватизация государства), демонтажа границ, введения свободного трансграничного перемещения товаров, капитала, рабочей силы. И т.д.

Поначалу некоторые думали, что подобные «рекомендации» Римского клуба адресованы лишь странам третьего мира. Мол, Америку как «эталон» совершенного во всех отношениях государства они не касаются. Но Джон Колеман говорит, что, скорее, наоборот. Америка действительно в XX веке была неким «эталоном», на который старались ориентироваться многие страны мира. Пусть она и сейчас будет «эталоном», но другим — примером того, как надо перестраиваться с учетом «рекомендаций» Римского клуба. Джон

Коулман с болью в сердце описывает, как Америка с 1960-х годов приступила к такой перестройке, которую, по мнению автора книги «Комитет 300», следует назвать «самоубийством».

Джон Коулман, в частности, подробно описывает, кто, как и с какой целью запустил с середины 60-х годов революцию «контркультуры», которая выражалась в насаждении среди американской молодежи панк-культуры, хиппи, музыки «рок», «Битлз». Вслед за этим последовала сексуальная революция, повальная наркотизация американского общества, всплеск бандитизма и всякие прочие опыты, направленные на «великую перезагрузку» американского образа жизни. Поскольку Америка была признанным «эталоном», то ее опыт «великой перезагрузки» должен был расходиться по всему миру.

«Великая перезагрузка» захватила также экономику США. Америка по указанию «Комитета 300» должна демонстрировать всему миру, как надо осуществлять переход от индустриальной экономики к «постиндустриальной». Проще говоря, как проводить деиндустриализацию. Коулман уделяет этому вопросу особое внимание. Организовал и курировал эту деиндустриализацию Америки один из членов «Комитета 300» Этьен Давиньон. Коулман уже констатирует, что к началу 90-х годов произошел «подрыв таких отраслей промышленности США, как сталелитейная, автомобильная и кораблестроительная, а также сельскохозяйственного комплекса, осуществленная в рамках политики постиндустриального нулевого роста, проводимой по указанию «Комитета 300» под руководством французского (по мнению некоторых, бельгийского) аристократа, графа Этьена Давиньона».

Читаем: *«Возьмите в качестве примера наше морское судоходство — когда-то могущественную силу, которой мы заслуженно гордились. Судостроительная промышленность сыграла ключевую роль в том, чтобы сделать американскую нацию процветающей в мире... Но... наше кораблестроение было сознательно разрушено под давлением «Римского клуба», что являлось элементом политики постиндустриального нулевого роста, проводимой Давиньоном»*.

Агентура Римского клуба и «Комитета 300» в Америке организовала мощную и перманентную кампанию против развития ядерной энергетики. Что также вносило вклад в деиндустриализацию страны. *«Мы видели, сколь успешно было использовано в США движение против ядерной энергии, застопорившее промышленное развитие страны в соответствии с планами Клуба, предусматривающими «нулевой постиндустриальный рост». Мы видели, как, в результате воплощения плана*

Давиньона, поразительный индустриальный рост в Соединённых Штатах сменился катастрофическим застоем».

Ещё в конце прошлого столетия Джон Колеман определял долгосрочный вектор движения Америки — движения в сторону окончательного экономического краха и полной утраты национального суверенитета: *«Соединённые Штаты стоят на грани внутреннего краха и готовы упасть в объятия Единого Мирового правительства новых Темных Веков, если США — духовный и моральный банкрот, если наша промышленная база разрушена, если в стране 30 миллионов безработных, если наши города — ужасная клоака всяких мыслимых преступлений с уровнем преступности почти в три раза выше, чем в любой другой стране, если в стране 4 миллиона бездомных, если коррупция в правительстве достигла невиданных размеров, охватив всех подряд»*

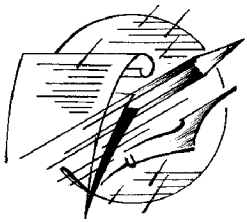
В Римском клубе правой рукой Дэвида Рокфеллера был Збигнев Бжезинский. Именно он является изначальным автором идеи «постиндустриального нулевого роста», впервые изложенной в книге «Технотронная эра». Бжезинский писал книгу не как частное лицо, но как советник президента Картера по национальной безопасности, ведущий член Римского клуба, член «Комитета 300», «Совета по международным отношениям», а также как представитель старинной польской чёрной аристократии. Джон Колеман подробно анализирует роль Бжезинского в разрушении Америки. Он, в частности, пишет: «В его книге объясняется, каким образом Америка должна отказаться от своей индустриальной базы и вступить в то, что он назвал *«совершенно новой исторической эрой. То, что делает Америку уникальной, — это её стремление испытать на себе будущее, будь то поп-арт или ЛСД. Сегодня Америка — это творческое общество, в то время как остальные сознательно или бессознательно являются её подражателями»*. Ему следовало бы сказать, что, по сути, Америка — это испытательный полигон для политики «Комитета 300», которая прямо ведёт к упразднению существующего строя и установлению власти Единого мирового правительства и Нового мирового порядка».

Какие могут быть «национальные интересы» у страны, которой «Комитет 300» отвел роль «испытательного полигона»? В подобных оценках США как страны, утратившей суверенитет, Джон Колеман не одинок. Об этом же говорили и говорят такие известные американские деятели, как упоминавшийся выше Линдон Ларуш, Пол Робертс, Майкл Хадсон, Такер Карлсон и другие патриоты Америки.

Андрей СОШЕНКО

ЕДИНЫЙ ПРОЦЕСС

«Европа исповедует ценности Талмуда», — об этом заявила глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен. Историк Михаил Тюренков, член Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви, руководитель идеологического отдела «Царьграда» прокомментировал ее слова: «Краткий толковый перевод сказанного главным евробюрократом: Европа исповедует «ценности» деления людей на разные «сорта». Причём некоторые из них даже как бы «не совсем люди», а потому в их отношении допустимо всё, включая геноцид (Газа — лишь один из примеров)... Тема еврейского фашизма в нашем общественном пространстве фактически табуирована. Можно говорить о мифологических «русских фашистах», но нельзя о вполне реальных еврейских. Мол, если ты скажешь что-нибудь об этом, то сразу же станешь сопричастным гитлеровским «творцам холокоста» или, как минимум, «черносотенным погромщикам». Сами же эти фашисты банально расчеловечивают целые народы: русских, сербов, палестинцев, иранцев... Причём вне зависимости от собственного этнического происхождения. Та же Урсула фон дер



Ляйен — дочь Эрнеста Альбрехта, который в детстве, очевидно, был членом Гитлерюгенда, поскольку их семья никогда не эмигрировала из гитлеровской Германии и в движении Сопротивления тоже замечена не была... Чтоб не прослыть антисемитом (в нашей стране), необходимо только присягать им на верность и постоянно каяться в своей русскости. А ещё «лучше» — унижать всё русское и православное».

В США администрация Трампа приостанавливает федеральное финансирование Гарвардского, Принстонского, Колумбийского и Пенсильванского университетов. Это связано с бездействием руководства университетов в отношении проявлений антисемитизма в этих учебных заведениях. Специальная рабочая группа Трампа по борьбе с антисемитизмом проверяет контракты на сумму 255,6 млн. долл. и многолетние грантовые обязательства на 8,7 млрд. долл. между правительством и Гарвардом. Ранее администрация Трампа заморозила финансирование Колумбийского университета общим объёмом более 400 млн. долл.

Также в середине марта Министерство образования США предупредило 60 американских университетов о последствиях, если они не обеспечат защиту студентов еврейского происхождения от акций протеста.

Эти уведомления получили, в том числе, шесть из восьми вузов Лиги плюща: Брауновский, Гарвардский, Йельский, Колумбийский, Корнеллский и Принстонский университеты. Под акциями протеста нужно понимать недовольство со стороны мусульманских студентов геноцидом арабов в Газе и вообще на Ближнем Востоке, в очередной раз устроенном Израилем. Американские власти также проведут проверки соцсетей иностранных студентов и просителей грин-карт на предмет проявления враждебного отношения к евреям.

Таким образом, Трамп с не меньшим основанием, чем Урсула фон дер Ляйен, может заявить, что «США исповедуют ценности Талмуда». Администрация Байдена своей миграционной политикой создавала все предпосылки к проявлению антисемитизма посредством привлечения в Штаты мигрантов, а администрация Трампа с этим громко и усиленно теперь борется.

Трамп неоднократно высказывался за ужесточение иммиграционной и миграционной политики США. Кое-что, действительно, сделано в этом направлении, несколько десятков тысяч нелегальных мигрантов выслано из страны. Но это капля в море от общего числа мигрантов. Есть основания полагать, что вся эта затея не более чем пиар. Трамповская борьба с нелегалами закончится пшиком. «Глубинное госу-

дарство» не позволит. Вероятно, этот пшик плановый, так и было задумано изначально.

Как я писал на «Русской народной линии» еще 5 лет назад, все базовые ценности либерализма и трансгуманизма (условно — байденовщины), построенные на песке «прав человека», во многом уже сделали своё дело, достигли своей кульминации, переходя уже в карикатуру, а потому требуют некоей коррекции.

А чем отличается, условно говоря, «США-Израиль» от «Рима-Ватикана» (Европы) в базовом смысле? Ничем, разве что ещё более узким пониманием «избранности». Это две стороны одной медали — глобализма. Может, только тем отличаются, что «Израиль» отбросит за ненадобностью всю иезуитскую дымовую завесу либерализма, стремящегося к единому мировому порядку, и явит мировую диктатуру в чистом виде —кровавую и беспощадную, уже без всяких прикрытий. Разумеется, под «Израилем» здесь нужно понимать не просто государство, а идеологию сионизма.

Трамп в первый свой срок президентства признал Иерусалим единой и неделимой столицей Израиля, что является одним из необходимых условий «исполнения обетования о приходе мессии» (машиаха) и должно сопутствовать возведению «третьего храма». По еврейским «пророчествам» и «знамениям» появлению мессии должны предшествовать большие потрясения и настоящая крупномасштабная война. Для этого осталось окончательно сломить сопротивление христиан и мусульман. Как видим, от имени всей Европы Урсуда Лайен уже публично отказалась от христианства.

А все эти «тарифные войны», противоречия между странами Европы и США, «миротворчество» Трампа, создание видимости его озабоченности жизнями русских людей на т.н. Украине и в России — всё это для проформы, для красивого впечатления. И всё это — постановочные трюки. По конечным целям трамповская Америка ничем не отличается от байденовской. Вопрос лишь, так сказать, стратегии и тактики.

Слова и позиции Урсулы и Дональда являются очередным доказательством единения целей Запада. Обе персоны одним процессом заняты.

P.S. Как сообщила в апреле программа «Время», спецпредставители президентов на переговорах США и России (Уиткоф и Дмитриев) встречались в синагоге Санкт-Петербурга...

Александр СЕВАСТЬЯНОВ

К ЧЕМУ ВЕДЁТ ПЕРЕМИРИЕ?

Однажды Россия из-за перемирия проиграла великую войну. Ливонскую. Последствия были для нас крайне тяжелыми. Проигранная война послужила, среди прочего, прологом к Смуте, унесшей не то треть, не то половину народа.

Вот как это было.

Война началась в 1558 году, как только Россия развязала себе руки на юго-восточном, татарском направлении, разгромив, покорив и присоединив к себе Казань и Астрахань, Башкирию, Кабарду и Большую Ногайскую Орду, подчинив себе казаков. Реализовав этот проект, царь Иван Грозный посчитал татарский вопрос решенным и закрытым, поскольку в южном и восточном направлении России больше претендовать было не на что, дальнейшая экспансия преисполненной силою Москвы стала там невозможной. Ведь Крым уже находился под эгидой Турции, а осложнять русско-турецкие отношения Иван IV не мог и не желал. Русь могла теперь сосредоточить свои усилия в направлении Запада.

О том, что выбор нового, западного направления для очередной пробы русского могущества зависел исключительно от воли 28-лет-

него царя, от его решения, от его понимания русских целей и задач, свидетельствует судьба Избранной Рады и, прежде всего, попа Сильвестра, братьев Адашевых и князя Курбского, настаивавших, из личных соображений, в том числе корыстных, на приоритетности восточного направления. Их неуместная, супротивная царю настойчивость плохо кончилась для каждого из них. Есть основания полагать, что учреждение опричнины отчасти также было мотивировано изменением внешнеполитического курса, сменой вектора противостояния с Востока на Запад, что противоречило интересам значительной части правящего класса и военного сословия России. Эти влиятельные люди не могли с такой сменой примириться. Однако политика Ивана Грозного в отношении Востока и Запада — есть яркая демонстрация экзистенциального русского выбора, уходящая корнями в выбор и политику Александра Невского и нашедшая свое максимальное выражение в политике и выборе Петра Первого, завершившего в ходе Северной войны дело, начатое Иваном Грозным.

Начиная Ливонскую войну, Иван Грозный ничем особенно не рисковал. Избыток русской силы настоятельно требовал применения. Предстоящий России противник был слаб, и первые же годы наших блистательных военных успехов это подтвердили. Литва, устав вести счет потерям в русско-литовских войнах за минувшие 60 лет, боялась воевать с Россией. Польша не граничила напрямую с зоной конфликта, Швеция пока не обнаруживала стремления вступить в него. Благоприятных для русских условий было в ближайшей перспективе много, а противных — никаких.

Блистательные успехи русского войска в ближайшие же годы все это наглядно подтвердили. Уже в 1558 году были взяты Нарва и Дерпт; всего с мая по октябрь первого года войны русскими было взято 20 городов-крепостей, включая добровольно сдавшиеся. В январе 1559 года воевода князь Серебряный разгромил немцев при Тирзене (пало 400 рыцарей во главе с командующим). После чего, не встречая серьезного сопротивления, прошел с войском по всей Ливонии, захватив 11 городов и дойдя до Риги, где спалил на Дюнамюндском рейде рижский флот. Затем так же прошел через всю Курляндию вплоть до прусской границы и в феврале вернулся в Россию с огромной добычей и большим числом пленных.

По сути, в тот момент война была нами с блеском выиграна. Надо было только быстро и надежно закрепить этот результат. Но...

Резкими успешными действиями в защиту законных русских прав и интересов царь Иван разворошил осиный улей.

Что же произошло в результате? Локальный конфликт, начинавшийся как русская карательная экспедиция против злостных неплательщиков дани — ливонцев, стал постепенно превращаться в большую региональную Северо-Европейскую (Балтийскую) «войну за ливонское наследство» (В.В. Пенской). В каковой войне практически все заинтересованные стороны, кроме теряющей свое значение Дании, были объединены одной задачей: загнать Россию обратно, туда, откуда она неожиданно вылезла, наказать ее за успехи, за тот страх, который она нагнала на близлежащие народы.

Этот исторический эпизод, как сегодня ясно, имел характер алгоритма, по которому потом не раз будут развиваться события. Сказанное касается как хронически повторяющейся ситуации, когда наши военные победы обесценивались затем нашими дипломатами (в результате Отечественной войны 1812 года, Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., Русско-японской войны), так и стремления объединенного Запада «наказать» нас за выдающиеся военные достижения (Крымская война, Берлинский конгресс, первая Холодная война).

Главной допущенной Россией роковой ошибкой, точкой бифуркации, после которой ситуация развивалась чем дальше, тем больше не в нашу пользу, было ***перемирие***, милостиво дарованное царем ливонцам по их мольбам с 1 мая (а фактически с марта) по 1 ноября 1559 года. За это короткое время недобитая Ливония успела политически переиграть Россию.

Увы, перемирие было дано не только по молениям ливонцев и под давлением иных держав (с этим, возможно, Иван IV справился бы), но и в результате расхождения взглядов в русском руководстве, где еще очень сильны были позиции т.н. Избранной рады, а самодержавная тенденция еще не победила окончательно. Сегодня историки однозначно называют окольничего Алексея Адашева главным инициатором перемирия 1559 года, возлагая на него тем самым и главную ответственность за будущий проигрыш войны со всеми негативными последствиями этого. Адашев выразил интересы тех многих дворян, которые в ходе минувшего десятилетия приобрели состояния за счет побед на Востоке, а также тех, что имели свой интерес в отлаженных торговых отношениях с Западом. Все они хотели продолжения прежнего курса: а) воевать с мусульманами и налагать на них дани; б) мирно торговать с европейцами...

Это упорное нежелание влиятельных кругов понимать и принимать новые задачи, вставшие перед Россией в новых обстоятельствах, привело к трагическим последствиям. Не добив сразу уже поверженного врага, Россия обусловила тем

самым свое будущее поражение. Верно, но слишком мягко это сформулировал В.В. Пенской: «Одержав убедительную военную победу, Иван Грозный потерпел дипломатическую неудачу — новая успешная военная демонстрация не достигла своей главной политической цели. Война продолжалась, и по мере ее затягивания ситуация будет все более и более осложняться». На деле именно в перемирии 1559 года была заложена первая и главная предпосылка конечного проигрыша войны.

Главную опасность на нашем пути воздвигла ливонская дипломатия: новый и молодой магистр Ордена — Готхард Кетлер — умно воспользовался перемирием и принял неожиданное и нестандартное политическое решение. Часть ливонских земель и владения рижского архиепископа он передал по соглашению с королем Сигизмундом Августом под «клиентеллу и протекцию» Великого княжества Литовского, а другая часть — Ревель и земли Эстляндии — оказались под властью Швеции.

В мгновение ока вся ситуация принципиально изменилась: отныне русским приходилось воевать за свои интересы в Прибалтике уже не с жалким, разложившимся и не способным на серьезное сопротивление Орденом, а с сильнейшим противником, Литвой и Швецией.

Уверенная в своей теперешней безнаказанности, Ливонская конфедерация по своей инициативе возобновила войну за месяц до окончания перемирия, вероломно напав на русские войска в окрестностях Юрьева и перебив более тысячи человек. В ответ в 1560 году русские одержали ряд важных побед, но внешнеполитический расклад уже весь поменялся, и теперь Москве пришлось столкнуться с Варшавой и Стокгольмом, потребовавшим, чтобы русские войска удалились с их территории. Иван Грозный предсказуемо ответил отказом, и Россия автоматически оказалась в состоянии войны с коалицией Литвы и Швеции.

Как уже говорилось выше, направив экспансию русской мощи на запад вместо востока и юга, царь Иван вошел в противоречие со значительной частью боярства и дворянства, чьи интересы требовали обратного. В результате им были начаты репрессии, вызванные вполне обоснованными подозрениями в измене. Поп Сильвестр, ведший вместе с сыном обширную торговлю с Западом через Новгород, в 1560 году был сослан в Кирилло-Белозерский, а затем в Соловецкий монастырь. Алексей Адашев отправился на Ливонскую войну, но был вскоре арестован и умер в дерптской тюрьме в том же 1560 году. Его брат военачальник Данила Адашев в 1561 году был обезглавлен вместе со своим сыном. Бегство в 1564 году в Ливонию и Литву фактического военачальника западной

группы войск А.М. Курбского, последнего видного участника Избранной рады, утвердило Ивана Грозного в его худших подозрениях насчет крамолы. Царь нашел радикальное решение этой проблемы: учреждение опричнины и связанный с этим террор. Он правильно распознал измену в действиях ближнего круга и правильно взялся ее выкорчевывать. Но было уже поздно, жребий выпал необратимо.

Судьбу Ливонской войны решили вовсе не бедность ресурсов (которые как раз в XV—XVI вв. выросли неимоверно) и не техническая отсталость России (стоявшей в военно-техническом отношении уж никак не ниже громимых ею соседей), а главным образом субъективные факторы, относящихся к личности царя и других заметных акторов русской (и не только) истории. Два роковых дипломатических промаха с нашей стороны определили исход войны: перемирие 1569 года, сочиненное Алексеем Адашевым, и отказ от заключения почетного и выгодного мира в 1566 году. Из них самые тяжелые последствия возымело именно перемирие, пролоббированное ориентированными на Запад главными приближенными царя.

История — важнейшая из наук, она учит нас жизни с помощью примеров. Вот и в данном случае рассказ о войне, проигранной из-за некстати случившегося перемирия, помогает нам сориентироваться в современности.

Нужно ли нам в принципе перемирие с Украиной? Чем оно чревато?

Понятно, зачем необходимо перемирие Украине, терпящей тяжелые поражения на фронте. Украинцам нужна передышка, чтобы прийти в себя, домобилизоваться, перестроиться, довооружиться, достроить оборонительные укрепления. Даже если Запад приостановит поставки оружия, на самой Украине будут продолжать работу оружейные заводы. Одних только дронов они заготовят такую армаду, которая сметет все на своем пути в первый же день по окончании перемирия. И т.д.

Понятно также, зачем понадобилась инициатива с перемирием американцам. Трамп и его команда хотят продемонстрировать всему миру, что они контролируют процесс, рулят и манипулируют как Киевом, так и Москвой. Имея с этого политические дивиденды. Трамп еще и Нобелевскую премию мира мечтает получить.

Но совершенно непонятно, зачем перемирие России. К чему ей прерывать победоносное наступление, выпускать из своих рук военную инициативу, терять перспективу, давать передышку врагу, вместо того чтобы добить его, раздавить, наконец, укрофашистскую, бандеровскую гадину? Интерес-

но: если бы в 1945 году, в виду скорого падения Берлина, Гитлер запросил бы у Сталина перемирие на месяц, пошел бы тот ему навстречу? Ясно, что предложив России заключить перемирие, Америка с Украиной попросту приготовили нам ловушку по типу очередных «Минских соглашений».

Но вот какую информацию предоставил недавно интернет-канал «Царьград». Якобы Путин провел совещание по вопросу о перемирии, и на нем выказали себя две противоположные позиции. Есть-де позиция «партии войны» (я ее только что выразил абзацем выше); но есть и позиция «партии мира», которая, педалируя тему жертв и расходов, которые несет Россия в войне, подталкивает президента к скорейшему заключению мира, а для начала — к перемирию. Позиция, на мой взгляд, откровенно капитулянтская. Она-то и заставила меня вспомнить печальный опыт Ливонской войны. Какая из позиций возьмет верх? Это не праздный вопрос, от него зависит наша судьба. Потому что проигрыш в войне может обернуться такой новой Смутой, которую Россия, возможно, и не переживет.

Сегодня, с расстояния в 450 лет нам хорошо видно: перемирие с Ливонским орденом, плохо закончившееся для России, было следствием фактической измены политических верхов, которую царь Иван Грозный сразу не раскусил, а потом уже было поздно. Изменники были-таки наказаны, но проигрыш в войне они успели обеспечить.

Ростислав ИЩЕНКО

ИТОГИ ПЕРЕГОВОРОВ ИЗВЕСТНЫ ЗАРАНЕЕ

Переговоры между Россией и США о полноценном урегулировании ещё даже не начались, но их итог уже подвести можно. Вернее итоги.

В краткосрочной перспективе Москва приняла предложение Трампа попытаться утрясти отношения за счёт Европы и Украины. Именно попытаться, так как не факт, что по-

лучится. И не потому, что Европа с Украиной против и будут отчаянно сопротивляться — это как раз совместными усилиями преодолимо. Просто для того, чтобы заставить Европу заплатить за российско-американский компромисс, этот компромисс надо для начала оформить, а оформить пока не получается. ЕС и Украина потому и имеют пространство для манёвра, что США и Россия с удовольствием говорят, но от общей платформы далеки так же, как были далеки от неё год и два, и три года назад.

В среднесрочной перспективе тот факт, что США сделали попытку выйти из конфронтации, откупившись Европой, свидетельствует о признании Вашингтоном своей неспособности сломать Россию. Таким образом, в войне на истощение США потерпели поражение. Победа и поражение в войне определяются не количеством убитых солдат и занятых территорий противника, а достижением целей войны или неспособностью их достичь. Целью США был слом России. Вариантов было два: согласие Москвы признать себя младшим партнёром Вашингтона, без права голоса и демонтаж российской государственности. Оба варианта не сыграли. Цель войны не достигнута — Вашингтон проиграл.

Но мы знаем, что война — игра с ненулевой суммой, так что Россия могла тоже, как выиграть, так и проиграть, несмотря на проигрыш США. Какова была цель войны для России? Выстоять и сохранить свою субъектность. Россия не только решила эту проблему, она резко набрала международный вес и сегодня является единственным достойным партнёром США в переговорах о перспективах мироустройства. Кремль достиг куда более амбициозных целей, чем перед собой ставил. Таким образом, Россией победа в войне на истощение с Западом уже одержана.

Как ни парадоксально, но это не означает, что и на Украине будет обязательно одержана победа. В победе России на поле боя вряд ли кто-то сомневается, а вот каковы перспективы политической победы, можно будет понять, только после того, как начнётся процесс фиксации победы, одержанной на поле боя. И будет этот процесс долгим и трудным.

Потому что в долгосрочном плане США не собираются выходить из игры, а вопрос, кто же станет единственной глобальной державой, вернее, на чьей политической, экономической и культурной базе она будет создана, остаётся открытым.

Как я много раз писал, политическое противостояние не завершается очередной победой одной из сторон. Завершается лишь раунд, причём сам факт его завершения свидетельствует о немедленном, без перерыва, начале следующего

раунда. И так без конца. Державы рождаются и умирают, возникают и исчезают народы, а борьба за политическое лидерство продолжается без перерыва. Это как вести бесконечный футбольный матч: будут умирать старые игроки, на их место придут новые, неоднократно сменятся тренеры, формы, названия и государственная принадлежность команд, но матч будет длиться и длиться — третий тайм, пятый, пятидесятый, пятисотый, миллионный, миллиардный.

То есть, как мы знали, что рано или поздно закончится наша конфронтация с США и начнётся оттепель, так же мы знаем сейчас, что любая оттепель сменится новой конфронтацией. Единственное, что пока непонятно, оттепель уже наступила или только пытается, начнётся ли перерыв в противостоянии уже в этом году или будет отложен на несколько лет?

Надо твёрдо понимать, что мы сейчас с американцами будем договариваться не о мире навсегда (как бы мы к этому ни стремились), а к очередному более или менее продолжительному глобальному перемирию, в ходе которого стороны будут озабочены занятием лучших позиций для следующего столкновения. Навсегда — это для Украины, для которой всё кончилось, даже если стороны попытаются что-то от неё сохранить. Уже сейчас видно, как это трудно, как разбиваются о реальность все усилия РФ и США обойтись без ликвидации Украины.

Дело в том, что практически невозможно сохранить ненужное государство. За государство всегда кто-то платит. Чаще всего — это народ, общество, создавшее данное государство для защиты своих интересов. Если государство по какой-то причине становится ненужным своему народу, есть шанс, что его будет содержать с какой-то целью внешняя сила.

Украина исчерпала оба эти источника устойчивости. Народ разбегается, понимая, что в украинском государстве ему не выжить, оно настроено на утилизацию собственного населения, как бойня настроена на утилизацию доставляемых стад. Ничего личного, никакой злобы, просто такие настройки: чтобы Украина существовала, её население должно гибнуть, причём с ускорением.

Как я уже писал, Украина как государство по своим настройкам достаточно первобытно и потому в основных своих чертах является бандой. Украинское государство настроено не на созидание, а на потребление накопленного до него. По мере исчерпания накопленного ресурса остаётся только один источник потребления — люди. Это не прямое потребление, государство не питается своим населением, хоть иногда может показаться, что питается, просто государство начинает

использовать для поддержания собственной витальности (жизненной силы) тот ресурс, который ранее использовался для обеспечения существования народа. Чем больше ресурса уходит на обеспечение государственных нужд, тем меньше народа может кормиться на территории данного государства. Результат — сокращение населения: кто не уехал, тот умер.

После того, как США заставили ЕС начать санкционную войну с Россией, которая привела к ликвидации европейской экономической субъектности, Европа стала на тот же путь, который уже прошла Украина. Именно поэтому Брюссель и Киев, а также Лондон, Париж, Берлин так резко выступают против российско-американского перемирия, за которое они должны будут заплатить. Оплата проигрыша Запада в войне на истощение окончательно добьёт Украину и окончательно лишит ЕС перспективы выйти из кризисной воронки, в которой происходит «украинизация» его будущего.

Если отбросить словесную шелуху и оставить лишь суть евроукраиснких деклараций, то они сводятся к тому, что продолжение войны с Россией необходимо для того, чтобы Европа и Украина могли существовать. При этом война с Россией мыслится не как новый конфликт — ни у ЕС, ни тем более у Украины уже нет ресурса для выхода на следующий раунд борьбы. Для них всё завершается в текущем раунде. Поэтому они хотят его если уж не выиграть, то максимально затянуть войну, по принципу: если неизбежное должно случится, пусть всё плохое произойдёт после нас.

Война же или, если угодно, кризис в прежнем формате, для них столь ценен тем, что предполагает, что США несут главную финансовую нагрузку по его оплате. То есть, ЕС и Киеву нужен не просто конфликт с Россией, а конфликт, в рамках которого США продолжают выполнять функцию лидера Запада и несут основные расходы по финансированию конфликта, обеспечивая, таким образом, продление украинской агонии и создавая для ЕС пусть и призрачную, но возможность избежать окончательной «украинизации» и выскочить из кризисной воронки в последний момент.

Подводим итог. Россия и США — сверхдержавы, поэтому их кризисное планирование охватывает все три уровня: краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу. Для каждого уровня ожидается разный результат, что нормально, так и должно быть.

ЕС — бывший претендент на сверхдержавность, утративший экономическую субъектность и пытающийся её вернуть при помощи политических манёвров. Для него актуален вопрос: «Быть иль не быть?» Поэтому планирование осуществ-

ляется на краткосрочную и, частично, среднесрочную перспективу.

Украина — несостоявшееся государство, изначально отказавшееся от полной политической и экономической субъектности, а в 2014 году утратившая их остатки. Она пытается продлить агонию своей обречённой государственности. Возможности планирования присутствуют только на самую близкую перспективу, но и они не используются. Фактически государство живёт в режиме реакции. И как это всегда бывает в бандах, государственная субъектность заменена субъектностью атамана. Украина отказывается от соглашения с Россией на весьма щадящих для неё условиях, исходя не из государственных интересов, а из субъективно воспринимаемых интересов Зеленского и окружающей его камарильи.

Как видим, и краткосрочные (гибель Украины), и долгосрочные (перемирие и затем новый кризис) итоги российско-американских контактов фактически предрешены задолго до того, как контакты начались, и не очень зависят от их успешности (реально существует только хронологическая зависимость). Единственный вопрос, на решение которого эти контакты в итоге повлияют (причём опосредовано), относится к среднесрочной перспективе, и это вопрос выживания Европейского Союза.

Александр ТИХОНОВ

ПРОПУСТИМ ЛИ УДАР В СПИНУ?..

Про то, что наличие в стране миллионов инокультурных мигрантов — это не «спасение экономики», а мина замедленного действия, говорили многие. Но «воз и ныне там». Власть почему-то уверена, что случайности возможны только на фронте, а в тылу «всё под контролем». Точно так же, кстати, рассуждала российская власть и в феврале 1917 года...

При этом все понимают, что идёт целенаправленная «замещающая миграция», благодаря которой Россия уже вошла в «двадцатку» самых «мусульманских» стран мира. И отнюдь не за счёт коренных своих «мусульманских» народов, у

которых, за исключением Чечни, коэффициент рождаемости на женщину не дотягивает до 2,15, т.е. до простого воспроизводства населения (в Татарстане — 1,45, в Дагестане — 1,75, в Ингушетии — 1,81). Ползучая исламизация России уже вовсю идёт именно за счёт мигрантов: недаром муфтий Ильдар Аляутдинов уже заявлял на съезде узбекской (!) диаспоры о «демографической миссии мусульман» в России. Не своих, заметьте, мусульман, а привозных, которых, мол, надо завозить как можно больше, создавать им все условия и давать гражданство. Тогда Россия со временем станет вполне демографически благополучной и при этом абсолютно «мусульманской» страной.

Признаков «ползучей исламизации» предостаточно уже сейчас. Это и предоставление в угоду диаспорам сертификатов на жильё многодетным экс-мигрантским семьям в то время, как такие же русские семьи не могут об этом даже мечтать. Это и демонстративные «прогибы» перед диаспорами — от печально известного «крестопада» до введения в том же РУДН для студенток дресс-кода, «не обижающего и не провоцирующего» (на изнасилования?) студентов-мусульман из Средней Азии. Добавим к этому абсолютно безответственную, а порой провокационную политику ДУМ, когда главный имам Московской соборной мечети Ильдар Аляутдинов «разрешает» мусульманам совершать намаз в церкви, а первый зампред главы ДУМ и ректор Московского исламского института — МИИ Дамир Мухетдинов выпускает для духовных мусульманских учебных заведений учебник «История Ислама в России», в котором Россия подаётся как враждебное мусульманам территориальное образование, во все времена их терроризирующее. Причём издан сей антиправославный и русофобский пасквиль на деньги «Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования», созданного при поддержке Управления делами президента по внутренней политике!

Почему на это не реагирует Кремль? Как видно, там считают, что процесс «мусульманизации» России будет достаточно долгим, и у власти ещё будет время в него вмешаться. А если не будет? Если мигранты организуются и нанесут удар именно сейчас, пока все силы и внимание народа и властей направлены на СВО? Причём возглавлять процесс будут даже не сами диаспоры, а вполне себе легальные политические силы.

Не забудем скандальные заявления депутата Фёдорова и иже с ним в оправдание и поддержку мигрантов, а также угрозы «разобраться» со всеми, против «замещающей миграции» выступающими? Если кто-то полагал, что это погоня за хайпом, тот ошибается. Согласно некоторым источникам,

готовится формирование новой, «промигрантской», по сути своей, легальной политической силы. Создаётся она на основе опереточного фёдоровского движения НОД и называется «Партия национального единства»(ПНЕ). В руководстве — такие личности, как глава узбекской диаспоры Ибрагим Худайбердиев и именующий себя «голосом диаспор» НОДовец Магсум Нургалеев, утверждающий, что в мигрантском криминале виноваты... сами русские: мол, не задерживали бы мигрантов за нелегальную торговлю на улице, за наркоторговлю, за нарушение миграционного законодательства и т.п. — тогда и мигранты никого бы не резали и не насиловали. Это, кстати, официальная позиция и всего НОД: Фёдоров даже теракт в «Крокусе» объясняет... наличием «русского нацистского (?) подполья», якобы направляемого Западом. Как считает Федоров, руками «обиженных русскими» мигрантов западные кураторы «русского нацистского подполья» и устроили бойню в «Крокусе». А не «обижали» бы, так и бойни бы не было.

И не надо утешать себя, что «промигрантскую партию» мало кто поддержит. Потому что подают её хитро — как, якобы, защитника социалистического интернационализма, при котором в СССР «все жили дружно», а значит — любого мигранта следует считать «соотечественником», впускать и давать ему всё, что пожелает. А там, мол, он сам ассимилируется. На это многие «купятся» — коммунисты, в частности, да и либералы (которые всегда за миграцию) тоже. В партию массово войдут не только оболваненные Фёдоровым олухи, но и миллионы получивших/купивших гражданство экс-мигрантов. Массовку на митингах обеспечат вдесятеро большее число мигрантов — пока ещё не граждан. Деньги дадут как диаспоры и диаспорный бизнес, так и бизнес, паразитирующий на труде мигрантов и «серых» схемах. Ну и, разумеется, есть какая-то политическая «крыша» всего этого процесса, вероятно — на уровне президентской администрации, ибо без её отмашки у нас, как известно, ни одну партию в политику не пропустят, чему масса примеров. Так что всё вполне серьёзно. Говорят, что ПНЕ уже потихоньку проводит учредительные собрания по регионам, и вот-вот «чёртик выскочит из табакерки».

А теперь предположим (только предположим!), что, как предупреждали многие эксперты, Запад воспользуется миллионами мигрантов, чтобы взорвать Россию изнутри, организовав под руководством диаспор «мигрантский бунт, бессмысленный и беспощадный». Угробят какого-нибудь «узбекского Флойда», устроят мигрантские протесты, стрельбу

по ним (неизвестные снайперы», как помним, не только в Киеве в 2014 г. отметились, но ещё и в Москве в 1993-м!), в чём Фёдоров и его сторонники обвинят то самое придуманное ими «русское нацистское подполье», и вот оно — мигрантское BLM с погромами и «случайными» убийствами противников миграции, коих Фёдоров уже призывал «расстреливать, как бешеных собак».

Ну а потом ПНЕ выступит как «посредник», предложив «ради успокоения мигрантов» пересажать противников «замещающей миграции», запретив любую её критику, а самим мигрантам предоставить амнистию и всем желающим — гражданство (ведь это — будущий электорат ПНЕ, на следующих выборах позволяющий побороться за изрядное представительство в ГД, а там и за большинство). Напуганный погромами и резнёй обыватель подобное «миротворчество» поддержит, и тогда следующим президентом РФ, вполне вероятно, станет даже не Фёдоров, а, например, Ибрагим Худайбердиев...

Валерий ШАМБАРОВ

ИЗВРАЩЕНИЯ «ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ»

Конечно же, все слышали термин «политкорректность». Но вряд ли большинство граждан понимает его истинный смысл. Поясним, что он не имеет ничего общего ни с политиками, ни с правилами вежливости в дебатах, передачах, в предвыборной агитации и т.д. На самом деле политкорректность (американцы говорят сокращенно «писи») — это мощнейшая глобалистская программа, внедренная в 1990-х — начале 2000-х годов в рамках строительства «нового мирового порядка». Развернулась она одновременно с другими проектами по сносу духовности, традиционной культуры, морали, нравственности. С пропагандой гомосексуализма, легализацией проституции, «однополых браков», «легких наркотиков», эвтаназии и др. С принятием ювенальной юстиции, возведением в культ «толерантности», когда коренное насе-

ление вынуждают подстраиваться к мигрантам (чего стоит хотя бы запрет французским христианам носить в школах нательные кресты!)

Программа «политкорректности», начавшаяся в США, быстро охватила другие страны Запада, стала распространяться на весь мир. Причем стоит обратить внимание — кампания носит глобальный характер, но нигде и никогда широко не освещалась, не обсуждалась. Подробную информацию по поводу политкорректности можно найти только в работах ученых-лингвистов. Но их научные труды имеют крошечные тиражи, известны лишь ограниченному кругу специалистов, а массовая аудитория ими, естественно, не интересуется. Политкорректность вообще никогда не преподносилась в качестве единого проекта. Ее внедрение осуществлялось без шума, исподволь, но планомерно и систематически — через СМИ, через отдельные инициативы «общественных организаций».

А лингвистов это просто коснулось напрямую, поскольку речь идет об изменении языка! Учитывая, что язык формирует и само человеческое сознание, определяет образ мышления, системы ценностей. Другими словами, проект нацелен на трансформацию человечества. Главный принцип «политкорректности» преподносился как исключение из языка любых слов и выражений, которые можно считать обидными и «дискриминационными» для какой бы то ни было «индивидуальности».

В Америке кампания началась под благовидным предлогом борьбы с «расизмом», отстаивания прав чернокожего населения (которое давным-давно уравнялось в правах с «белыми»). В итоге слово «негр» было исключено из обихода. Заменено на «афроамериканец» или «африканец». Изгнаны из словаря и термины «индеец» (замена — «коренной американец»), «эскимос». И «еврей» тоже, поскольку в английском слово «Jew» имеет ряд переносных значений — «обманщик», «нечестный человек», «мошенничать», «сбивать цену». Введено — «лицо семитского происхождения».

Но кампания на этом не остановилась. У борцов с «расизмом» эстафету подхватили феминистки. В ходе борьбы с «сексизмом» были заменены все слова, содержащие «дискриминацию по половому признаку». Например, с суффиксом «мен» (в английском — не только «человек», но и «мужчина»): полисмен, бармен, бизнесмен. Вместо этого внедрилось «полицейский офицер», «барперсон», «бизнесперсон» и т.п. Устранены слова «муж» и «жена», заменены на «компаньоны». Однако «борьба с сексизмом» в полной мере коснулась

и религии. Стали исключаться из обихода мужские местоимения «Он», если речь идет о Боге. Их начали совсем опускать или заменять на местоимения неопределенные, среднего рода, множественного числа. В разных протестантских конфессиях принялись модернизировать и понятие Бога-Отца.

К расширению свистоплясок «писи» постепенно стали подключать другие общественные круги. Еще одним пунктом стала борьба с «эйблизмом» («дискриминацией» лиц с теми или иными недостатками). Под запрет попал термин «инвалид» — чтобы не обидеть инвалидов. Введено — «лица, преодолевающие физические трудности». Или «лица, преодолевающие ментальные трудности» (душевнобольные). Вместо «слепой» — «слабовидящий» и т.д.

Была осуждена «возрастная дискриминация». Чтобы не травмировать чувства стариков, их переименовали в «старших граждан». Заменам подверглись и термины «малыш», «несовершеннолетний» и пр. Кроме того, был внедрен жупел — «лукизм», чтобы не обидеть некрасивых. Вместо «красивые» начали употреблять выражения типа «не совсем непривлекательные», «уроды» — «лица нестандартной наружности». Толстые — «люди горизонтальных пропорций», коротышки — «люди, преодолевающие трудности вертикальных пропорций».

Конечно же, была запрещена «дискриминация» наркоманов, гомосексуалистов — это «гомофобия», признаваемая ужасным злом. Нельзя говорить «педераст», «лесбиянка», даже «сексуальные меньшинства» и «нетрадиционная ориентация». Нужно — «лица альтернативной ориентации». Также пресекается «дискриминация по социальному признаку». Чтобы не обидеть бедных, само слово изъято, введено — «не достигшие экономических преимуществ», «малоимущие». Трущобы — «нестандартное жилье».

Изменены названия ряда занятий и профессий. Мусорщик — «инженер по вопросам санитарии», проститутка — «работник сферы сексуальных услуг». Даже заключенных, дабы не травмировать их достоинство, переименовали в «клиентов исправительной системы» или «гостей». Откровенно антихристианский контекст приняла борьба с «антропоцентризмом» — нельзя выделять человека в противовес животным. Запрещается говорить «моя собака» или «моя кошка». Вместо «домашние животные» введено «животные-компаньоны», домашние растения — «растения-компаньоны».

Однако запретами на те или иные слова кампания политкорректности не ограничивается. Под предлогами борьбы с

«дискриминацией», искупления прежних «проступков» человечества, была развернута «программа позитивных действий». Например, при поступлении в учебные заведения предоставляются преимущества «дискриминируемым» категориям: гомосексуалистам, инвалидам, неграм (ну и другой нации, которая всегда показывает себя «ущемленной»). Подобные факторы принято учитывать при приеме на работу, при выдвижении на должности, в «демократических» выборах. Как в свое время выразился кандидат исторических наук С.М. Каюмов — если такая тенденция продолжится, то «следующим президентом США станет одноногая наркоманка, лесбиянка, полунегритянка-полуеврейка, страдающая синдромом Дауна... простите — анатомически и психически озадаченная афроамериканка семитского происхождения с альтернативной сексуальной ориентацией».

Всё это могло бы показаться смешным, но под флагом «писи» развернулся глобальный снос традиционной культуры, морали. В колледжах, университетах, школах были составлены огромные списки запрещенной, «неполиткорректной» литературы, где фигурируют Шекспир, Данте, Мильтон, Сервантес, Марк Твен, Байрон и др. В разных штатах США запрещались даже известные детские сказки. Например, про Карлсона (пропаганда антисоциального поведения, возрастная дискриминация — «Малыш», да и Карлсон постоянно выражается «некорректно»). Из публикаций и круга детского чтения исключались и другие сказки (например, о «Стойком оловянном солдатике» — он ведь был одноногим).

А нарушения политкорректности были обозначены терминами «словесные притязания» или «язык ненависти». Причем под нарушениями понимаются не только высказывания, но и «неуместные шутки», «неправильно адресованный смех». В лучшем случае это влечет обструкцию, травлю провинившегося. За подобные «преступления» исключают из учебных заведений, увольняют с работы (фактически без возможности найти новую). За «язык ненависти» могут подать в суд, содрать крупный штраф или отправить за решетку. А соответствующие «общественные организации» такие вещи строго отслеживают. Написал «домашние животные», «проститутка», «гомосексуалист» — тут-то тебя и подцепили. Голоса противников «писи» (в их числе был знаменитый писатель Умберто Эко) оказались одинокими и беспомощными. Даже протесты западных правозащитников по поводу того, что «писи» противоречит Первой поправке к конституции США (о свободе слова), были отвергнуты. Ну какая может быть

свобода для «языка ненависти»? И, по сути, никакой свободы слова больше нет.

А если разобраться, то кампания «писи» стала фундаментальной подкладкой, эдаким обоснованием для других глобалистских проектов. Для ювенальных законов, когда дети выводятся из-под контроля родителей, получают «права» и «свободы» удовлетворять собственные желания — а воспитывают и регулируют их желания СМИ, штампы массовой культуры, специальные проекты в интернете. За отказ развращать своих детей, попытки не допускать их на школьные уроки «сексуального воспитания» можно запросто попасть в тюрьму. Точно так же «политкорректность» подкрепила права «меньшинств», возведенные в культ. Никто не смеет возражать против «гей-парадов», чтобы не вызвать бурю обвинений в «фашизме», не подвергнуться судебному преследованию за «гомофобию». В результате «меньшинства» начали диктовать свою волю «большинствам». Дошло до того, что во французских школах оказались запрещены слова «мама» и «папа» — поскольку по закону семья может быть однополой. Исключено из употребления и традиционное обращение к девочкам «мадмуазель», заменено на «мадам». Потому что девочки с 11 лет имеют право свободно реализовывать свои сексуальные прихоти.

«Писи» является и мощным идеологическим оружием против нас с вами. Разве можно дружески, уважительно и миролюбиво относиться к народу, который говорит «языком ненависти»? Но и в Россию эта зараза уже внедряется полным ходом. Опять же без шумной пропаганды, без споров, дискуссий, без принятия законодательных актов. Исподтишка. Тихо, вежливо — ну кто возразит против «политкорректности»? Против борьбы с «дискриминацией»? Против «ущемления личности»? Внедрение осуществляется постепенно, ненавязчиво. Но непрерывно. И результаты нетрудно заметить. Уродливые кальки вроде «афроамериканцев» уже никого не удивляют, через СМИ они получили «прописку» в русском языке. Никого не удивляют и случаи, когда на человека, прямо назвавшего мерзость мерзостью, а извращения извращениями, обрушиваются обвинения в «гомофобии». Это уже стало привычным, «нормальным». Поэтому публичные фигуры стараются избежать неизбежных нападок, подыскивают политкорректные выражения. А ведь это и есть в кампании главное. Приучить людей к новому языку — трансформируя мышление. Приучить к новым, глобалистским понятиям, к тому, что теперь «хорошо» и что «плохо»...

Мехмед МУСЛИМОВ

В ТРАДИЦИЯХ МАХРОВОЙ РУСОФОБИИ

В свое время, более столетия назад, зловещий «боец исторического фронта» Михаил Покровский, организовавший полный погром русской исторической науки, изрек такую фразу: «История есть политика, обращенная в прошлое». Приходится признать, что в данном случае советский академик не ошибся. История не только изучает важнейшие сражения прошлого, она сама является полем битвы. Так было всегда. Определенные политические силы стремятся переписывать историю, превратить великие национальные победы во что-то постыдное. Нацию, гордую своим великим прошлым, блеском ее культуры, научным и промышленным потенциалом посредством переписывания истории стремятся превратить в сборище людей с комплексом неудачников, боящихся собственной тени. Подобный путь прошли многие европейские нации, глядя на представителей которых, невольно задаешься вопросом — неужели предки этих рохлей создавали империи, осуществили промышленную революцию, создали великие культуры, прошли огонь множества войн?

И особенно упорно пытаются переписать русскую историю. Причина понятна: страна, которая не подчиняется западным хозяевам, должна быть уничтожена или, по крайней мере, сменить свой генетический и культурный код. Собственно, переписывание русской истории началось очень давно. Еще во второй половине позапрошлого века либеральная интеллигенция сумела создать и внедрить миф о невероятной жестокости самодержавия, отсталости России и борьбе «передовых» людей типа декабристов или Герцена «за свободу». Все эти представления усвоили большевики, которые, выгоняя из страны, а то и вовсе ставя к стенке либеральную интеллигенцию, воспроизводили ее взгляды на русскую историю. Впрочем, уже упоминавшийся выше Покровский вообще отмечал, что само словосочетание «русская история есть контрреволюционный термин». После крушения СССР переписывание истории приняло масштабный характер. Это-

му благоприятствовали официальный отказ от всякой государственной идеологии, внесенный в конституцию страны.

К этому добавляется еще одно обстоятельство — масштабная миграция в Россию уроженцев самых экзотических стран. Когда мигрантов становится много, то перестает проходить естественная ассимиляция мигрантов в жизнь нового общества. Этно-антропологический состав населения России меняется прямо на глазах. И кто же прибывает в Россию? Потомственные профессиональные безработные. Криминалитет. Люди, занятые на фейковых работах (профессиональные спортсмены, эстрадные певуны и дрыгатели ногами, мастера перфоманса и инсталляции, «художники» тату-салонов, собачьи стилисты, гей-активисты, феминистки и прочая публика, чей вклад в реальную экономику глубоко отрицательный). Весьма многочисленные нетрудовые категории — многодетные матери, несовершеннолетние, находящиеся на лечении, в том числе принудительном, от наркомании, психических отклонений и т.п. Члены структур традиционного общества (служители культа, преподаватели в школах этнических меньшинств, члены религиозных судов и пр.), наконец, пенсионеры, которых привозят для улучшения жилищных условий и получения материальных пособий. Культурное наследие России, ее история, традиции и ценности пришельцам чужды. И именно поэтому очень влиятельные силы в России заинтересованы в новом притоке иммигрантов и написании «новой» истории страны. И можно привести конкретные примеры, как русских готовят к этнической капитуляции.

В Екатеринбурге 14—15 ноября 2024 года проходила II Международная научная конференция «Пути и страны: цивилизации Востока в исторической динамике». Тема с огромным историческим и географическим масштабом — от Северной Африки и Ближнего Востока до Японии. В конференции приняли участие представители нескольких десятков вузов и общественных организаций не только со всей России, но и из ряда стран Азии. Разумеется, были представители «Ельцин-центра» и Высшей школы экономики. Среди важнейших программных выступлений на конференции был доклад представителя Духовного управления мусульман РФ Дамира Мухетдинова. Он выступил с докладом «Выглядывая за пределы Руси: истоки и стадии формирования полиэтнического государства в истории России» о необходимости отказа от славяноцентричной концепции, т.е. перед международным научным сообществом предложил пересмотреть историю России, отобрав у русских ключевую роль в построении государства Российского.

Докладчик предлагал «перспективную схему» развития Российского государства, начиная отсчет с гуннов и булгар, а затем выделяя Хазарский каганат как первое устойчивое полиэтническое, поликультурное и полирелигиозное государство на территории будущей России. (У всех переписывателей русской истории есть какая-то тяга к Хазарии.) Далее теолог называет монголо-татарское иго «золотым временем» объединения огромных географических пространств и политической стабильности, заявляя, что Русь совершила «добровольное вхождение» в состав Золотой Орды, а русские князья с самого начала ездили на поклон к хану, чтобы он выступил в качестве третейского судьи, «либо просто для того, чтобы скомпрометировать своих политических конкурентов и избавиться от них».

Однако и при беглом знакомстве с текстом напрашивается одна характеристика: это — диверсия, направленная на уничтожение России через размытие ее идентичности. Теперь у них получается: Россия — это страна не Русского народа, а каких-то кочевых племен. Как показывает пример стран Запада, на которые так призывают равняться, при дальнейшем развитии предложений муфтия скоро начнется снос памятников, целование ботинок негров и прочих меньшинств, юридически установленная дискриминация коренного населения и политкорректность, при которой нельзя вещи называть своими именами. Сами жители страны превратятся в каких-то лишенных корней «россиян», которые покорно воспримут расчленение страны.

С момента конференции в Екатеринбурге прошло уже достаточно много времени. Но официальные власти красноречиво молчат. Следовательно, делают выводы «деславянизаторы», можно продолжать действовать в этом направлении.

Все эти выступления на конференции в Екатеринбурге не являются академическими обсуждениями некоторых научных проблем. Вслед за такими обсуждениями начнется (собственно, уже давно идет) создание учебников по истории без «славяноцентризма». Еще в учебнике А. Кредера, посвященном истории России XX века проводится нехитрая концепция — Вторую мировую войну начали Сталин и Гитлер, выиграли ее американцы, а пострадали в ней евреи. Теперь же участники Екатеринбургского слёта фактически требуют пересмотра всей русской истории, когда будет история без русского народа, да и вся история будет сведена к «угнетению», «колониализму», «оккупации» и пр. Таким образом, не стоит пожимать плечами, говоря, какое значение имеют эти сходки пропагандистов (историками назвать их затруд-

нительно). Это всё очень серьезно, и патриоты должны бороться со всякими «евразийскими» научными концепциями так же, как с либеральными.

Есть еще одна проблема. Духовное управление мусульман, как, вероятно, и институт востоковедения, напрасно надеются, что теперь в России будут изучать только историю тюркских, иранских, кавказских и прочих народов. Как только начнется пересмотр «славяноцентризма», немедленно вся история страны будет сведена исключительно к истории Холокоста. О коренных народах России будут только вспоминать при указании «праведников», спасавших евреев. Может быть, немного будут упоминать про Хазарию. При умелой индоктринации довольно быстро лишенные своего этнического самосознания «россияне» станут обслуживающим персоналом у народа-господина. А различным представителям восточных диаспор можно будет напомнить судьбу Газы.

Андрей СОКОЛОВ

ЗАГАДКА ЕЛЬЦИН ЦЕНТРА

Несмотря на резкую критику общественности, филиал Центра открылся в Москве. В очередном выпуске популярной программы «Бесогон» на российском телевидении кинорежиссер Никита Михалков выразил возмущение открытием в центре Москвы филиала печально знаменитого Ельцин Центра в Екатеринбурге.

«Открыли без шумихи, рядом с храмом», — возмутился режиссер, указывая, что это учреждение появилось в самом сердце столицы, на Большой Никитской улице, рядом с церковью, в которой венчался Пушкин.

В своей передаче режиссер задается вопросом: чьи же интересы на самом деле обслуживает эта организация? «Когонибудь уволили из Ельцин Центра за деструктивную деятельность, направленную против своей страны? Нет, я такого не слышал. Наоборот, там, вероятно, наняли новых сотрудников», — отметил Михалков.

Он напомнил, что здание, в котором разместился московский филиал, было отреставрировано за счет бюджета за огромные деньги — 1,6 миллиарда рублей. Официальное от-

крытие сопровождалось фотовыставкой внучки Бориса Ельцина, Марии Юмашевой, под названием «Моя бабушка — первая леди». Режиссер отметил, что Мария с детства живёт за границей и является гражданкой Австрии.

Он также обратил внимание на недавний скандал, связанный с приглашением в Ельцин Центр Нины Хрущёвой, внучки бывшего генсека. О нем самом можно говорить много: отдал Крым Украине, вывел войска из Австрии, распилил океанский флот на иголки, рассорился с Китаем и так далее. Его внучка с 1991 года живет в США, она известна своими резкими высказываниями в адрес России.

«Мне скажут, — негодовал Михалков, — ну, лекцию Хрущёвой отменили! Да, отменили. Но важно не это. Важно то, что её вообще пригласили. Человека, который открыто заявляет, что России нужно «десять Горбачёвых», чтобы исправить ситуацию в стране. Ведь внучка Хрущёва не скрывает своего негативного отношения к современной России. Она утверждает, что наша страна идёт по ошибочному пути, и предрекает ей мрачное будущее».

Особое внимание Михалков уделил ярмарке современного искусства Atrium, где одной из участниц стала художница Алиса Горшенина. Она принимала участие в создании клипа для группы Pussy Riot, где оскорбляли русских солдат.

«Это не просто спор о вкусах. Это продуманная, осознанная работа, направленная на воспитание у людей презрительного отношения к своей стране, культуре и истории. Это плевок в лицо России», — подчеркнул режиссёр, резюмируя, что подобные действия — не случайность, а часть системной работы, цель которой — подорвать уважение людей к самим себе, своей истории и своей Родине.

Как известно, в 2015 году Ельцин Центр выпустил карту, на которой обозначено, что Южная Осетия и Абхазия входят в состав Грузии, а Крым в состав Украины. Как отмечали, это было нарушением уголовного законодательства Российской Федерации. А конкретно — статьи о территориальной целостности России. И еще тогда задали вопросы: «Почему центр до сих пор не закрыли? Кому это выгодно?»

Не раз резкие заявления в адрес русофобской деятельности Ельцин Центра делал популярный телеведущий Владимир Соловьев, который резко критикует деятельность местных властей, попустительствующих его функционированию.

«Ельцин Центр? Защита власовцев, приглашение «звёзд» нетрадиционной сексуальной ориентации, лекции консула США чиновникам на тему аннексии Крыма, словарь «Гнить — это жить в России»... Этот список можно продолжать бесконечно.

Екатеринбург — это миниатюра Киева образца 2013 года. Невнятные власти, огромное влияние США и Европы, настроенное на протест студенчество. Да, на протест заточен мизерный процент населения, но и Майдан начался с нескольких десятков человек», — с возмущением написал уральский блогер Сергей Колясников, полностью соглашаясь с Михалковым в оценке разрушительной деятельности Ельцин Центра.

Мало того, затраты бюджета на содержание Центра растут, а в Москве теперь еще и открылся его филиал.

Почему же такое происходит? Напомним, первый в России президентский центр, посвященный эпохе Бориса Ельцина, открылся в Екатеринбурге в 2015 году. Как известно, созданием экспозиции для его музея занималось американское Агентство музейного дизайна Ральфа Аппельбаума, которое ранее работало в России над оформлением Еврейского музея в Москве. Созданием концепции «семи дней», лежащей в основе музея, занимался российский режиссёр Павел Лунгин. Характерно, что первым директором музея при Ельцин Центре была поставлена работавшая до этого в США Дина Сорокина. А рекомендации ей дала упомянутая выше американская компания.

На официальном сайте учреждения в период его создания говорилось, что «в своей работе Ельцин Центр придерживается принципов разнообразия, равенства, инклюзии». При этом слово «патриотизм» — важнейшее для России — среди этих принципов отсутствовало.

Так что дело тут не только в гнусном русофобском фильме об истории России, который крутят в музее, функционирующем в рамках Центра. Подтверждением «особой» ориентации этого учреждения являются и многие мероприятия, которые проводятся под крышей Ельцин Центра.

25 февраля 2022 года, на следующий день после начала СВО руководство Ельцин Центра выступило с таким заявлением: «В 1991 году Россия и Украина сообща сделали выбор своей судьбы — отказавшись от наследия СССР, начали непростой путь в сообщество цивилизованных стран, к демократии и рынку. Через 30 лет Россия и Украина оказались по разные стороны линии фронта. Это немыслимая беда для обеих стран и их народов. Осознавая всю меру ответственности, которая лежит на нас как на гражданах более сильной стороны братоубийственного конфликта, призываем незамедлительно остановить военные действия».

Однако через месяц этот позорный пресс-релиз был с сайта Центра удален. После чего директор центра Александр Дроздов был вынужден признать, что текст с заявлением про-

тив СВО был снят только после того, как на него обратила внимание прокуратура.

Практически одновременно с аналогичным заявлением против СВО выступила дочь Бориса Ельцина — Татьяна Юмашева (бывшая Дьяченко), которая была его советником в 1997—1999 годах, а затем возглавила Фонд первого президента и вошла в попечительский совет Ельцин Центра.

Были и другие скандалы. Так в 2016 году на фестивале «Остров 90-х», проходившем в Центре, приглашённые спикеры дискуссии, как бы посвящённой патриотизму и гражданственности, георгиевскую ленточку сравнили с носовым платком. С таким заявлением выступил сотрудник ВШЭ Андрей Иоффе. А тогдашний мэр Екатеринбурга Евгений Ройзман, когда его попросили прокомментировать высказывание его помощника Игоря Грома о сожжённых укронацистами жертвах Дома профсоюза в Одессе («путиноиды сгорели — туда им и дорога»), заявил, что те, кто задаёт такие вопросы, — циники или дебилы.

В апреле 2019 г. в здании Ельцин Центра организовали омерзительную ЛГБТ-тусовку секс-меньшинств, несмотря на протесты общественности, требовавшей отменить эту акцию содомитов. А скандал в екатеринбургском лицее №12, где показали младшеклассникам танцевальный номер, в котором парни постарше изобразили гомосексуалистов, тоже, как выяснилось, был связан с Ельцин Центром.

Это образовательное учреждение получило даже специальный приз от ЕЦ на развитие толерантности. Или известная история с продажей в магазинах этого НКО «Уральского словаря», где слово «гнить» означает «жить в России».

Так кто же его все-таки крышует?

Александр Ивачёв, замглавы Заксобрания Свердловской области обратился к бывшему на то время губернатору Евгению Куйвашеву по поводу деятельности Ельцин Центра, которая у многих в России вызывает резкие протесты, и потребовал его закрыть. В ответ губернатор заявил, что Ельцин Центр в Екатеринбурге был создан в соответствии с федеральным законом о защите исторического наследия российских президентов, а мероприятия, которые там проводятся, помогают экономить бюджетные деньги на его содержание.

«Что касается создания Центра, то он создан не по чьему-то велению или хотению, — сказал Куйвашев, — это федеральный закон № 68 от 2008 года. Он создан в соответствии с этим законом и должен функционировать и работать».

«По самым скромным оценкам, бюджет области дарит фонду Ельцин Центра каждый год 60—70 миллионов руб-

лей», — написал Ивачёв, отметив, что эта сумма эквивалентна доходам области от сдачи госимущества в аренду за весь 2021 год. (В конце марта этого года Е.Кувайшев был снят президентом с должности губернатора. — **Ред**.)

На официальном сайте Центра есть раздел, на котором выложен нынешний состав его Попечительского совета. Совсем недавно с него исчезла фотография Анатолия Чубайса, того самого, который натворив в России дел, позорно сбежал за границу. Зато на нем появилось фото Артёма Жоги, героя СВО, который был назначен полномочным представителем президента РФ в Уральском федеральном округе и членом Совета безопасности Российской Федерации.

Петр ДАВЫДОВ

КОСОВО НА РОССИЙСКИХ ПРОСТОРАХ

Когда жалуются на засилье «иностранных специалистов из Средней Азии» в России, с одной стороны, понимаешь настоящую тревогу людей: действительно, можно говорить об агрессивном замещении коренного населения Отечества *чужими* и *чуждыми*. Здесь не поспоришь: стремительно растут в когда-то русских городах районы, где на родном языке не просто невозможно, а даже опасно говорить. Москва, Питер, Южно-Сахалинск, другие города — давно уже притча во языцех. Всё как в свое время в Косово, когда такие вот «иностранные специалисты» из Албании с легкой руки коммуниста Тито имели расширенные права — им не только автоматически предоставлялось югославское гражданство и прочие привилегии, но еще и сербам, изгнанным во время войны из своего родного края, запрещалось возвращаться домой. Итог мы видим сегодня: колыбель Сербии в буквальном смысле оккупирована, сами сербы составляют здесь мизерное меньшинство, причем меньшинство презираемое. Думаю, провести параллели с известными столичными районами нетрудно.

С другой же стороны, вспоминаются горькие слова сербского Патриарха Павла о причинах потери Косово сербами:

«Если албанская женщина рожает семь детей, а сербская делает семь абортов, то эта земля нужнее албанцам, чем сербам». Казалось бы, где Косово, и где какая-нибудь Вологда. Ан нет: уж слишком явное сходство.

В области, которую еще недавно не без гордости представляли как «самый русский регион России», наблюдается наплыв граждан из Средней Азии. Да, те самые «специалисты» и члены их семей: замечу, многодетных семей. Люди стали жаловаться на «громкие неопрятные толпы, говорящие на таджикском, узбекском, создающие огромные очереди в поликлиниках, МФЦ и прочих учреждениях — просто проходу нет». О том, что многие рабочие места уже недоступны русским, говорить, думаю, излишне.

Но это, по моему убеждению, лишь следствие. Следствие самоубийственного для русских нежелания рожать детей, сформированное во многом поклонением «ценностям» гуманизма. Заметьте: гуманизма, а не гуманности. «Аборт — хорошо, потому что я так хочу, и вообще не комильфо летом с животом ходить. Лучше лежать без живота на пляже» — вот лозунг нынешних поклонников гуманизма, превращающего русский народ в гумус.

В Вологодской области был принят закон о запрете склонения к искусственному прерыванию беременности, проще говоря, о запрете пропаганды детоубийства, если называть вещи своими именами. Но какой же вой поднялся на вологодских болотах! «Жительницы Вологодской области начали жаловаться на отказы в абортах в местных больницах. С подобным отношением столкнулись, как минимум, пять женщин!» — верещит одно СМИ. «Мое тело — мое дело!» — вопит в интернете другое. «Аборт — мое право!» — трещит третье. И так далее.

Когда читатели пытаются перевести на русский язык эти заклинания, начинается истерика: «Это вы в своих православных общинах детей рожайте, а меня, свободную женщину, оставьте в покое! Вы — мракобесы! Я хочу пожить для себя! Вонючие православные фанатики со своей многодетностью!» (Действительно, очень много, если не большинство многодетных семей в Вологодской области — православные.) Понятно, что конструктивный разговор с человеком, наполненным ненавистью и гуманистическим провинциозом, невозможен. Но СМИ-то, СМИ, которые вроде бы призваны к созданию конструктивной обстановки в обществе, могли бы, наверное, проводить разъяснительную работу, помогающую сбережению народа, желательно русского. Например, рассказывать о мамах, которые спасли жизни своих детей, несмотря ни на что. Или информировать о деятельности орга-

низаций, которые помогают таким мамам спасать деток. Нет, сейчас другие СМИ: нужна кровь, скандалы, «разборки».

Много лет назад вызывает меня редактор местной газеты и дает задание: готовить рубрику, посвященную сохранению жизни детей. Говорит: «Слушай, мы с тобой не святые. Мягко говоря. Но если мы сможем спасти хотя бы одного младенца, считай, помирать уже не так стыдно». Есть ли сегодня такие вот несвятые редакторы... Молчу уж про местные СМИ, которые, похоже, видят себя только рупором, инструментом в региональных олигархических «боданиях», а целью деятельности — отхватить «бабла» из кормушки хозяина.

Наоборот: в провинциозных (я нарочно употребляю это слово) СМИ вовсю орут о героическом поступке какой-то дамы из Вологды, которая якобы захотела сделать аборт в Вологодской области, но, вишь, не срослось: врачи отказали, сославшись на опасения за ее драгоценное здоровье. Так та поехала в соседнюю Ярославскую область, «прошла процедуру» (сейчас это так называется), потратила ай-яй-яй сколько денег, а потом подала в суд на нехороших вологодских медиков, мол, не «оказали услугу». Услугу по детоубийству — я бы это так назвал. Даму эту либералы (особенно либералки) на щите носят — вот, мол, какая молодец. Кларе Цеткин и Розе Люксембург понравится. Это ж как нужно ненавидеть жизнь, чтобы метаться в поисках ее прекращения, преодлолевая сотни километров и тратить большие деньги. Так себе мать. Так себе героиня. Зато — «свободная».

Либерализм — от латинского «liberalis», «свободный». Несложно заметить, что разные либеральные ценности очень поразному соотносятся с ценностями христианства, православной моралью и этикой. Да, свобода, несомненно, является качеством, дарованным человеку Богом, это часть Его образа. Ошибка либерализма состоит не в том, что он провозглашает свободу важнейшей ценностью, а в том, что он, во-первых, лишает человеческую свободу высшей цели и смысла, провозглашает самодостаточной ценностью; а во-вторых, не различает истинную свободу, ведущую к совершенству, и свободу грешного человека в проявлении своих страстей. Не страсть ли это — желание убить нерожденного ребенка? Кстати, по-славянски «страсть» — это «страдание». Вот такая «свобода»-... Эту «свободу» очень ценят приверженцы замещения коренного населения России. Уже ценят. Москва, Питер, другие «миллионники» и города поменьше подтвердят. Хотим Косово на своих когда-то русских просторах? Будет.

Валерий ХАТЮШИН

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2025 г.
(*Март — апрель*)

Как я и писал в феврале, ублюдок Зеленский уже через неделю после скандала в «Овальном кабинете» заблеял о желании вернуться в Вашингтон, чтобы загладить негативное о себе мнение своих американских «друзей». То есть пообещал приползти на брюхе. И Трамп уже сменил гнев на милость: какой бы мразью не был этот еврейский ублюдок, «украинские» редкозёмы, залежи газа и нефти, а также портовая прибыль хохлоленда для него куда важнее. А Кремль он предупредил: если Россия не согласится на мир с Украиной, для нее (для России) уже готов новый пакет санкций. И все его разговоры, вызвавшие восторги российских тележурналистов и «политологов», о налаживании разрушенных связей с нашей страной — всего лишь очередной самопиарный ход и те самые стеклянные бусы, на которые всегда готовы вестись кремлевские менеджеры. Конечно же, ради мира и «партнёрских отношений»...

Еще один европейский клоун Мануэль Макрон начал грозить России ядерной войной и французским вой-

сковым контингентом на территории бывшей Украины. Более того, на саммите Евросоюза в Брюсселе в начале марта он объявил о намерении Франции закрыть Европу «противоракетным зонтиком» от «русского нападения». Так и хочется спросить нового наполеончика: а пупок не развяжется и филейное место не треснет?.. Чтобы покрасоваться в мировых новостях, наобещать можно что угодно, правда, через два года во Франции — президентские выборы... Два других придурковатых клоуна из Германии и Канады — Шольц и Трюдо — уже больше ничего не обещают: сошли с политической сцены. Теперь на ней витийствуют другие европейские русофобствующие придурки. Их ненависть к России полностью затмевает разум. Ни о каком окончании войны с Россией они и слышать не желают. И готовы заменить Америку в военной и финансовой помощи киевской банде. Лишь бы продолжалась война. Хоть до тридцатого года...

* * *

Трамп подписал указ о прекращении финансирования «Голоса Америки» и «Радио Свобода». В России это сообщение вызвало большое воодушевление, а в Европе — возмущение и уныние. Но Трамп поступил так совсем не для того, чтобы нас с вами порадовать. Дело в том, что эти пропагандистские антисоветские и антироссийские «радиоголоса» утратили свою актуальность и политическую значимость, какие они имели во времена Советского Союза. Тогда их с огромным интересом по ночам слушала вся наша страна, теперь же их уже никто не слушал, они больше никому у нас не были интересны. А их унылые заштампованные пропагандистские клише уже не вызывали ничего, кроме кривой усмешки. Наши аналитические медиа-программы стали гораздо информативнее и острее. И Трамп всё правильно понял: зачем же тратить огромные деньги на содержание бессмысленной, никому не нужной и, главное, безрезультатной деятельности аравы пустых пропагандистов, уже не приносящих никакой политической пользы американскому государству? Зачем тратить на них деньги впустую? Так что сделал он это опять же только в плюс себе и своей стране.

* * *

18 марта состоялся второй телефонный разговор В.В. Путина с Д.Трампом после его вступления в должность президента США. Как поведал Д.Песков, разговор длился два с половиной часа. О чём говорили два президента, в реальности мы не знаем и, видимо, узнаем еще не скоро, если вообще

когда-нибудь узнаем. О сути этого разговора сказано в общих словах, да и эти слова не выдали никакой конкретной информации. Причем Трамп назвал эту беседу очень позитивной и очень важной, вообще не выдав никаких ее деталей.

Путин сказал, что в качестве «жеста доброй воли» откликнулся на предварительную просьбу Трампа не наносить ударов по объектам энергетики Украины. Причем — не дожидаясь ответной реакции украинской верхушки на это трамповское предложение. И когда российские дроны уже летели в сторону Украины для нанесения ударов по энергетическим объектам, он отдал приказ сбить их нашими средствами ПВО. Но в ближайшую же ночь украинские беспилотники атаковали нашу нефтеналивную станцию в Краснодарском крае.

Излишне уже писать о том, что никакие «жесты доброй воли» с нашей стороны никогда не могли образумить жидобандеровских нацистов. Более того, эти «жесты» **всегда** вызывали с их стороны однозначную реакцию — прямо противоположную. И в данном случае иначе и не могло быть. Но, видно, очень уж хотелось в Кремле еще сильнее понравиться Трампу, который не раз повторял, что «хорошо относится с Путину».

Во время более чем двухчасового телефонного разговора президентов двух ядерных держав ублюдок Зеленский приказал своим воинским подразделениям вторгнуться в Белгородскую область — видимо, в качестве провокации с целью срыва начавшихся переговоров и в ответ на разгром укронацистских террористов в Курской области. На границе Белгородской области они были рассеяны и принуждены к отступлению, но даже после этого наш президент пошел еще на один «жест доброй воли» — выдал Украине более двадцати тяжелораненых вражеских вояк сверх 175 обменянных военнопленных. Два президента еще и не встречались, еще неизвестно, о чём договорились, а «жесты доброй воли» с нашей стороны уже пошли косяком...

Все новостные российские телеканалы и политические шоу-программы на следующий день были заняты исключительно анализом и рассуждениями перспектив налаживания американо-российских отношений. В этих рассуждениях присутствовал горячий оптимизм политологов, даже чувствовалась их эйфория от грядущих изменений во внешней политике двух совсем недавно враждебно настроенных друг к другу государств. А от запланированного матча двух хоккейных сборных наши политологи были просто в неописуемом восторге!..

И лишь как-то вскользь в новостных сообщениях проскочила, заняв по времени не более минуты, информация о

том, что сразу после оптимистичных телефонных переговоров двух президентов укропские фашисты нанесли очередной артиллерийско-ракетный удар по городу Горловке Донецкой области. Один из **американских** снарядов попал в рейсовый автобус с людьми. Одиннадцать человек были тяжело ранены. Наверное, никто из них не испытывал никакого оптимизма по поводу состоявшихся телефонных переговоров президентов США и России...

И скорее всего большинство нашего населения об этом обстреле даже и не слышало. Информация о нём в новостях проскочила менее чем за минуту. Оно и понятно: очень не хотелось руководству российских СМИ омрачать пропагандистскую эйфорию от начавшегося американо-российского сближения...

В ночь на 20 марта 132 жидобандеровских беспилотника атаковали несколько российских областей. В городе Энгельсе Саратовской области они ударили по школе, больнице и детскому саду. Хорошо известно, КТО обеспечивает продвижение смертоносных «птиц» через космическую систему наведения «Старлинк».

Зная подлую натуру укронацистов, можно быть уверенным в том, что теперь боевые беспилотники будут ими собираться на сохранившихся объектах энергетики...

* * *

В то самое время, когда проходили телефонные российско-американские переговоры на высшем уровне, Израиль нанёс новый авиаудар по сектору Газа. Погибли более четырёхсот палестинцев. Европа, естественно, промолчала. О реакции США говорить не приходится, т.к. этот удар, вне всяких сомнений, был заранее согласован и с их президентом и с руководством Пентагона. Со стороны Кремля никакого официального осуждения тоже не последовало.

Российские телеканалы в новостях показали выступление еврейского расиста Нетаньяху, потребовавшего от палестинцев переселения из Газы, если Хамасом не будут выданы все израильские заложники, захваченные 7 октября 2023 года. Тут нужно напомнить, о чём я писал полтора года назад, что эти заложники были захвачены игиловцами, подготовленными для этой провокации американскими и израильскими спецслужбами, при полнейшем попустительстве армии, разведки и погранслужб сионистского государства, открывших 7 октября 2023 года границу для игиловских террористов (Игил — запрещенная в РФ террористическая организация. — **В.Х.**). Израиль обвинил в этом палестинскую воени-

зированную организацию Хамас и сразу после этой провокации с позволения США начал уничтожать сектор Газа палестинской автономии. За прошедшие полтора года погибло более 40 тысяч палестинцев и 70 тысяч было ранено. Теперь фашист Нетаньяху требует их полного выселения из сектора Газа. В свою очередь Трамп объявил о своем желании построить в секторе Газа американскую Ривьеру, то есть еще один курорт на Средиземном море по типу французско-итальянского побережья...

И построят. И переселят палестинцев из сектора Газа (возможно, в Сирию). И Европа промолчит, как и Россия в лице ее руководства. Ведь пресс-секретарь президента Д.Песков не раз говорил о сохранении, несмотря ни на что, хороших межгосударственных отношений России и Израиля.

* * *

В ночь на 21 марта укронацисты взорвали судженскую газоизмерительную станцию, находящуюся на границе Курской и Сумской областей. (То, что они это сделают, я ни секунды не сомневался.) Это к разговору о договоренности с Трампом о ненанесении ударов по объектам энергетической инфраструктуры.

После операции «Поток-3», связанной с газовой трубой, Путин, выступая перед работниками прокуратуры и Министерства внутренних дел, заявил, что укронацистская группировка, состоящая из более чем трех тысяч боевиков, полностью окружена в Курской области и что у нее только два пути — погибнуть, или сдаться. Через неделю после этого заявления каким-то странным образом нацистская группировка смогла выйти из окружения и более того — взорвать судженскую газоизмерительную станцию. Вот это и есть один из результатов телефонных переговоров с Трампом. Ведь не зря же он причитал, что ему очень жаль окруженных под Курском «украинских солдат»... По информации российских СМИ, среди этих «украинских солдат» было не менее сотни американских наемников...

* * *

Что сделали американцы прежде всего, когда в 1999 году начали бомбить Белград? Первым делом они разрушили телецентр, здания Министерства обороны и Генерального штаба. Наши за три года в Киеве этого не сделали ни разу. Думаю, наша армия сделала бы это с превеликим удовольствием. И дело тут было вовсе не в армии.

* * *

Всё больше и больше проявляется тот дешевый и пустозвонный самопиар, с помощью которого Дональд Трамп запудрил мозги своим избирателям и довольно легко на президентских выборах облапошил невменяемого Байдена и его хохотливую выдвиженку Харрис. Среди множества пустых обещаний, вроде того, что он закончит российско-украинскую войну за 24 часа, Трамп заверил легковерных американских телезрителей, что рассекретит и обнародует документы, касающиеся убийства президента Джона Кеннеди. Американский электорат, и не только американский, с нетерпением ждал этого момента. И вот наконец, в марте 2025 года, этот момент наступил. Действительно, были опубликованы 10 000 страниц документов из расследования убийства Кеннеди, с которых ФБР сняло гриф «секретно». И что же обнаружили в них для себя нового все те, кто ожидал каких-то сенсаций по этому делу? А ничего. «Документы» эти лишь подтверждают официальную версию об убийце-одиночке Освальде. Оказалось, что перед обнародованием, с ними плотно поработали сотрудники ЦРУ, изрядно их отредактировали и сделали в них большие купюры. И оказалось, что весь трамповский предвыборный самопиарный пар, накопившийся на «деле Кеннеди», вышел очередным никчемным смешным свистком.

Скорее всего разрекламированные на весь мир «переговоры» русских с американцами обернутся тем же самым — таким же никчемным свистком.

* * *

Все т.н. «жесты доброй воли» за три с лишним года СВО, исходящие из Кремля по отношению к воюющему врагу, были ТОЛЬКО во вред России. Ни разу не было по-другому. Вот уже две недели после устной договоренности Путина с Трампом наши вооруженные силы не наносят воздушных ударов по украинской энергетической инфраструктуре. И что? Все эти две недели укрорейх, используя американские средства наведения, **ежедневно** бил по нашим объектам энергетики. Российскому руководству оставалось только жаловаться на недоговороспособность ублюдка Зеленского и его околовластной банды. Однако Зеленский нам публично ничего не обещал. О его якобы договоренности по этому поводу нам известно лишь со слов Трампа. Но Трампу соврать всё равно что... К тому же сам Зеленский это отрицает. Так какого же лешего мы опять повелись на какие-то устные обещания тех, кто все свои «обещания» ВСЕГДА спускал в унитаз.

И какие вообще могут быть «жесты доброй воли» во время нескончаемых боевых действий? Да и кому они нужны, эти «жесты»?..

* * *

Утром 1 апреля хохлонацисты американскими снарядами и ракетами снова обстреляли Горловку, и вновь один из снарядов попал в автобус с людьми, ехавшими на работу. Удар произошел рядом с автобусной остановкой. 16 человек получили ранения, из которых шесть — тяжелые. В этот же день в программе «Время» нам 15 минут рассказывали о том, как Кремль налаживает расстроенные дипломатические отношения с Вашингтоном...

* * *

Вот интересные совпадения.

В 2022 году (в год столетия СССР) умерли все, кто был повинен в ликвидации Советского Союза: С.Шушкевич, Л.Кравчук, Г.Бурбулис, М.Горбачев. И только Ельцин окочурился раньше их всех.

Жена Зеленского и жена Гитлера (Ева Браун) родились в один день — 6 февраля — с разницей в 66 лет.

* * *

В ночь на 2 апреля в Москве произошло зверское убийство православного татарина Ильяса Сафовича Сафиуллина. Когда-то он был мусульманином, но 8 лет назад перешёл из ислама в Православие и стал активным деятелем православного движения среди татар, трудился алтарником в Храме Всемилостивого Спаса в Москве на Новослободской.

Убийца, тоже татарин по происхождению, смог войти в храм, назвав знакомое охраннику имя, прокрался в помещение, где спал Ильяс Сафиуллин, связал его и перерезал ему горло... Убийце удалось выбраться, но он был схвачен на улице священником и охранником.

Ни в каких новостных сообщениях, ни в каких официальных СМИ об этом злодеянии не было сказано ни слова. Власти снизу доверху также никак не отреагировали на это убийство на религиозной почве. Но представим себе, если бы произошло наоборот — если бы православный пришел в мечеть и зарезал бы там мусульманина... Представить такое, конечно, невозможно, потому что такого не могло произойти нигде и никогда по определению. Но всё же — напряжём фантазию... Можно не сомневаться, что все государственные СМИ трезвонили бы об этом случае, как минимум, неделю.

А городские, парламентские и кремлевские власти не преминули бы сделать по этому поводу специальные заявления.

Но что мы видим и слышим теперь, в нашей реальности? Во властном и информационном поле после убийства в христианском храме мусульманином православного человека, алтарника, — гробовая тишина. Именно гробовая. И те, кто этому рад, делают выводы...

* * *

По сообщениям СМИ, новые весенние пожары в Сибири уже превзошли по масштабу прошлогодние пожары. Но те же центральные СМИ продолжают, как заведённые, называть их природными... Год назад я писал об этом в «Протуберанцах», но и через год ничего не изменилось. В воюющей стране, каждодневно атакуемой сотней вражеских дронов, чуть ни каждый день отлавливающей украинско-азиатских диверсантов и завербованных вражескими спецслужбами российских агентов, все лесные пожары, согласно информационным сообщениям, исключительно «природные»... Такое впечатление, что наши центральные СМИ действуют заодно с вражеской пропагандой. А все пожары в торговых центрах, рынках, частных домах и квартирах (как правило, с многодетными семьями) всегда сопровождаются одними и теми же новостными комментариями об их причинах: из-за короткого замыкания или взрыва газа...

Правда, в последнее время, видимо, из-за недоверия населения к сообщениям СМИ, появилось еще одно ничего не значащее клише: «человеческий фактор»... То есть весенние пожары в Сибири вновь случились по вине некоего нейтрального «человеческого фактора»... И ни разу — ни в прошлом году, ни теперь — не сказано прямо о поджигателях и диверсантах. И уж тем более ни один поджигатель ни разу не показан по ТВ в новостных информационных программах ни в прошлом году, ни в этом. Словно это какое-то трудно понятное табу. Хотя когда речь зашла о пожарах в Турции, тут же были показаны пойманные поджигатели...

В который уже раз приходится говорить: никаких «природных пожаров» в природе не существует. Тем более в воюющей стране, враги которой открыто заявляют о необходимости и поощрении любых действий, наносящих вред и ущерб России. Т.н. «человеческий фактор» — это и есть прямая работа вражеской агентуры. Пора наконец властям и информационным агентствам все вещи называть своими именами.

* * *

В ночь на 15 апреля укрофашистские беспилотники, управляемые американской навигационной системой, ударили по Курску. Удар был нанесен по жилам кварталам. Однако переговоры между представителями России и США продолжаются.

Публичной реакции Кремля на этот варварский обстрел не последовало. Госдума тоже промолчала. Реакция главных российских властей касалась только месячного «несоблюдения Киевом моратория на нанесение ударов по энергетическим объектам». «Киев практически ежедневно нарушает взятые на себя договоренности», — неустанно весь месяц т.н. «моратория» повторял для российских СМИ Д.Песков. «Мы ставим в известность об этом американские власти», — добавлял Песков. А ночной удар по жилым кварталам Курска — это как бы в порядке вещей. Об этом можно и промолчать. Главное, Россия в течение всего месячного «моратория» неукоснительно соблюдала свой «жест доброй воли»...

Тут надо еще раз добавить, что никаких «договоренностей» у нас с Зеленским, естественно, не было и не могло быть. Никаких письменных или как-либо иначе зафиксированных обещаний он Трампу тоже не давал. О неких якобы «договоренностях» мы знаем только со слов Трампа. Но цена этим словам — ничтожная, точнее, никакая. Потому и со стороны Трампа реакция на нарушение этих псевдодоговоренностей тоже нулевая. Что толку реагировать, если никаких «договоренностей» на самом деле не было?.. И Трамп это знает лучше всех.

Но как нашим высоким менеджерам хотелось выглядеть благородными и держащими своё слово перед заокеанским «партнёром»!..

18 апреля срок месячного моратория истёк. Однако ни 19-го, ни 20 апреля никаких сообщений из Кремля о его продлении или отказе от него мы не услышали.

Более того, в субботу 19 октября Путин объявил об одностороннем пасхальном перемирии с 18 часов до конца пасхальной недели и отдал приказ о прекращении огня по всему фронту боевых действий. Как он сказал, «руководствуясь гуманитарными соображениями». Это при том, что еще полностью не освобождены Курская область и территория Донбасса. На находившихся под фашистской оккупацией жителей этих регионов «гуманитарные соображения», видимо, не распространялись.

Подонок Зеленский на словах с «пасхальным перемирием» согласился. Но в день Пасхи, 20 апреля, укрофашистские БПЛА и ракетная артиллерия, включая американские «хай-

мерсы», нанесли удары по российским позициям и городам в ДНР, в ЛНР, в Крыму, в Херсонской области, а также по Курской, Брянской и Белгородской областям. Как сообщили СМИ, более тысячи ударов. Были погибшие и раненые. Может, кому-то это было неясно заранее? Или политические дивиденды для кого-то важнее?.. Получается, что погибшие на Пасху наши бойцы и мирные люди потеряли жизни исходя из неких «гуманитарных соображений»... Зеленский и агрессивные европейские шавки плевать хотели на наши перемирия.

В ноль часов 21 апреля «пасхальное перемирие» было прекращено. Но остались вопросы: зачем и для чего оно вводилось? Мы всё хотим кому-то что-то доказать? Кому-то наверху еще не надоело играть в эти «гуманитарные» игры с озверевшим фашистским отребьем?

* * *

В пасхальную ночь 20 апреля в селе Васильевка Челябинской области и в Астрахани сгорели два частных дома, в которых проживали многодетные семьи, имевшие четырех и пятерых детей. Все дети погибли. Причина в обоих случаях еще до всякого расследования названа одна и та же — «короткое замыкание». Ни в каких телерадионовостях об этих трагедиях не было сообщено.

Приходится в который раз повторять: как не существует никаких «природных» пожаров, точно так же не бывает пожаров от короткого замыкания. Это знает любой электрик.

* * *

На фоне многоречивой официальной подготовки к празднованию 80-летия Великой Победы ежедневно наносятся авиаудары по русским городам. И все уже как-то к этому привыкли — ну да, наносят, ну что теперь с этим поделаешь?.. Не отменять же празднование Дня Победы! По Первому каналу ТВ идет веселое шоу блатных песен под названием «Один в один», по каналу «Россия» — ежевечерние танцы-обжиманцы в гостях у Малахова, по спортивному каналу — постоянная трансляция футбольных матчей европейских национальных чемпионатов. Кому ни скажешь об этом, почти все с понимающей улыбкой снисходительно отмахиваются: «Да ладно... Что теперь?.. Плюнь на это...» Смирились. Жизнь продолжается. Готовимся к празднованию...

А заодно ведем закулисные переговоры. Что на них обсуждается — тайна за семью печатями...

Вячеслав ЛЮТЫЙ

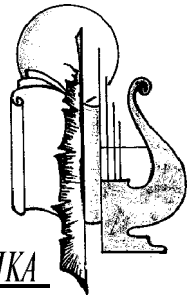
МЕДЛЕННЫЕ ПТИЦЫ

Бытийный круг в поэзии Николая Алешкова.
К 80-летию поэта

...Я по Каме впадаю в Волгу
И взлетаю на Млечный Путь.

Зачерпнув из реки небесной
Благодати, увижу вдруг
Правый берег, покрытый лесом,
Левый берег — цветущий луг.
Николай Алешков

...Узкая-узкая, дальняя-дальняя
В поле дорога мерещится мне.
Дмитрий Кедрин



В последние десятилетия в русской литературе утвердился мотив возвращения. Как никогда прежде он силен и особенно отчетлив в сегодняшней поэзии. В прозе, сопрягая минувшие времена с настоящим днем, авторами исподволь проводится мысль о не-

верности пути, которым идет страна, и реставрации многих поруганных святынь и постулатов, на которые в прошлые эпохи опиралась русская жизнь. Фактически перед нами тот же мотив, только воссозданный на конкретном материале и закрепленный художественно вычерченными характерами героев произведения.

Поэзия обладает исключительной возможностью преодолевать границы реальности, не говоря уже о линиях, которыми расчерчено наше пространство и время. И здесь уже возвращение выглядит как акт волевой и метафизический, которому воспрепятствовать житейскими, видимыми действиями практически невозможно. Именно потому русская жизнь, напитываясь духовными энергиями поэзии, во многом сохраняет себя под давлением западного образа жизни, устроенного с сатанинским лукавством и жестокостью.

Вместе с тем, понимание русского бытия связано с его цельностью, несмотря на многие и многие нестроения в отечественной истории и действительности. В нём есть некая задача, которую русский человек чувствует интуитивно, но обозначенная словами, она теряет свою убедительность и неземной объем и становится очередной сентенцией или философским построением. Только в поэзии интонация и волшебная способность самого строя речи проницать невидимые стенки и непреодолимые рубежи позволяет воплотить внятно сокровенный смысл и сердечные движения лирического героя и народа, частью которого он себя чувствует.

Интуиция народа бывает подавлена искушениями и заблуждениями, в реальности — иной раз самого кровавого толка. Однако с течением лет эти глубоко спрятанные мысль и чувство набирают силу и заявляют о себе вновь. И потому русская поэзия, не споря с православной верой, является хранительницей и проводником народной души — идеального образа русского человека, способного освободиться от всего низкого и поклониться изначально высокому и светлому.

Стихи Николая Алешкова в этой связи могут показаться совсем не сосредоточенным совокупным лирическим высказыванием. И здесь — их тайна, когда за пустяком высвечиваются важнейшие вещи, а за лёгкими словами — смысл, охватывающий жизнь и судьбу.

Его литературная биография охватывает последние пять десятилетий. Перед глазами поэта прошли события, изменившие страну и её нравы, а сам он, когда-то работавший монтером связи, электриком, кровельщиком, стал одним из любимых русским читателем в Татарстане авторов. Более де-

сятка книг, множество стихов, опубликованных в периодике, строки проникновенные и на вид несерьезные. Вот самая краткая характеристика творческого пути Алешкова. Однако есть ещё некая бытийная тропа, незримые шаги по которой связаны со смыслом прожитого и понятого. О ней и пойдёт речь. Но прежде стоит обозначить самые общие свойства его лирики.

У Алешкова поэтическая речь очень проста, порой обыденна, в ней нет литературной изощрённости *(«я простой и понятный»*). Его пейзажные, элегические стихи очень естественны, а природа, как правило, олицетворена. У нее есть характер и повадка, словно у знакомого или прохожего. Это позволяет автору *снять* дистанцию как между читателем и поэтом, так и между человеком и миром *(«Август <...> чуть прошелся по листве и с особою охотой по проселочной траве»; «как невесты, стали чинно с жемчугами да с фатой и березы, и осины вдоль дороженьки пустой»)*.

Обыкновение, повадка его героя — скорее, сельские, чем городские. И тут особенный срез сознания: селянин, живущий в городе, но тоскующий по деревне *(«деревенским поэтом по Отчизне иду»)*.

Он — *земляной* человек, не *асфальтовый,* и ценит прикосновение порою даже больше созерцания — именно так он входит в природное перетекание света и темноты, предметов и тел. Физика любви почти магнетически притягивает его, но и то, что осталось только порывом в отсутствии телесного соприкосновения, очень значимо: *«...необъяснимая словами жар-птицей нежность промелькнёт. Прекрасно всё, что не случится!»*

Алешков — один из самых *предметных* поэтов, приверженных русской лирической традиции. Картины жизни человека и природы у него удивительно точны в изобразительном отношении. Прочитав стихотворение, будто через увеличительное стекло видишь описанное. Причём его строки вмещают в себя и переживание, и затаённую мысль: *«Отзовётся детство гулко: с легкой удочкой в руке по широкому проулку босиком бегу к реке»*.

В его сюжетах много житейского, ему нравится *укладывать* в стихи ту или иную реальную историю *(«достану молча книжку записную и что-нибудь о жизни расскажу»)*. Делает он это с завидной лёгкостью, очень точно прописывая мизансцены и вскользь роняя характеристику происходящего: изображая, осознавая и, одновременно, *ведя* читателя.

Алешков всегда чувствовал себя поэтом — особенным, *отдельным* человеком: *«Кто-то в небе поймал журавля. Я ус-*

лышу небесное слово». Но только со временем стало понятно, чем оплачивается такая жизненная роль *(«с одиночеством дружи»; «всей душою, всею кровью, птицей в небе — песню спеть»)*.

Ах, все мы скитальцы и все богомольцы,
С надеждой и верой глядим в небеса,
Как будто бы слышим — меж звездных околиц
Родные зовут нас к себе голоса.

В этом реальном и духовном скитании хорошо читается *«какое-то странное русское чувство: во всем раствориться, от всех убежать»*. Подобное внутреннее противоречие непонятно иноземцу, оно его раздражает видимой непоследовательностью желаний. Однако способность соединять земное и небесное подразумевает сосредоточенность души и одновременно — её открытость Божьему миру. Поэтому важно обозначить неизменные ориентиры, замыкающие пространство, в котором движется поэт, — реальное, смысловое, ценностное: *«Свет небесный, хлеб насущный, твердь земли моей родной»*.

В свою очередь, каждое из понятий, обозначенных в авторской строке, оказывается своего рода входным наименованием целого спектра сюжетов, вполне человечных и конкретных. Коллизии здесь перетекают на соседнее художественное поле: житейское перекликается с духовным, а родное — с повседневным и надмирным. Потому и «*хлеб насущный*» для поэта связан с «*заветным зерном*», которое он роняет *«на ниву русской речи»*, со стихами о природе, с любовной лирикой и всем, что сопровождает его в пути по тернистым земным тропам. А развёрнутый образ Родины, сердечный и насыщенный реальными деталями, обладает метафизическим отражением в «небесных» пределах — это не только Святая Русь, но и подвиги подвижников и героев, русский стоицизм и способность к возрождению наперекор тяжести прежних поражений.

Родная сторона для Алешкова — не только место, но и большая часть довольно долгой жизни. Не однажды он замечает в своих стихах, что его родина — детство *(«и забыть нельзя, что есть истоки — чистые из детства родники»)*. Собственно, так могут сказать многие — для поэзии подобное утверждение не является открытием. Но когда оно воссоздается при помощи поэтического образа, органично наполненного оттенками лиц и характеров, подробностями радостей и бед, чертами действительности, которые сжимают окоём до гра-

ниц детского царства, — всякий раз в словах поэта возникает маленькое чудо.

Вот по лугам вечерним кони
бредут чуть слышно. И верхом,
небрежно повод сжав в ладони,
я восседаю на Лихом.
<…>
Озера плавятся в закате.
И запах трав, и вкус ухи!
Растут из этой благодати
мои негромкие стихи.

И если пристальней вглядеться
в судьбу свою и жизнь свою,
я б навсегда остался в детстве,
как ангел в сказочном раю.

Для поэта детство оказывается не священным — в такой характеристике очевиден сухой ум, но *«райским»* — невинным, свободным, светлым, доверчивым. Он мог бы привести в стихах свидетельства тягот и горечи, поскольку рождён в год Победы, а послевоенное десятилетие требует от художника суровых красок и жёстких линий. Но Алешков оберегает детскую радость и упоение жизнью от поздних рациональных суждений зрелого человека. И такое отношение — одна из самых твёрдых опор его творческого сознания: *«Боже, как же нас в детстве любили! Нам бы, Господи, так же любить»*.

А на лужайке Настенька и Ванечка,
две светлорусых детских головы, —
и золотые брызги одуванчиков
рассыпаны по зелени травы.
<…>
И над садами дачными рассеялся
вишневый и черемуховый дым,
но не грущу я больше по-есенински,
что я не буду больше молодым.
<…>
А на лужайке Настенька и Ванечка
веселым смехом радуют гостей
и белый пух сдувают с одуванчиков,
и он летит над памятью моей!

В этой солнечной картине светятся блики счастья — как детского, так и взрослого. Заметим: когда хранит русский человек интуитивное ощущение собственной причастности к роду, тогда и возникает в его душе подобное «райское» эхо…

Умудрённость души и её широта — отличительные черты облика лирического героя Николая Алешкова. Все умозаключения, «хорошие советы» и предостережения ещё прежде автор испытал на себе, и это сказывается в искренности поэтической интонации *(«ты сам выбираешь — в добре или зле взрастать»)*. В его стихах не найти амбивалентного отношения к жизни и человеку — здесь поэт открыт, определённен. В его голосе слышна сокрушённость, когда он упоминает о своём жизненном пути, который переоценивает и переосмысливает. Бережно берёт всё светлое, живое, порывистое, страстное — и судит свои метания, здесь сюжеты стихотворений достаточно красноречивы.

Размышления о чистоте скрытого душевного родника, который помогает ему освободиться от всего наносного, тяжкого и грязного, почти постоянны в лирике Алешкова *(«тело мое — грешное, а душа чиста»; «пусть живу, греша, но в стихах останется чистою душа»; «но по ночам я вижу сны, в которых ты меня простила»; «если в пьяном бреду ни за грош пропаду, нет прощенья, мой свет, мне за эту беду»; «да, велика моя мука, но велика и вина»)*.

Небесный свет струит добро.
Январский снег, как серебро,
на солнышке бликует.
Я опускаюсь в полынью,
чтоб душу грешную свою
очистить — пусть ликует.

На таком фоне графика смыслов стихотворения Николая Алешкова об эмигранте-стихотворце, который занят исключительно собственным успехом и благополучием, врезается в сознание читателя правдой о неистинном герое: *«Он как поэт здесь никому не нужен. Стихи — давно забытые грехи. <…> Народу ненавистная порода кумира сотворит из ничего…»*.

Между тем, исповедальные строки Алешкова о родном крае становятся свидетельством не только его лирической биографии, но и самой личности.

Правый берег, поросший лесом,
левый берег — цветущий луг.

Здесь крестьянским ржаным замесом
был я втянут в житейский круг.

От истока реки до устья
рыба плещется под волной.
Если вдуматься, каждый кустик
мне с рождения здесь родной.

Здесь отец мой всю жизнь трудился.
Здесь мой дом и моя родня.
«Где родился, там пригодился» —
эта присказка про меня.

Кама — река, на которой прошла почти вся жизнь автора. Словно в духовном видении, он соединяет ее течение с жизнью и космосом: *«Я по Каме впадаю в Волгу и взлетаю на Млечный Путь»*. Его герой, вкусив благодати из «*реки небесной*», внезапно видит родные берега — всё земное, что бесконечно дорого его сердцу. И происходит метафизический цикл слияния земли с небом и неба с землёй. Одновременно возникает, согретое воспоминаниями, странное прикосновение «давней» души героя, ещё не поврежденной беспощадными поздними искушениями, — к его *«изношенной судьбе»*.

Alter ego поэта в стихотворениях — человек довольно буйного нрава. Влюбленный в земное чувствование, в женскую телесную красоту, он совершает поступки, о которых позже горько сожалеет: «*Душа, как астроном, тоскует о небесном, а тело о земном!*» Кажется, что лирический герой самозабвенно купается в водах жизненной реки и чувствует её течение, а в его сознании нет впечатления возможного конца. Так звери и птицы проживают дни и годы, не подозревая об их краткости и конечности. И это — примета давней, отменённой первым грехопадением и позабытой принадлежности к Раю. Однако для человека всё иначе, ему дано понимание добра и зла и чувство скоротечности времени.

У Алешкова первое и второе восприятие жизни взаимно переплетаются, и возникает движение вспять: от устья — к истоку, от космоса — к земному уголку. Чувство жизни без предела — как вселенной! — превращает цепь житейских забот в бытийный круг, в котором «небесная благодать» и детство перекликаются, всё самое родное и близкое становится нетленным, а небеса оказываются Отчизной *(«...из поднебесья летит благая весть, что там, среди созвездий, твоя Отчизна есть»)*. Тут сказывается устройство души корневого русского человека, который может внутри себя соединить

землю под ногами с небом над головой. И подобное сочетание будет обладать для него приметами тёплыми, осязаемыми, знакомыми...

Очень большое место в поэзии Николая Алешкова занимает любовная лирика. Надо сказать, что эта тема по устоявшемуся порядку вещей отдана поэтессам. Ахматова и Цветаева не только подарили русской литературе стихи такого рода, но и как будто обозначили художественную территорию, где женский тип лирического высказывания кажется главным и единственно возможным. Разумеется, стихи о любви у современных поэтов встречаются часто, однако они, практически, никогда не становятся приоритетным направлением их творчества. И Алешков оказывается редким исключением из «цехового» правила.

Целуй же! Мне твои желанны губы.
Их дикий мед я только пригубил.
Не мсти за то, что не был однолюбом,
что не тебя сильней других любил.

Рассудит Бог — лишь он меж нами третий.
А в небесах, где Млечный Путь блестит,
одну лишь душу я хотел бы встретить,
которая за всё меня простит.

У Николая Алешкова любовная тема выходит из собственных берегов и достигает русской природы, дыхания небес, земной тяги и всего круговорота жизни человека. Причём начало этого созерцательного движения дано в современности — в таком контексте у поэта нет размышлений над историей и её фигурами.

Стихи его отличаются печальной мудростью и мальчишеской безоглядностью, а также — завидной простотой, когда из реальных деталей возникает метафизическая дымка любовного чувства. Порой он может изобразить, на первый взгляд, избыточное количество подробностей события, что более свойственно прозе, но почти всегда в его строках есть замечательная недосказанность, «послесвечение» слов. В свою очередь, множество реальных черт происходящего придают достоверность стихотворению, после чего рука поэта сообщает тексту «волшебство» — и он оживает...

Алешков обладает способностью передать в строке черты, доступные глазу — и внутренние, психологические: *«Как горестно сжаты и плотно желанные губы твои...»*

Птиц щебетанье в прибрежных кустах
то ли на Каме, а то ли на Волге,
ветра порыв, поцелуй на устах —
долгий.

Как хороша здесь последняя усеченная строка, протяжное ударение в первом слоге: и форма торжествует, и чувство царит безраздельно!

Возлюбленная поэта, ставшая затем его женой и матерью сына, ушедшая, но оставшаяся навсегда в памяти — вот центр огромного числа поэтических сюжетов Николая Алешкова и содержание лучших его стихотворений. Он сопрягает семейный лад с природой, сердечное движение у него неотделимо от физической близости.

Мы оба с тобою не знали греха,
как роща, как озеро. Гладкая кожа
была после бури смиренна, тиха.
Весенние грозы... Ты пашня, я пахарь.
И сроки наступят. И вырастет сын...
Душа твоя — нежная певчая птаха —
покажется в просини между рябин.

Время беспощадно разрушает союз двух сердец, появляется новая семья, приходят другие лирические коллизии. Но память о любимой возникает в стихах Алешкова постоянно, во все последующие годы. И здесь перед нами — жестокий конфликт бытийного кольца и житейского поля. Он неизбывен для всякого человека, теряющего родных и ждущего собственного смертного часа.

Подобная раздвоенность художественного сознания непреодолима для художника, который погружён в телесный мир и затаён в собственных душевных переживаниях. Жизнь духа, несомненно, являет собой некий тоннель в запредельное пространство, однако главным вопросом для человека оказывается вопрос памяти. Узнает ли он в тонком космосе тех, кого любил и берёг, сохранится ли вместе с ним то драгоценное, живое, искреннее, узнаваемое, что делало существование на земле осмысленным и порой счастливым? И поэт обращается к реке, что втекает, кажется, в саму вечность:

Развей мою печаль, река, развей!
Иная жизнь — и женщина иная.
Возврата нет. Я о любви твоей
как о воде протекшей вспоминаю.

Не однажды в стихах Николая Алешкова возникает образ журавлей. Обычно в русской поэзии их полёт связан с наступлением осени, когда птицы и родная земля разлучаются и приходят холода. Однако у Алешкова этот образ связан с возвращением на родину: *«Мне журавли под осень прокричали, что я по снегу к матушке вернусь»*. Здесь — важный, объёмный знак, однако его смысл не выходит за границы житейского распорядка. Тем не менее, подобная «осенняя» дорога в родные края обретает у поэта черты надмирные, когда «*у бездны на краю проплывают медленные птицы к северу, на родину твою*».

У Алешкова тезис «*пора подумать о душе*» неотделим от телесной жизни, он словно бы спорит с ней и примеряется к границам земного существования. Однако при всех таинственных предчувствиях и предзнаменованиях ощущение полноты жизни от детства до старости сопровождает большинство стихотворений поэта.

Но избежать роковых вопрошаний не удается и ему*: «Мы тоже уходим, сами не зная куда»; «Легко ли душе возвращаться, откуда однажды пришла?»*

Когда моя душа простится с телом,
не сразу мне закрой глаза, скорбя.
Я, может быть, ребёнком оробелым
в последний миг почувствую себя.
Я, может быть, увижу, как вдали
душа летит к таинственному лону,
и медленные птицы — журавли —
за нею вслед летят по небосклону.

Величие и грозное содержание беспредельного бытия, куда малой песчинкой попадает освободившаяся от бренного тела душа человеческая, читаются здесь в образе оробевшего ребенка, который чувствует ещё только самого себя — как средоточие индивидуальной жизни, полной эмоций и тревожных ожиданий.

Знание пути не отменяет сам путь. Вот почему в стихах Николая Алешкова существуют на равных правах прозрения о бытийном круге и смятение человека, стоящего перед неизведанным и бесконечным пространством. Он сам определяет собственную судьбу и преодолевает трудные, нехоженые тропы.

Придёт и Пасха. Молодой звонарь
на колокольне свяжет воедино

небесный купол и земной алтарь,
и благовест услышит вся долина.

Небесное и земное, церковное, мирское и природное взаимно соприкасаются, а молодая сила связывает телесное с духовным под весенним светом Пасхи Господней. Вот где таятся единственные ответы на горькие земные вопросы, к которым каждый подбирает свои слова: тихо, не таясь, коротко и просто.

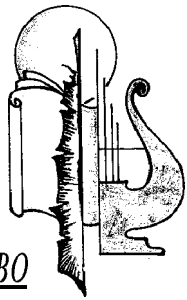
Судьбы твоей дорога
лишь тем и дорога,
что ты поверил в Бога,
что ты простил врага.
Печаль твою излечат
река, притихший лес,
и тёплый летний вечер
и звёздочка с небес...
Пиши стихи, на Млечный
поглядывай покой,
и, может быть, за вечность
зацепишься строкой...

Руслан СЕМЯШКИН

ИВАН КОЗЛОВСКИЙ

К 125-летию великого русского певца

Уникальный голос, широчайшая исполнительская фантазия, безупречное мастерство перевоплощения, удивительный дар постижения художественных стилей разных эпох, духа и характера различных национальных культур позволяли Ивану Козловскому, чей 125-летний юбилей со дня рождения пришелся на 24 марта текущего года, буквально парить на оперной сцене. И не только на ней, поскольку и в достаточно почтенном возрасте, по-прежнему стройный и подтянутый, но убеленный сединой, воистину народный артист Советского Союза продолжал выступать на камерной сцене и в различных концертах, проводившихся по случаю значимых общественных событий и дат. Выступать неизменно ярко, очаровательно, покоряя слушателей не только голосом, филигранной дикцией, выразительностью фразировок, стилистическими тонкостями доведения музыкального произведения до публики, но и своим солидным, статным, лишенным какой-либо суетности видом. Посему и любил народ этого выдающегося мастера, чье вокальное и сценическое мастерство было эталоном вы-



сочайшего искусства и примером, скорее даже неисчерпаемой школой для более молодых певцов, старавшихся равняться на Ивана Семеновича.

Старейшина оперной сцены... Так почтительно отзывались о Козловском не одно десятилетие, восхищаясь и поражаясь его уникальной вокальной форме, позволявшей ему пленять слушателей практически до своего девяностолетия. И при этом он не стремился обращать свой взгляд лишь в прошлое, наполненное богатейшим репертуаром, выбирая для исполнения наиболее «обкатанные» номера, а и старался находить какие-либо новинки, которые могли бы увлечь слушателя. Настоящий музыкальный эрудит, новатор по духу, Козловский старался никогда не останавливаться на достигнутом. Может быть, поэтому судьба и подарила ему завидное долголетие, в котором главным и определяющим делом всегда было творчество, вокальное творчество, требовавшее полной самоотдачи, постоянной и неустанной шлифовки мастерства.

О Козловском можно с уверенностью сказать, что он на долгие годы не просто продлил свою физическую жизнь, но и победил старость. После встречи семидесятилетия Иван Семенович продолжил страстно заниматься любимым делом, что для исполнителей его уровня и возраста большая редкость. Так в 1971 году он трижды выступал в спектакле гастролировавшего в Москве Полтавского музыкально-драматического театра имени Гоголя «Наталка-Полтавка» в роли Петра, а в сезоне 1972—1973 года в Большом зале Московской консерватории исполнял ряд сцен из оперы «Лоэнгрин» Вагнера. Затем в последующие годы состоялись многие концертные программы, где Козловский, кстати, большой мастер исполнения русских и, особенно, украинских народных песен, а также старинных цыганских романсов, выступал в том числе в дуэте с более молодыми коллегами по сцене. Были в этом ряду и достаточно оригинальные представления. К примеру, в 1977 году на сцене Центрального Дома литераторов певец выступал вместе с сыном великого Шаляпина — Борисом Шаляпиным, приезжавшим тогда в Москву и оказавшимся неплохим исполнителем. Естественно, большие концерты проводил выдающийся артист и по случаю своих очередных юбилеев. Долгие годы не забывал Козловский проводить и музыкальные программы «Пушкинских дней» на родине поэта, где с 1967 года каждое лето 6 июня голос певца звучал над полянами и холмами Михайловского и Тригорского и под сводами Святогорского монастыря.

Посчастливилось Козловскому встретить и свое девяностолетие. В марте 1990 года на сцене Большого театра СССР,

где шестьдесят пять лет назад он дебютировал в партии Ленского в опере Чайковского «Евгений Онегин», патриарха, народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда, лауреата двух Сталинских премий, кавалера пяти орденов Ленина чествовали ведущие культурные силы страны, считавшие за честь высказать великому певцу слова поздравлений и своей огромной признательности. А министр культуры СССР, народный артист РСФСР Николай Губенко, напомнив о времени съемок его картины «И жизнь, и слезы, и любовь», в которой певец, приглашенный сняться в эпизоде этого фильма, «сделал всё, чтобы поставить режиссера на колени», по собственному желанию встал на колени перед юбиляром сам. К нему присоединился и выдающийся оперный режиссер, народный артист СССР Борис Покровский... Едва по переполненной сцене к юбиляру удалось тогда подобраться и известному украинскому советскому поэту, народному депутату СССР Борису Олейнику, увенчавшему Ивана Семеновича знаком лауреата Государственной премии Украинской ССР имени Т.Г. Шевченко.

«Долголетие артиста — это ведь не только долгожительство на сцене, но и способность сохраниться в памяти народа, — размышлял Иван Семенович. — А здесь единственный путь к этому — поддержание контактов с тружениками, ради которых в конечном счете и создаются шедевры искусства. Важно, чтобы эти контакты не были показухой, не ограничивались бы отчетной галочкой в рапортичках, а были бы искренними и постоянными. Я, например, на всю жизнь запомнил поездку в село, на родину М. Рыльского, с группой артистов. Путь в жару по пыльной дороге был трудным, но всех нас в конце концов вознаградил восторженный прием простых слушателей — крестьян, до предела заполнивших местный Дом культуры, запомнился облик этих людей, их одежда, лица, восторженные глаза. Такие встречи стимулируют к творчеству, дают заряд новых сил и желание работать».

Показухи, выпячивания, самолюбования, чванства, а в первую очередь непрофессионализма и поверхностного отношения к вокальному искусству Козловский не терпел. Да и как могло быть по-другому, ежели он сам прошел большую профессиональную школу и всегда при этом оставался предельно взыскательным к самому себе певцом? А разве мог бы он, не будь требовательным к себе, достичь такой вокальной техники, бывшей совершенной в самом полном и точном смысле слова, о которой и сегодня грезят многие отечественные вокалисты-профессионалы? Нет, не мог. Потому и заво-

евал Иван Семенович высочайшее и заслуженное признание, отмеченное высокими званиями и государственными наградами. Но, собственно, дело не в них, тем более сам маэстро за ними не гнался. Подлинный художник в первую очередь грезит о другом, а именно о том, как бы привнести в искусство что-то свое индивидуальное, новое, до него никем не выявленное и не показанное. Иначе никак нельзя, если художник не желает для себя мнимой «славы» подражателя...

Козловский-художник с ярко выраженной позицией творца-созидателя, будучи в летах преклонных, имел моральное право говорить и от имени всего советского оперного искусства, так как тот огромный личный вклад в его становление, многолетнее служение главной оперной сцене страны позволяли ему выступать в почетной роли непререкаемого авторитета в этой области вокального искусства. 24 марта 1975 года напутствия мастера прозвучали и в его интервью, опубликованном в «Правде»:

«Опера — жанр условный; в музыке, в пении, и прежде всего в пении, она выражает то, что волнует современного человека, передает сложный мир его душевных переживаний. У драматического и музыкального театра разные выразительные средства. Когда об этом забывают — оперная постановка, как правило, терпит неудачу...

Конечно, признание художника, в том числе и того, кто работает в жанре оперы, — это выразить прежде всего дух своего времени. И те, кто чутко ощущает пульс эпохи, естественно, не могут не искать новых форм, не дерзать, не делать открытий. Без этого невозможна жизнь в искусстве. Важно только не принижать, не огрублять условную, поэтическую природу жанра поверхностным бытовым примитивным пониманием того, что на сцене современно...

Я верю в будущее советской оперы. В то, что появятся новые спектакли, поставленные смело, талантливо, но с обязательным соблюдением одного правила: опере — оперное!»

Именно об этом ключевом правиле, увы, некоторые представители последующих поколений оперных исполнителей стали преднамеренно или непреднамеренно забывать. Зачастую оперное искусство в новых реалиях стало превращаться чуть ли не в шоу-бизнес... О такой судьбе любимого детища Иван Семенович себе, наверное, не мог представить и в страшном сне. Но, справедливости ради, тех вокалистов, кто и сегодня идет по проторенной и нелегкой дороге классического оперного искусства, по той самой дороге, по которой достойно прошел и Козловский, всё же больше. Хочется верить, что они и продолжат преумножать славу своих выдаю-

щихся предшественников — лучших мастеров русской классической и советской оперных школ.

Вообще же Козловский — это в первую голову голос. Голос столь удивительный и неповторимый, позволявший ему одинаково легко справляться с партиями и драматического тенора (Лоэнгрин, Хозе), и меццо-сопрановыми (Орфей, Зибель), и даже с очень высокой по тесситуре партией Звездочета в «Золотом петушке» Римского-Корсакова, предназначенной для характерного голоса тенора-альтино. И такое редкое сочетание, соединенное в одном лице, позволяло Козловскому убедительно и в совершенстве воплощать на сцене столь несхожие между собой образы, как мудрый старец Берендей из «Снегурочки» Н. Римского-Корсакова и легкомысленный янки Пинкертон из «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини или страдающий Вертер (одноименная опера Ж. Массне) и прокофьевский Принц, влюбленный в три апельсина. При сем для артиста не существовало разделения ролей на большие и малые, ведущие и второстепенные, «выигрышные» и «проходные». К каждой он подходил с огромной ответственностью и в каждой оставался индивидуально неповторимым. Потому-то и стали его Ленский в «Евгении Онегине» П. Чайковского, Юродивый в «Борисе Годунове» М. Мусоргского, Баян в «Руслане и Людмиле» М. Глинки, Владимир в «Князе Игоре» А. Бородина, Индийский гость в «Садко» Н. Римского-Корсакова, Герцог в «Риголетто» Дж. Верди, Лоэнгрин в одноименной опере Р. Вагнера, Зибель в «Фаусте» Ш. Гуно, Ромео в «Ромео и Джульетте» Ш. Гуно, Арлекин в «Паяцах» Р. Леонкавалло — достоянием всей советской оперной школы.

И дабы более конкретно и контрастно представить голосовые возможности Козловского, позволю себе обратиться к мнению авторитетного советского музыковеда и музыкального критика Иннокентия Попова: *«Сугубо индивидуален прежде всего сам голос Ивана Семеновича, его тембральная палитра. Красота его необычайна. Любые эпитеты, любые прилагательные превосходных степеней будут недостаточны для описания этого волшебно-сказочного тембра. В нём, тембре этом, и серебряная звонкость, и небесная чистота, и поэтическая одухотворенность. Ближе всего к существу здесь, пожалуй, определение «неземная красота». Но как же заштамповали его! Однако попробуем снять патину бездумных повторов эпитета, и тогда высветится его первозданная образная сила. В самом деле, такие певцы, рождающиеся раз в столетие, как бы даруются нам свыше. Неземную красоту, волшебство Искусства несут они нам...*

Как родился вокальный феномен Козловского? Многое здесь, конечно, не поддается объяснению. Почему именно в этот момент, именно в этой стране? Однозначных ответов здесь нет и быть не может. Крупнейшие таланты вспыхивают в истории культуры непредсказуемо, и мы лишь потом, задним числом, аргументируем закономерность их появления. В случае с Иваном Семеновичем Козловским закономерность эта высвечивается лишь в самой общей форме: кульминационный расцвет русской вокальной школы, окружение мастеров — коллег по труппе Большого театра, теснейшее постоянное общение с дирижерами и режиссерами, раскрывающими перед певцами новые и новые горизонты».

Далее известный критик отмечал два определенных обстоятельства, о которых следует сказать обязательно. Это, в первую очередь, тесная связь исполнительства Козловского с русской духовной музыкой, а во-вторых, это сама вокальная школа певца, которую ему посчастливилось пройти.

Связь с духовной музыкой способствовала *«вокальному совершенству, ибо православное церковное пение отличается удивительной естественностью звуковедения и помогает каждому певцу сохранять прекрасную вокальную форму. К слову говоря, в творческой биографии Козловского интерпретация православных песнопений занимает весьма существенное место. К сожалению, по понятным причинам сфера эта оставалась практически вне внимания общественности»*. К сему лишь добавим, что эти свои суждения Попов высказывал в начале 1990 года, накануне девяностолетия Козловского.

Что же касается вокальной школы, освоенной им в молодые годы, то Козловский в действительности был прилежным и трудолюбивым учеником, искренне стремившимся постичь премудрости певческого мастерства, дабы стать в недалеком будущем профессиональным исполнителем, способным воспроизводить на сцене сложнейшие оперные партии, любая из которых затем для него становилась событием.

О каждой работе Козловского на оперной сцене в свое время было высказано немало восторженных отзывов. И все они в принципе сводились к констатации его потрясающего таланта и яркой индивидуальности. Профессиональные музыковеды и критики детально рассматривали исполнявшиеся им на сцене Большого театра классические партии, находя в них особые черты, лишь ему присущие. Выстраивали они и определенные параллели, опять же подчеркивавшие удивительные особенности таланта Ивана Семёновича. Вот, к примеру, взглянем на странную на первый взгляд, но свя-

занную глубоким духовным единением триаду: Моцарт, Орфей, Баян. Вроде бы что может быть общего у Римского-Корсакова, Глюка, Глинки? Разные эпохи, разные жанры и краски. Однако же всюду равно торжествовала мысль о власти музыки и пения над душой и сердцем, а также о непреходящей вечной власти художника над временем, над его незаметным течением, над сменой эпох. Посему-то исключительная индивидуальность Козловского обнаруживала себя отнюдь не в одном лишь образе Моцарта — олицетворенной гармонии, ясности и стройности, но и в образе Баяна, в вещих напевах демонстрировавшего свет и величие эпоса. В иной трагедийной окрашенности Козловский преподносил глюковского Орфея, при этом величавая эпичность, классически-строгая стройность всей сюжетной конструкции им неизменно согревалась теплом человеческих эмоций. Оттого-то персонажи эти в его исполнении и обретали иные выражения, одухотворенные высокой человечностью.

Здесь же уместно вспомнить и Юродивого из «Бориса Годунова» Мусоргского, так же по-особому, с эпическим размахом представленного певцом на сцене. Не акцентируя внимания на чертах «убожества», изувеченности, недугах калеки, Козловский выводил на первый план разум ясновидца, прозорливость пророка. Сквозь плач и стон бессвязных фраз вдруг прорывалась скрытая сила гнева, неприятия несправедливости, боли за свой народ, за свою страну. Так в общем эпизодический персонаж, не теряя индивидуальной неповторимости, перерастал в собирательный образ народного гнева и страдания, непочатых, могучих сил, дремлющих в приниженном, нищем и голодном люде. Символическая значительность такого Юродивого, порожденного, практически выстраданного Козловским, выводила его за пределы данной роли. И всё же наличествовало точное и острое понимание идей композитора, его эстетики, оказавшихся близкими и певцу. Отмечая выдающуюся эту роль, Борис Покровский скажет: *«Создание классического образа в оперном театре явление очень редкое. Исполнителей ролей много, среди них есть замечательные. Создателей подлинных образов — единицы... Это сделал Козловский. Он создал небывалый еще на оперной сцене характер, и в этом было выражено глубокое понимание художником истории нового времени. Одним голосом, музыкальностью, артистизмом этого не сделаешь, здесь решает дело мировоззрение художника, его гражданственность»*.

Существо редкостного феномена Козловского останется навсегда неразгаданным. Собственно, иного в оценках поэтичности, особой музыкальности совершенства его вокаль-

ных возможностей и быть бы не могло. Ну как, скажите, можно постичь глубинные мотивы и весь творческий замысел, который певец вкладывал в своего Ленского? Ведь его Ленский, восторженный, влюбленный не столько в Ольгу Ларину, сколько вообще в жизнь, был полон особой внутренней силы. Он буквально впечатлял своим достоинством, благородством, неколебимой уверенностью в правде светлых и чистых чувств. Даже предсмертная ария Ленского, так прочувствованно исполнявшаяся певцом, не была наполнена горечью и страхом, скорее она овеяна любовью к жизни. Не было у героя Козловского и заранее заданной эмоциональной обреченности, звучавшей и продолжающей звучать у иных певцов. Ленский Козловского навсегда остался явлением, бесподобным явлением в отечественном оперном искусстве.

Ну а граф Альмавира не явлением ли был? Неужели надменный испанский аристократ, снисходящий до любовного приключения, но потом решающий жениться на воспитаннице некоего провинциального доктора Бартоло, не впечатлял и не вызывал яркого эмоционального всплеска чувств? По воспоминаниям любителей оперы прошлых лет, кто бы ни был партнерами Козловского в «Севильском цирюльнике», именно его Альмавира оказывался главным героем происходящего. Посему даже Фигаро становился лишь старательным помощником сиятельного графа, в исполнении Козловского бывшего центром притяжения всех персонажей.

Нельзя не сказать и о Индийском госте в опере «Садко». И ведь всего-то исполнялась одна жанровая песня в сцене торжища Новгородского. По сути, чисто фоновая партия. Но у Козловского она неизменно превращалась в сверкающий бриллиант вокального и сценического мастерства, лучи которого неудержимо приковывали к себе внимание слушателей, ставивших Индийского гостя в центр гигантской фрески, которую являет собой четвертая картина оперы-былины великого волшебника русской классической музыки Римского-Корсакова.

Незабываем и Лоэнгрин Козловского. Рыцарь священного Грааля, посланный с небес на Землю сеять добро, восстанавливать попранную справедливость. Внешне он чуть холодноватый, но сердце его живое и трепетное, горит сочувствием ко всем обиженным и нуждающимся в помощи. В исполнении Козловского это не просто рыцарь, а «святыни той посол», некое существо иных заоблачных миров, где расположен фантастический Грааль. Да и вообще мало кому в истории советского оперного искусства удавалось достичь

такой мощи и эмоциональной насыщенности в показе этого героя Вагнера, особенно в финальном его рассказе, как Козловскому.

Ярко и выразительно смотрелся и Фауст Козловского. Юноша неуемной энергии и такой жизненной силы, что Мефистофелю, создававшему его, приходится очень трудно. Но тут вновь следует акцентировать внимание на поразительном умении певца становиться эпицентром всего происходящего не только с точки зрения соответствия сюжетных линий спектакля, но, что более существенно, в аспекте музыкальной драматургии партитуры.

Понимание музыки, музыкального языка, музыкальных особенностей и нюансов для Козловского было столь естественным и органичным, что любое произведение, им исполняемое, могло говорить о точном попадании в цель. Представитель русской классической школы, наследник ее высоких вокально-художественных принципов, Козловский всегда видел в своем искусстве средство, с помощью которого он с предельной ясностью имел возможность доносить до слушателя основной смысл музыкального произведения, а также и идейное, этическое начало создававшихся им сценических образов. И, что не удивительно, слушатель отзывался на искусство певца всегда с особыми чувствами, рождавшимися у него уже в самом начале спектакля или концерта, как только Иван Семенович начинал петь. Можно сказать, что так и рождалась некая обоюдная, психологически-эмоциональная гармония, буквально роднившая певца и публику.

Но в чем же заключалась причина поистине неотразимого воздействия искусства Козловского на всех тех, кто однажды слышал его чарующий голос, будь то в театре, на концерте, по радио, с грампластинки, ну а ныне благодаря более современным средствам звукозаписи? Бесспорно, в самом голосе, в прекрасных вокальных возможностях, которыми его щедро наделила природа. А также и в том обаянии, искренности, доверительности исполнения, бывших ему в полной мере присущими.

За долгие годы своей исполнительской деятельности Козловский накопил огромный театральный и концертный репертуар, говоривший о его беспредельной художественной эрудиции. Исполнительская же манера певца была отмечена редкой музыкальностью — качеством, с трудом поддающимся определению, но живо ощущаемым слушателем. Сам же облик Козловского был исполнен возвышенного артистизма и особого покоряющего благородства. И об этом было хорошо известно огромной армии поклонников его искусства,

не устававших восхищаться филигранным мастерством вокалиста, прекрасной игрой первоклассного актера, умевшего и без грима, и без сценического костюма создавать впечатляющие художественные образы. К сему добавим, что Козловский обладал и блестящим режиссерским даром, выражавшимся не только в оперных постановках, но и в поразительном умении выстраивать драматургическую линию и масштабного произведения, и даже вокальной миниатюры.

Режиссера в Козловском увидел Владимир Немирович-Данченко. Причем режиссера, стремившегося найти особый ход и особую индивидуальную линию в трактовке роли для наиболее выразительного раскрытия ее музыкально-драматического содержания. И предвидение Владимира Ивановича полностью оправдалось. В 1938 году по инициативе и под художественным руководством Козловского создадут Государственный ансамбль оперы СССР, с которым Иван Семенович осуществит ряд постановок опер в концертном исполнении. Это спектакли с участием Козловского в главных ролях: «Вертер» Массне, «Орфей» Глюка, «Паяцы» Леонкавалло (в этой опере Козловский пел партию Арлекина), «Моцарт и Сальери» Римского-Корсакова, «Наталка-Полтавка» Лысенко.

«Было бы грубой ошибкой рассматривать оперный концерт-спектакль как своеобразное приспособление к условиям примитивной сцены, — рассуждал Козловский о своих поисках новых форм оперного спектакля в статье «Опера на концертной эстраде». — Оперный концерт-спектакль — полнокровная, художественно полноценная форма музыкально-сценического искусства... Создавая концертный спектакль, мы прежде всего стремимся сохранить его драматическую сюжетность. Мы стремимся воспитать в актере мастерскую выразительность жеста, мимики, дикции... На концертной эстраде наши певцы-актеры будут двигаться, плакать, смеяться, жить, как на настоящей сцене, и вещи, окружающие их, будут так же вполне реальными, чтобы зритель легко воспринимал всю обстановку, всё развитие драмы».

Первым спектаклем, поставленным ансамблем Козловского, был «Вертер» Массне. Известен отзыв на эту работу композитора Климентия Корчмарева: «Создается полное впечатление спектакля, однако такого, в котором музыка играет первенствующую роль. В этом отношении Козловский может считать себя победителем. Оркестр, находящийся на одной площадке с певцами, всё время прекрасно звучит, но не заглушает певцов. И вместе с тем сценические образы живы. Они способны волновать, и с этой стороны данная поста-

новка свободно выдерживает сравнение с любым идущим на сцене спектаклем. Опыт Козловского, как вполне оправдавший себя, заслуживает большого внимания».

Своими спектаклями Козловский пытался по-новому решить и ряд постановочных проблем, связанных с поведением актеров на сцене («тогда мы мечтали найти новую форму оперного спектакля, основу которого составляло бы звучание, а не зрелищность», — вспоминал много позже Иван Семенович), с использованием балета («не типично оперный балет, а полноправно действующие, немногочисленные, но предельно выразительные танцовщики-актеры»), с размещением оркестра, хора, с максимально лаконичным сценическим оформлением. Но, увы, по объективным причинам работа ансамбля прекратится и задумки Козловского останутся нереализованными.

Творческая жизнь большого артиста не могла проходить вне той среды, той каждодневной вполне обыденной атмосферы, которая его и породила, а также и дала путевку в большую жизнь. Уроженец села Марьяновка Киевской губернии, Козловский до 1919 года занимался в Киевском музыкально-драматическом институте по вокалу у профессора Е.А. Муравьевой. И с педагогом ему, надо сказать, явно повезло. Елена Александровна, воспитавшая целую плеяду замечательных исполнителей, заложила в него профессиональные навыки и фундамент требовательности к себе, позволивший ему с годами стать воистину великим тружеником в искусстве. Сам же Иван Семенович впоследствии так отзывался о своем педагоге: *«Когда бы ни размышлял о своем творческом пути, неизменно возвращаюсь мыслями к этому замечательному человеку, обладавшему исключительным даром педагога-вокалиста. Муравьева безошибочно определяла, какими гранями должен засверкать тот или иной голос, как помочь ему обрести свою неповторимую форму»*.

Суровое время потребовало от молодого Козловского решительных действий. Добровольцем он идет в Красную Армию, проходит службу в Полтаве, где несколько позже на сцене передвижного музыкально-драматического театра и начнется его самостоятельная творческая жизнь. В 1924 году молодого певца пригласят в труппу Харьковской оперы. Следующий сезон он уже будет встречать в Свердловском оперном театре, а в 1926 году Козловский дебютировал на сцене Большого театра. С тех пор он на протяжении трех десятилетий был солистом Большого театра Союза ССР.

В первый же сезон службы Козловского в Большом театре, Немирович-Данченко, специально пришедший послушать

молодого премьера в «Ромео и Джульетте», скажет ему по окончании спектакля весьма примечательные слова: «Вы необычайно храбрый человек. Вы идете против течения и не ищете сочувствующих, бросаясь в бурю противоречий, которые переживает сейчас театр. Я понимаю, что вам трудно и многое пугает вас, но поскольку вас окрыляет ваша смелая творческая мысль, — а это чувствуется во всем, — и виден везде ваш собственный творческий почерк, — плывите, не останавливаясь, не сглаживайте углы и не ждите сочувствия тех, кому вы кажетесь странным».

Напутствие великого режиссера Козловский выполнит и приобретет свой исключительный, неповторимый творческий почерк, став ведущим тенором Большого театра, исполнив в общей сложности около пятидесяти ролей русского, зарубежного и советского репертуара. В сознании же нескольких поколений советских граждан, любивших музыку, Козловский и Большой театр были неразделимы. В славной и непрерывной истории главной театральной сцены страны творчество Козловского станет одной из самых ярких страниц.

На сцене Большого театра Козловскому приходилось переживать разные ситуации, заканчивавшиеся, как правило, достаточно успешно. Ему на всю жизнь запомнился случай, ставший одним из самых серьезных творческих испытаний, произошедших с ним в первые годы работы в Большом. В тот день шла опера Гуно «Ромео и Джульетта», в которой партию Ромео исполнял сам Собинов. В антракте после второго акта Леонид Витальевич вдруг почувствовал, что у него «пропал» голос и он не может продолжать участвовать в спектакле. Тогда с согласия Собинова послали за Козловским. Иван Семенович в уборную выдающегося певца входил с волнением, но еще больше поволноваться его принудит просьба Собинова спеть вместо него партию Ромео во второй половине спектакля. И оробевшему Козловскому, естественно, придётся согласиться... С трудной задачей молодой певец тогда блестяще справится. Зал ему бурно аплодировал, а на следующий день он услышит слова благодарности и от Собинова, разглядевшего в Козловском яркий и самобытный талант.

Большой театр был для Козловского без преувеличения родным домом. На его сцене он исполнял лучшие партии, а его партнершами по сцене были несравненные Антонина Нежданова, Надежда Обухова, Валерия Барсова. Эти выдающиеся русские певицы ценили своего более молодого коллегу за блестящий голос, талант, артистизм, обаяние. Высокую оценку Козловскому давали и его коллеги-исполни-

тели, и театральные режиссеры, и все те работники театра, без которых выход спектакля в свет просто-напросто невозможен.

Козловский всегда жил одной неразрывной жизнью с большой Советской страной и ее многонациональным народом. В годы Великой Отечественной войны он вместе с другими представителями творческих профессий ковал нашу общую Победу. *«Мне довелось много раз выступать перед фронтовиками, — вспоминал Иван Семенович годы спустя. — И в госпиталях, и вблизи передовой. К раненым не раз ездил вместе с Алексеем Николаевичем Толстым. Он читал свои рассказы, а я пел. Приходилось и на митингах выступать, и воззвания писать... Помню, прилетели в Харьков в день его освобождения. На Холодной горе еще фашисты были. Пою перед бойцами — тишина мертвая, никто не шелохнется, только слышно: самолет в небе стрекочет. Потом оказалось — вражеский самолет. Спокойно мог расстрелять нас из пулемета. Потому и сидели не шелохнувшись...»*

Певцу всегда было интересно откликаться на многочисленные приглашения выступать даже на совсем неподготовленных сценах. И в таком «пении с колес» он не видел ничего предосудительного, поскольку знал, что его везде любят и ждут. Любили Козловского и дети. «Не могу забыть свои выступления в «Артеке», — делился Иван Семенович добрыми воспоминаниями. — Детская аудитория — самая чуткая, отзывчивая, благодарная. Мне довелось петь детям в поезде на пути из Крыма в Москву. Среди пятидесяти артековцев были дети из разных стран. Я ощущал великую силу искусства, которая объединяет всех».

Певец никогда не забывал о своей малой родине (кстати, в 1994 году в Москве был учрежден Фонд имени И.С. Козловского, его учредителями стали: старшая дочь певца Анна Козловская и выходцы из Советской Украины, бывшая многолетняя солистка Большого театра СССР, народная артистка СССР Бэла Руденко и известная эстрадная певица, исполнительница русских народных песен, народная артистка РСФСР Александра Стрельченко. Ныне этот фонд возглавляет известный советский и российский композитор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, уроженец Донецкой области Валерий Кикта). В годы расцвета творческой деятельности он довольно часто бывал на Украине, давал там концерты, вновь и вновь покоряя слушателей своим блестящим пением украинских народных песен, которых знал предостаточно. Благодарная память Ивана Семеновича навсегда сохранила и многие славные украинские имена, с

которыми ему посчастливилось сотрудничать. И первым среди них было всегда дорогое ему имя выдающейся актрисы, народной артистки Украинской ССР Марии Заньковецкой.

Бывая в Киеве уже в качестве знаменитого тенора, он приходил в дом на окраине города, где жила Мария Константиновна. Когда-то он участвовал с ней в «Цыганке Азе», в квартете лирников[1] был первым тенором и пел «Ой, у поля озерце». Теперь же он приходил к ослепшей актрисе, чтобы спеть ей романсы Чайковского или ее любимые украинские народные песни. В 1933 году 72-летняя Заньковецкая напишет ему: *«Для всех Вы знаменитый, славный певец-премьер И. Козловский, новый Орфей оперного театра, а для меня Вы хороший, милый Ивасик, любимая, волшебная птица Очеретянка, которая много лучше соловья. Очеретянку хорошо услышать утром, на рассвете. Своим ни с чем не сравнимым дивным пением она всегда встречает солнце и дарует своим веселым щебетаньем надежду на веселый, погожий день»*.

Пожалуй, в этом сравнении выдающегося певца с дивной птицей был заложен глубокий смысл. Действительно, Иван Семёнович всю свою большую жизнь окрылённо встречал и даровал людям солнце. Потрясающее солнце чистейшего, неповторимого пения. Пения возвышенного, классического, народного, современного. В общем того, которое призвано волновать, вызывать живые ассоциации, чувства, рождать добрые помыслы и надежды... Нам же, к счастью, оставлено его вокальное наследие, благодаря современным техническим средствам вполне доступное. Разумеется, должна продолжать жить и наша благодарная память об этом самородке, певце и подвижнике, беззаветно служившем Отечеству.

г. Симферополь

---

[1] *Лирник* — музыкант-певец, который аккомпанирует себе на лире